

УБИЙСТВО ЛЕДИ

ШОТЛАНДСКАЯ ТАЙНА

Энтони Винн

Murder of a Lady

A Scottish Mystery

[The Silver Scale Mystery]

by Robert McNair Wilson

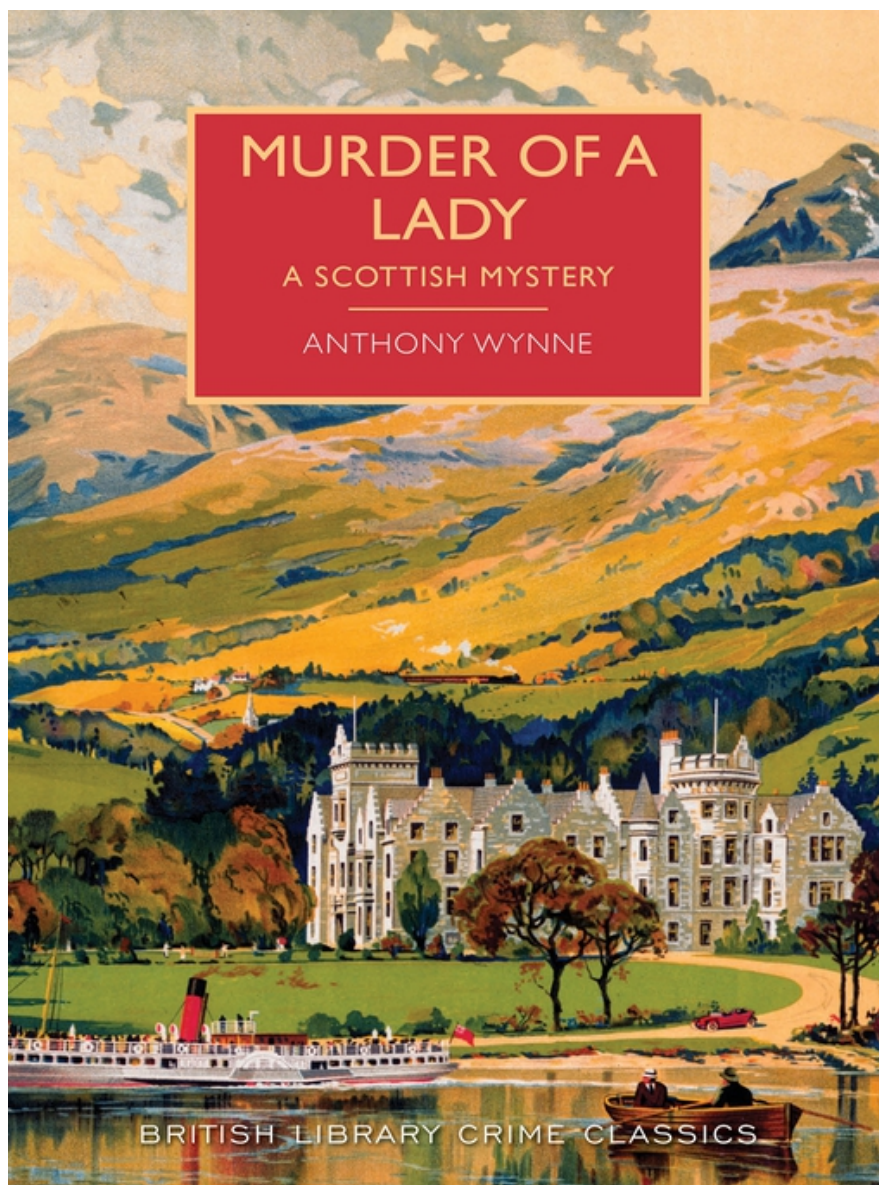
Writing under the pseudonym "Anthony Wynne"

Dr. Eustace Hailey #12 (Доктор Юстас Хейли №12)

© 1931 by Anthony Wynne

Originally published in London in 1931 by Hutchinson

Перевод на русский Валентин Макаров, 2017

Глава I. Убийство в замке Дахлан

Мистер Леод Маклеод, фискал-прокурор* Мид-Аргайла, более известный в округе как «Монарх из Глена», заслужил свое неофициальное звание хотя бы потому, что обладал черепом положенной формы и подходящими чертами лица. Настоящий горец, с прямой спиной, коренастый, величавый как скала, вскипающий точно шквал и непостижимый словно греческая комедия. Когда в десять часов вечера он шагнул мимо дворцового в курительную комнату Даррох Мора, даже доктор Юстас Хейли не сдержавшись, ахнул, чем немало позабавил хозяина, полковника Джона Маккаллена.

— Я должен извиниться, джентльмены, за то, что побеспокоил вас в столь неудобный час.

Сказав это, мистер Маклеод согнулся в поклоне, как дерево под ураганом.

— Не хотите ли присесть?

— Спасибо. Да. Почему бы и нет. Боже мой, уж не десять ли часов?

Джон Маккаллен дал знак своему дворцовому придвинуть столик с выпивкой ближе к гостю, который поспешил на помощь слуге.

— Очень любезно с вашей стороны. Так, так...

Доктору Хейли показалось, что мистер Маклеод плеснул в стакан слишком много виски. Еще больше он удивился, когда Маклеод выпил всё это, не разбавив, одним глотком.

— Верите ли, господа, — выдохнув, торжественным тоном сказал Маклеод и отер губы, — с каким тяжелым сердцем я шел сюда? Я слышал, что доктор Хейли здесь. Серьезность дела и наша удаленность от помощи не оставляют мне другого выхода, как положиться на его талант.

Он волновался, когда говорил, и доктор Хейли заметил, как у него на лбу выступили бисеринки пота.

— Произошло убийство, — сказал он вполголоса, — в замке Дахлан, я имею в виду. Мисс Мэри Грегор убита.

— Как?!

— Да, полковник Маккаллен, уж поверьте, совершенно точно. Бедную женщину убили прямо в постели, прошлой ночью. — Рука фискал-прокурора приподнялась, чтобы изобразить ужас и осуждение.

— Но это невозможно. У Мэри Грегор не было врагов в этом мире, — Джон Маккаллен повернулся к доктору Хейли. — Даже бродяги и лудильщики останавливались, когда она проходила мимо, и благословляли ее, ведь она неустанно заботилась о них.

— Знаю, полковник, знаю, — сказал мистер Маклеод. — Да и кто в Аргайле не знает? Но вместе с тем я констатирую тот прискорбный факт, что она убита. — Голос его снова упал. — Я в жизни не видел такой ужасной раны.

Глава II. Рыбья чешуйка

Мистер Маклеод в очередной раз вытер лоб, так как обильно и часто потел. Его ноздри раздулись.

* Служба фискал-прокуроров в Шотландии расследует преступления и поддерживает обвинение в шерифских судах.

— Рана была нанесена не обычным ножом, — начал он хриплым голосом свой рассказ. — Плоть истерзана. — Он повернулся и обратился к доктору Хейли. — Когда ее нашли, мисс Грегор лежала, привалившись к кровати, и... — Он сделал паузу, кровь отлила от его лица. — Дверь в комнате была заперта изнутри. Как и окна.

— Что же это, запертая комната? — воскликнул Джон Маккаллен.

— Полностью, полковник. Никто не мог войти в эту комнату, и никто не мог выйти из нее. Я сам осмотрел окна, да и дверь тоже. Вы бы не могли закрыть эти окна снаружи, даже если бы попытались. То же самое можно сказать и о двери.

Он покачал головой, закрыв глаза, словно общался с высшими духами. Через мгновение он снова обратился к доктору Хейли.

— Рана, — сказал он, — находится в верхней части левого предплечья, около шеи. Насколько я могу судить, в ней, ране, три или четыре дюйма глубины, и она выглядит так, будто осталась от топора. И все же, как ни странно, крови было немного. Доктор Макдональд, из Ардмора, который осматривал тело, считает, что она умерла больше от шока, чем от раны. Мисс Грегор, похоже, долгие годы страдала слабостью сердечной мышцы. Полагаю, в таких случаях кровотечение не столь обильно.

— Такое возможно.

— На ночной рубашке крови не так много, — Маклеод глотнул еще виски и продолжил. — Я позвонил в полицию Глазго, но инспектор Дандас, сказали там, будет здесь только утром. Тогда я вспомнил о вас и подумал, вот было бы здорово, если бы доктор Хейли согласился осмотреть комнату и тело с тем, чтобы мы хоть что-то имели к утру. — Он встал и добавил: — Машина у дверей.

В Дахлан выехали вместе с Маккаленом.

В холле замка их встретил брат убитой, майор Хэмиш Грегор. Маклеод назвал его Дахланом. Дахлан был похож на старого орла. Он неожиданно энергично потряс руку доктора Хейли, но не сказал при этом ни слова. Затем он проводил Джона Маккаллена в боковую комнату, предоставив Маклеоду отвести доктора наверх.

— Смертельным мог быть и удар, — громко шепнул прокурор своему спутнику во время подъема по дубовой лестнице. — Дахлан и его сестра жили душа в душу.

Лестница упиралась в галерею, из которой вели несколько коридоров. Они прошли вдоль одного из них и подошли к двери, из которой был вырезан замок. Маклеод сделал паузу и повернулся к доктору.

— Вот здесь. Замок пришлось вырезать. Войдя, я испытал сильный шок, и, понимаете, взял некоторую паузу...

Доктор Хейли склонил голову, но слушал оправдания горца с рассеянным видом. Дверь бесшумно открылась. Он сразу увидел кровать и около нее женщину в белой ночной рубашке, стоящую на коленях. Комнату освещала керосиновая лампа, которая стояла на туалетном столике. Шторы были задернуты. Седые волосы коленапреклоненной фигуры отливали в тусклом свете. Женщина выглядела так, словно молилась.

Он огляделся. На стенах вперемешку висели картины, фотографии в рамках и образцы домашнего рукоделия. Мебель была ветхой и громоздкой, из красного дерева. Огромная кровать с балдахином, древний умывальник, напоминающий шкаф, в котором уместился бы феодальный замок, и среди этих мастодонтов, как стая оленей, повсюду были разбросаны легконогие столы и небольшие кресла — всё просиженное, с линялой и запятнанной обивкой.

Он пересек комнату и остановился, глядя на мертвую женщину. Маклеод не преувеличивал: ключица была перерублена. Он нагнулся и отдернул ночную рубашку, обнажив рану полностью. Выражение сострадания на его лице сменилось удивлением. Он повернулся и попросил Маклеода подойти. Он указал на бледный шрам, который, начинаясь от участка чуть выше груди, шел к центру раны и заканчивался у верхней границы области

сердца.

— Взгляните на это.

Маклеод внимательно осмотрел шрам, потом покачал головой.

— Что это значит? — спросил он шепотом.

— Заживший рубец. Если коротко, это значит, что сегодняшняя рана не первая.

— Может, остался после операции?

— Это не хирургический шов. Следы и точки от стежков никогда не исчезают.

Маклеод задумался. — Я ничего не знаю о предыдущем нападении.

Наблюдая, как доктор изучает шрам через монокль, двигая им вверх и вниз, он снова вспотел. За окном с уханьем пронеслась сова, что заставило мистера Маклеода испуганно вскрикнуть.

— Рана давняя, — отозвался доктор Хейли, — ножевая. Видите, какой аккуратный рубец остался, как если бы рана была сшита. Шрам ровный и узкий. Тупое орудие оставило бы рваные края.

Затем он перешел к свежей ране. — Вот пример того, что я имею в виду. Последняя рана точно не резаная. Когда-то в прошлом мисс Грегор получила ножевое ранение, очевидно, кто-то покушался на ее жизнь. Почему-то все считают, что сердце расположено выше, чем есть на самом деле, хотя для непосвященных обычное дело.

Он встал на ноги и выпрямился. Прекрасно вылепленная голова, не отличаясь по великолепию от увенчанного ею тела, неожиданно всплыла над головой его спутника. Маклеод взглянул на него и вспомнил Голиафа Гефского, который преследовал его в детских кошмарах.

— Никогда не слышал о таких попытках, — сказал он.

— Из того, что о ней говорил Маккаллен, я понял, что покончить с собой она могла только в крайнем случае?

— В самом крайнем.

Доктор вернулся к старому шраму.

— Люди, которые убивают себя, — рассуждал он, — наносят, как правило, один удар, который следует по прямой и оставляет после себя короткий след, тогда как люди, которые убивают других, наносят удары под углом, после чего остается более длинный след. Данный след, как вы можете убедиться, длинный. И он уходит книзу, что происходит в случае, когда рану наносят ножом.

Потом он полностью переключился на свежую рану. — Здесь удар был нанесен с очень большой силой тем, кто держал в руках орудие, скажем, с длинной рукояткой. Тупое орудие. Убийца стоял лицом к своей жертве. Она умерла от шока, потому что если бы ее сердце продолжало биться, рана кровоточила бы сильнее.

Беспокойная сова, пролетев за окном, снова потревожила Маклеода.

— Только сумасшедший мог нанести такой удар, — сказал он взволнованным шепотом.

— Вероятно, так оно и было.

Доктор Хейли вынул из кармана медицинский зонд и исследовал рану. Затем он зажег электрический фонарик и направил луч на лицо женщины. Маклеод тяжело вздохнул. Лицо было в пятнах, которые доктор Хейли квалифицировал как следы от пальцев — перед смертью мисс Грегор прижала руку к лицу. Он опустился на колени и взял ее правую руку, которая была сжата в кулак и окоченела настолько сильно, что он с трудом разогнул пальцы. Все они были покрыты засохшей кровью. Увиденное озадачило доктора.

— Она схватилась за орудие, — заключил он. — Из этого следует, что в момент удара

она была жива.

Он взглянул на пальцы левой руки. Чисто. Он поднялся на ноги и обратился к Маклеоду:

— Ее левая рука была беспомощна. Она схватила оружие правой рукой, затем прижала ее к лицу. Учитывая малую кровопотерю, оружие, которым нанесли удар, должно быть, оставалось в ране, пока его оттуда не вытащили. Возможно, перед падением жертва пыталась вырвать оружие из раны самостоятельно. Убийца был свидетелем этой агонии и забрал оружие с собой.

Маклеод схватился за какую-то доску в изножье кровати. Ему было дурно.

— Нет никаких сомнений, никаких, — пробормотал он. — Но как убийца вышел из комнаты? Посмотрите на дверь. — Он указал на толщину красного дерева там, где был выпилен замок. — Пройти через нее невозможно. Как и через окна.

Доктор Хейли не спорил. Он подошел к ближайшему от кровати окну и раздвинул шторы. Затем открыл окно. Теплая свежесть августовской ночи вошла в комнату за лунным светом. Он снова зажег фонарик и осмотрел подоконник. Затем закрыл окно и осмотрел запоры.

— Говорите, оно было заперто?

— Да, это — да. Другие тоже. — Маклеод снова промокнул лоб и добавил: — Эта комната располагается непосредственно над курительной комнатой.

Доктор Хейли подвигал запором взад-вперед. Пружина, которая удерживала его на месте, казалась слабой и сильно изношенной.

— Мисс Грегор спала с открытыми окнами?

— В такую погоду, думаю, да. Я справлялся — прошлой ночью окна были открыты.

Доктор посветил фонариком под окном и сразу же наклонился вниз. На полу он увидел капли. Кровь.

— Посмотрите сюда.

— Вы думаете, на нее напали здесь? — осторожно спросил Маклеод.

— Не исключено. Или она пришла сюда после того, как получила ранение. Обратите внимание на небольшое количество крови. Всего несколько капель. Оружие в ране. — Он снова наклонился и на мгновение замер, рассматривая пятна. — Есть вероятность, что ее ударили здесь. Когда нож остается в ране, крови нужно секунды две, чтобы пойти хорошей, сильной струей. Без сомнения, она бросилась назад к кровати, и там у нее подкосились ноги.

— Убийца не мог сбежать через окно, — заметил мистер Маклеод, успокоившись. Следов внизу нет, и земля достаточно мягкая, чтобы заметить, как проскакал воробей. Утром вы увидите, что никакое существо на двух ногах не сумело бы вскарабкаться по этим стенам. Они такие же гладкие, как тыльная сторона ладони. Здесь нужны строительные леса, чтобы выйти в окно.

Он явно изучил все возможности. И все отверг. Маклеод снова вытер лоб. Доктор Хейли подошел к камину и осмотрел топку с той же тщательностью, что и окно.

— По крайней мере, мы можем быть уверены, что дымоход для этой цели не годится.

— Более чем. Я лично убедился. Человеческое тело в этот дымоход не вмещается.

Оставалось посмотреть там, где тело упало на колени. Крови было достаточно, но в гораздо меньшем количестве, чем должно было быть, если допустить, что рана до момента наступления смерти была открытой.

Доктор Хейли водил фонариком по маленькой коленопреклоненной фигуре, задерживаясь на секунду в некоторых местах. Он уже завершал свой осмотр, как вдруг что-то блеснуло слева, словно росинка в траве, в том месте, где воротник ночной рубашки наложился на рану. Доктор Хейли наклонился и заметил крошечный круглый предмет,

приставший к коже. Он дотронулся до него, и кругляш тут же сместился. Это была рыба чешуйка.

Глава III. Брат и сестра

Доктор Хейли попросил мистера Маклеода подтвердить свое наблюдение. Фискал-прокурор сделал это без колебаний.

— Да, это чешуйка от селедки. Другой рыбы здесь отродясь не водилось, хоть кого спросите на этой стороне Лох-Файн.

— Если это так, то нам придется искать что-то, связанное с рыбной ловлей.

Маклеод согласился. — Может быть, может быть. Кажется, рыбаки пользуются топором, хотя я ничего такого не припомню. Удивительно, что чешуйка только одна. Обычно после селедки на руках их остаются сотни.

— Лезвие, вероятно, был очищено.

— От этих чешуек, скажу я вам, не так-то просто избавиться. Они останутся везде, к чему бы вы не прикоснулись, так что некоторое их количество довольно легко не заметить, что уж говорить об одной.

Волнение Маклеода росло. Обнаружение селедочной чешуйки, казалось, потрясло его не меньше, чем сам факт убийства, возможно, потому, что рыбным промыслом вокруг Лох-Файн в Аргайлшире, прямо или косвенно, кормилось огромное количество людей. Доктор Хейли открыл перочинный нож и очень осторожно подцепил лезвием чешуйку. Он отнес ее к туалетному столику под свет лампы.

— Если не возражаете, я заберу это с собой. Для дальнейшего изучения, — заявил доктор Хейли. — К счастью, вы свидетель и можете подтвердить, что улика была изъята в вашем присутствии.

Свои слова доктор сопровождал методичными действиями: убрав нож, он достал из жилетного кармана часы, открыл их и приготовился поместить чешуйку между крышкой и циферблатом, когда мистер Маклеод прервал его, сказав, что столь важное доказательство должно быть показано инспектору Дандасу.

— Вот против этого позвольте возразить, доктор. Давайте оставим всё как есть до прихода Дандаса. Человек он привередливый, и ему не понравится, если кто-то со стороны начнет давать советы. Так что если мы не хотим неприятностей на свою голову, лучше здесь ничего не трогать.

— Хорошо.

Доктор Хейли убрал чешуйку в один из ящичков туалетного столика.

— Прежде чем, мы спустимся вниз, — сказал он, — я хотел бы снова открыть окно. Я видел у причала лодку.

— Моторка Оуэна, сына Дахлана.

При раздвинутых шторах и яркой луне лампа выглядела раздражающе тусклой и только мешала. Доктор поднял окно и глянул на тихие воды Лох-Файн, по которым бежала мерцающая серебряная дорожка, направляясь к устью ручья. Он слышал его журчание, когда обходил замок с этой стороны. Хейли посмотрел вниз. Широкая клумба, освещенная из окна курительной внизу, отделяла от стен подъездную дорожку, больше похожую на тележечную колею. Дорожка заканчивалась у парадной двери, слева от окна. Еще левее, у самого ручья, берег круто обрывался.

Лодка была привязана в устье ручья. Ее белый корпус сиял в лунном свете и резко контрастировал с черным пятном причала, сооруженного прямо на выходе из маленького устья.

— Погасите свет, хорошо? — попросил он своего компаньона.

Вид на озеро (залив) Лох-Файн, Шотландия

Как только Маклеод выполнил его просьбу, он отвернулся от прекрасного без внутреннего содрогания. Седые волосы мисс Грегор сияли в лунном свете усиленным блеском, из-за чего ее ночная рубашка казалась еще более отталкивающей. Темнота в комнате делала женщину далекой, призрачной, нереальной. Маклеод вышел в коридор и зажег лампу.

Вцепившись в нее обеими руками, он увидел, как доктор Хейли догоняет его. Стеклянная воронка тряслась, издавая слабый, дребезжащий звук.

— Не могу смотреть на бедняжку, — признался Маклеод. — Вы видели лунный свет на ее волосах? Кажется, в последние мгновения жизни она молилась.

Он огляделся вокруг. Доктор опасался за лампу в дрожащих руках Маклеода.

— Жуткое ощущение оставляет этот дом. Когда-то, я слышал, в нем водились привидения.

Вместе с тем, казалось, что он не спешит покидать это место, где произошло убийство, словно испытывал мрачное удовольствие от нахлынувшего ужаса. В его представлении связь религиозных идей и примитивных суеверий, пожалуй, была очевидна. В конце концов, размышлял доктор Хейли, вся история человечества — это осознание необходимости разделять божественное и демоническое.

— Боюсь, — возразил он, — у мисс Грегор совсем не оставалось на это времени, учитывая, какой удар она приняла.

— Ах, доктор, доктор. *Посреди жизни мы во власти смерти**.

Мистер Маклеод с придыханием процитировал знакомое изречение, кивками головы подчеркивая ничтожность существования. Он, по-видимому, принадлежал к той породе пожилых людей, у которых приготовлены надежные цитаты на все случаи жизни. Но его страхи были слишком глубоки, чтобы быть рассеянными за короткий промежуток времени.

* Цитата ошибочно приписывается Ноткеру Заике (840 — 912), монаху-бенедиктинцу Санкт-Галленского монастыря, поэту, композитору, богослову и историку.

— Ужасно сознавать, — воскликнул он, — что здесь, в этих стенах, в эту минуту хозяйничает рука смерти.

Он захихикал и вдруг стал серьезным, как пес, услышавший подозрительные шорохи. Живое воображение овладело беспокойными чертами его лица.

— Да, — повторил он, — Мэри Грегор преклонила колени в последнюю, смертную минуту. Ее сила была в молитве.

Внезапно он смолк. Похоже, только сейчас до него дошло, что просьба мертвой женщины не была услышана, и, пораженный этим открытием, он смиренно вздохнул:

— *Господь дал, Господь и взял**.

Они спустились вниз, в курительную комнату Дахлана. У доктора Хейли быстро сложилось впечатление, что он попал в нечто среднее между антикварным магазином и мастерской таксидермиста. Комната была набита чучелами животных, рогами и состарившимся дубом. Старик поднялся навстречу и, пританцовывая возле кресел, торжественным взмахом руки предложил гостям удобно располагаться. Либо это семейная трагедия так сказалась на нем, либо придворный этикет невозможно было вытравить никакими семейными трагедиями.

— Ну как, доктор? — спросил он резким, пронзительным голосом.

— Пока ничего неясно.

Сказав это, доктор Хейли покачал головой. Отсутствующее выражение в его глазах ничем не выдавало того внимания, с которым он разглядывал комнату и ее владельца. Спальню наверху и барахолку здесь, на первый взгляд, объединяло многое, но прежде всего путаница в головах их хозяев. Оба, казалось, тащили в замок всё, что поддавалось бездумному накоплению. Дахлан собирал охотничьи трофеи, большей частью которые добыл сам; его сестра — модели вышивок и прочие атрибуты благотворительных распродаж. Вещи, похоже, подбирались по шкале наибольшего дискомфорта и уродства. Кресло, в котором он сидел, готово было выстрелить ему в спину, а те, которые он видел в комнате мисс Грегор, были все до единого непривлекательны и неудобны. Но в них просидело не одно поколение Грегоров. В конце концов, весь замок выглядел как огромная лавка старьевщика.

— У моей дорогой сестры, — сказал Дахлан, — во всем мире не было врагов. Невозможно представить, чтобы кто-нибудь мог на нее обидеться. — Он бережным движением разгладил на коленях килт. — Поверьте мне, ее дни были днями служения.

Он вещал с жаром священника. Лицо превратилось в плоскую маску, лишенную выразительности, но на щеках выступили красные прожилки.

— *Пути ее — пути славные*, — добавил он из притчей Соломоновых, — *и все стези ее — мир*.

Помолчали. Доктор Хейли почувствовал себя неуютно. Несомненно, старик понимал, о чем говорил, но его понятие фамильной чести была настолько гипертрофированным, что восхваляя сестру, он, казалось, подсознательно восхвалял себя.

— Расскажите доктору всё, что вам известно, Дахлан, — сказал Маклеод.

— Боюсь, рассказывать особенно не о чем. Наша жизнь не богата на события. — Дахлан повернулся к своему гостю, и его пальцы, худые и бледные, вытянувшись вперед, на мгновение крепко обхватили резные подлокотники кресла. Нервное перебирание пальцами напоминало движения паука. — Прошлым вечером, — продолжил он, — мы, как обычно, сели ужинать вместе. Она была очень утомлена, так как проработала весь день.

* Иов, 1:21.

Он прервался, чтобы поправить серебряные украшения на ремне, который, как заметил доктор Хейли, имел гербовую пряжку. И снова это было сделано с нежностью и заботой.

— Моя сестра, — сказал он, — пожаловалась на головную боль. Я предложил отказаться на время ужина от волынщика, на что она ответила следующее: «Мой дорогой Хэмиш, вы, конечно, должны помнить, что у нас волынщики играли на ужине даже тогда, когда умер отец». Горские обычаи были священны для нее. Несмотря на недомогание, она приветствовала Ангуса, нашего волынщика, с безукоризненным почтением, и, когда он закончил играть, встала и протянула ему круговую чашу. Я уверен, он понял и оценил ее самоотверженность. Вот так, доктор Хейли, моя дорогая сестра в последний вечер ее жизни думала и заботилась о других, верная традициям нашей семьи.

Он смахнул слезы, навернувшиеся на глаза.

— Мы ужинали вдвоем, я и она. Невестке нездоровилось, а сын еще не вернулся, и я почувствовал, что мысленно уношусь к тем временам, когда мой отец, покойный Дахлан, занимал мое место и казался своим детям существом необычайной доброты. Мысли Мэри двигались в унисон с моими, и она сказала, что отец был для нее самым благородным человеком на свете, который когда-либо ступал по этой земле. «Его дом, — одухотворенно сказала она, — был исполнен доброты его». Потом она заговорила о маленьком внуке. Как искренне она надеялась, что он окажется достойным тех ценностей, наследником которых является. «Если бы только в моих силах было внушить ему, что нет других привилегий, кроме долга!» — мечтала она. Приезд маленького мальчика год назад на время, пока его отец находился на Мальте, стал для нее высшим блаженством, поскольку это открывало для нее возможность проявить себя в качестве воспитателя.

— И, поверьте мне, она воспользовалась этой возможностью. Она искренне верила, что основой воспитания характера должна быть религия. «Страх Господень, — всё время повторяла она, — есть начало мудрости». Она старалась привить этот страх в сердце ребенка. Ей было дано, как никому другому, проникать в душу ребенка. Происходило это, как я думаю, в силу безграничной открытости ее личного характера. Одним взмахом руки она могла предложить целый мир идей. Ее дух восхищался любовью и красотой, но мысли всегда находились под бдительным оком совести. Если она верила в милосердие, она никогда не закрывала глаза на справедливость. Ребенок, которого она воспитывала, должен был уметь полагаться на такие проявления божественного, как свет и воздух. Он должен научиться постигать ту благостыню, на которую способно человеческое сердце, но в то же время он должен научиться осознавать, что даже любовь обусловлена праведностью. Наставления, которые чаще всего сходили с ее уст, были теми, что подвигали к путям святости, сдерживающим и очищающим даже самые добрые из наших человеческих порывов.

Лицо Дахлана стало серьезным. Он поднял руку в жесте, в котором благоговение слилось с искренним непониманием.

— Не буду скрывать, — продолжал он, — взгляды моей дорогой сестры не разделяли те, кто должен был заботиться о ребенке в первую очередь. В наше время повсюду царит расслабляющая дисциплина. Сентиментальными идеями, разлагающими по своей сути, слишком часто начали подменяться старые идеи справедливости и ответственности. Сегодняшние дети то и дело слышат о гуманности, милосердии, о любви и прощении, но слишком мало знают о последствиях, которые подстерегают любого нарушителя нравственного закона, как бы тривиально это ни звучало. Мы удаляемся от суровых добродетелей наших отцов. Задача Мэри, ее священная миссия, состояла в том, что она пыталась делать всё, что в ее силах, чтобы не допустить этих ошибок.

Всё это излагалось тяжело и монотонно, без каких-либо интонаций, что напоминало слепо заученный урок. Ощущение было настолько сильным, что доктор Хейли осмелился заметить, что современные идеи не обязательно являются ложными, так как и они базируются в основе своей на добре, а не на зле, которое является частью человеческой природы. Услышав его доводы, старик резко отшатнулся.

— Моя дорогая сестра имела безграничную веру в доброту человеческой натуры, — парировал Дахлан. — Но эта вера основывалась на глубокой религиозной убежденности в том, что человек рождается в грехе. Она слишком ненавидела зло, чтобы заключить с ним соглашение или притвориться, что это было простое заблуждение. «Я не терплю сюсюкающего сентиментализма, — часто говорила мне она, — провозглашающего, что во имя любви можно оправдать любое беззаконие». И заканчивала всегда словами: «*Ибо кого любит Господь, того наказывает*»*.

Голос Дахлана звучал страстно, словно та легкая критика, с которой он столкнулся, коснулась его лично, поколебав его собственный дух и распространяя вокруг себя сомнения, которые непременно должны быть подавлены.

Он взмахнул тощей рукой.

— Уверю вас, — продолжил он, — вера Мэри была *крепкой башней*** . Раз за разом находил я опору и утешение там, где моя собственная вера колебалась. Ее характер был *домом, построенным на камне**** . Она была твердой, непреклонной. Я по своей природе никогда бы не достиг той степени сопротивления злу, которая была ее отличительной чертой. Но она давала мне силу.

Старик снова вытер глаза.

— Прошу прощения за эти мелкие подробности, — извинился он. — Но поскольку вы любезно согласились помочь мне в случившемся несчастье, в память о моей дорогой Мэри я обязан был рассказать вам про ее жизнь. — Он склонил голову. — Она поднялась к себе вскоре после ужина. Около десяти часов Кристина, ее служанка, понесла ей стакан молока. Она выпила молоко, — она всегда выпивала стакан молока на ночь, — легла и, казалось, уже заснула. В четверть одиннадцатого Кристина потушила свечу и ушла.

— Она была последней, кто видел мисс Грегор живой? — спросил доктор Хейли.

— Последней. — Старик поднялся из кресла. — Я рад, что так получилось, потому что они были старыми и добрыми друзьями. Кристина закрыла глаза моему дорогому отцу, когда он умер. Она делила с нами наши радости и печали на протяжении тридцати лет.

При упоминании своего отца Дахлан благоговейно понижал голос. Дань уважения была поразительной, но доктор Хейли не мог отделаться от мысли, которую ему заронил Джон Маккаллен, рассказывая о покойном лорде Дахлане. Человек этот был тираном: упрямый, несгибаемый и своевольный. Кроме всего прочего, особенно в последний период жизни, он сильно пил и вел разгульный образ жизни, что навлекло на семью позор и унижение. Неужели эти неприятные сцены вынудили его детей опираться друг на друга? Несомненно, им требовалось подобное утешение, которое они могли получать и отдавать в равной степени.

— Ваша сестра не пользовалась керосиновой лампой? — спросил доктор Хейли.

— Нет, сэр. — На губах старика появилась слабая улыбка. — Несомненно, — сказал он, — для вас кажется странным, что мы живем в отсталости от века, но факты таковы, что Мэри смотрела на керосиновые лампы с недоверием, которое в старых умах всегда вызывают новшества. Мы родились и воспитывались в эпоху свечей, и эта романтическая форма освещения оставалась наиболее удобной для нас обоих. В нашей гостиной всегда зажигались свечи, и я очень любил, когда они там горели. Даже те, кто привык к электричеству, любили посидеть там при свечах. Недавно мой сын заговорил о проведении электричества в замок, но Мэри просила, чтобы все усовершенствования отложили до ее смерти.

* Притч. 3:12.

** Притч. 18:11.

*** Мф. 7:24-25.

Экзальтированность, с которой он делал это и другие заявления, принижала их значение. Доктору снова показалось, что Дахлан действовал как простой рупор. Его сестра даже со смертного одра направляла через него свои мысли и слова. Как же велико было искушение доктора Хейли узнать собственное мнение старика о воспитании детей, керосиновых лампах и электричестве.

— Мисс Грегор, — доктор Хейли задал следующий вопрос, — никуда не выезжала за последний год?

— Никуда. Ее жизнь, в основном, была связана с этим домом. Когда-то давным-давно она наездами посещала Эдинбург, и очень редко, в течение сезона, выбиралась в Лондон, недели ей вполне хватало. Но в последнее время экскурсии были полностью заброшены. — Дахлан откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. — Все нити управления домом и окрестными землями находились в ее руках. Ничего не оставлялось на волю случая. Ни одна вещь не игнорировалась, никакая мелочь не упускалась из виду. Она была замечательным управляющим, замечательным организатором, замечательной экономкой. Все делалось без спешки, без суеты, рачительно. Должен признаться, без ее восхитительного таланта и дальновидности, меня бы давно не было в замке. Немного охоты да сторожка на краю имения — вот и всё, на что я мог рассчитывать. Мэри была в ужасе от такой перспективы, и это ее постоянно тревожило.

Доктор достал из кармана жилета серебряную табакерку, молча открыл ее и взял щепотку нюхательного табака. Он исполнил ритуал с большим изяществом, но лицо его оставалось непроницаемым.

— Как ее обнаружили? — спросил он.

— Обнаружили, когда горничная, Флора, понесла ей утренний чай. По-видимому, она заперлась, хотя раньше за ней такого не водилось. Флора постучала в дверь, но не добилась ответа. Она позвала Кристину, потом Ангуса, но всё попусту. Тогда Ангус пошел за мной. — Старик прервался и на мгновение задумался, опустив голову. — Мой сын вернулся поздним вечером, — продолжил он. — Он был в Эйршире по делам военной службы. Я разбудил его. Вызвали плотника, который вырезал замок из двери. Послали в Ардмор за доктором Макдональдом. Он прибыл еще до того, как дверь открыли.

Дахлан откинулся на спинку кресла. Его лицо, кожа которого напоминала пергамент, заострилось, как у трупа. Казалось, он не дышит.

— Скажите, вы по-прежнему уверены, — спросил доктор Хейли, — что у мисс Грегор не было привычки запираť дверь своей спальни на ночь?

— Абсолютно.

Черные глаза Дахлана сверкнули. Доктор покачал головой.

— Так вот, — пробормотал он, — прошлой ночью ей пришлось изменить своей привычке.

Старик не ответил. Он беспокойно ворочался в кресле, пока его пальцы не начали барабанить по подлокотникам. Внезапно он дернулся вперед, прислушиваясь. У парадного входа остановился автомобиль.

Глава IV. Инспектор Дандас

Инспектор Роберт Дандас был молодым человеком с умным лицом. Его появление в курительной комнате Дахлана говорило само за себя: пришел, чтобы победить. Смесь радушия с безразличием, адресованная по случаю визита в его приветствии старому лэрду*, сходу дала понять, что никаким соображениям не дозволено препятствовать исполнению им

* Лэрд — представитель нетитулованного дворянства в Шотландии (*англ.-шотл.*)

служебного долга.

Он был не очень высокого роста, но его стройная фигура делала этот факт несущественным. Доктор Хейли подобрал определение «жилистый», подразумевая твердые мышцы и гибкое тело. Если брови и глаза Дандаса были девичьими, то зубы, казалось, обладали мертвой хваткой. Этому способствовал рот, обрамленный чрезвычайно тонкими губами, концы которых смотрели вниз. Мистер Маклеод, знавший молодого инспектора, представил его Маккаллену и доктору. В ответ Дандас бодро пожал всем руки и тут же нахмурился.

— Как видите, фискал, я не заставил себя ждать, — обратился он к Маклеоду.

Манера речи у него была спокойной, деловито сдержанной, как у гробовщика. Голубые глаза при этом строго оглядывали комнату. Они смягчились, когда ему доложили о проделанной доктором Хейли работе.

— Прежде чем подняться наверх, — сказал он, — я хотел бы знать, кто в настоящее время проживает в доме. — Он повернулся к Дахлану и вытащил из кармана толстую записную книжку. — Пожалуйста, подробный список.

Последнее замечание было сделано в манере врача, составляющего историю болезни. Дахлан чопорно повиновался.

— Мне удобнее начать с себя, — сказал он. — Дальше идут мой сын Оуэн и его жена. Четверо живущих с нами слуг...

Натренированная рука Дандаса поднялась вверх.

— Прошу вас, не так быстро. Вы — майор Хэмиш Грегор, Королевский Шотландский полк, Батальон Горцев Аргайла и Сазерленда, лэрд Дахлана, графство Аргайл? — Быстро строчил он. — Сколько вам лет, сэр?

— Семьдесят четыре года.

— Вы старше или младше своей покойной сестры?

— Старше.

— Теперь ваш сын. Он офицер вооруженных сил, верно?

— Оуэн — капитан Королевского полка артиллерии.

— В отпуске?

— Нет. Мой сын вернулся с Мальты месяц назад. Он пробыл там сравнительно недолго, меньше года. Сейчас по особому распоряжению в Эйршире.

— Я не понял. Он здесь только на один день или как?

— Он приехал вчера вечером. Понятия не имею, когда ему назад.

— Возраст?

— Тридцать два года.

— Это ваш единственный сын?

— Единственный ребенок.

— Вы вдовец?

— Да.

— Как долго?

Дахлан нахмурился, но через мгновение лицо его просветлело.

— Моему сыну было четыре года.

— Значит, двадцать восемь лет?

— Получается, так.

— Ваша сестра жила с вами всё это время?

— Со мной. Да.

— Вашего сына воспитывала она?

— Да.

Несколько секунд Дандас молча водил карандашом.

— Сколько времени ваш сын женат? — продолжил он.

— Три года и сколько-то там месяцев.

— Дети?

— Мальчик двух лет.

— Имя его жены? Полное девичье...

— Уна Гринор.

— Ирландка?

Ироничная улыбка тронула губы Дахлана.

— Надо полагать, — сказал он серьезно.

— Миссис Грегор была с мужем на Мальте?

— Нет, она осталась здесь. Из-за сына.

— А в Эйршире?

— Нет.

— Сколько ей?

— Двадцать четыре.

— В каких отношениях она... — светлые волосы Дандаса сверкнули в искусственном освещении, когда он резко и неуклюже дернул головой, что вошло у него, по-видимому, в привычку, — она была с вашей покойной сестрой в плане привязанности?

Доктор Хейли, тяжело скрипнув креслом, проследил за реакцией старика на этот вопрос. Глаза Дахлана вспыхнули черным огнем.

— Поскольку вы не имели чести знать мою сестру, я прощаю вам этот вопрос, — раздражительно заметил он.

— Я не хотел вас обидеть, сэр.

— Я так и подумал. — Дахлан потер подбородок. — Моя невестка, — сообщил он, — испытывала к своей тетушке чувства любви и уважения, как и все остальные, кто знал ее.

Дандас записал. «Отношения — сердечные», — процитировал он свою запись тоном, который вызвал у доктора Хейли ощущение оскотины. — Что касается остального, проверим... — пробормотал он себе под нос. — Очень хорошо. Теперь мы можем перейти к слугам. Полагаю, меня встретил ваш дворецкий?

— Мой пайпер*, Ангус Макдональд.

— Но действуя в ранге дворецкого?

— Простите меня, мистер Дандас, но вы, кажется, плохо знакомы с обычаями Хайленда**. Ангус в первую очередь мой друг и друг моей семьи. Он был пайпером при моем отце, покойном Дахлане, который почитал за честь дружбу с ним. Я должен умереть

* Волынщик или музыкант, играющий на волынке (*шотл.*)

** Здесь и далее — собирательное название горной части Шотландии, а также ее жителей.

раньше его и молю Бога, чтобы он играл моему сыну. Наши волынщики не имеют статуса домашней прислуги, но в эти трудные времена мы вынуждены просить... вынуждены расширить их обязанности.

— Разве шесть и полдюжины это не одно и то же, сэр? — хладнокровно заметил Дандас. — Я имею в виду, пайпер он или не пайпер, человек по большому счету служит дворецким.

— Нет, это не так.

Инспектор пожал плечами. Он стал похож на современного горе-строителя, посетившего готический собор: никакого представления о величественном, но хотя бы внешне проявляющего уважение к старине, что в дальнейшем должно было выплеснуться в преувеличенном восхищении возрастом и мессой. Дандас, доктор Хейли не сомневался, не преминул бы похвастаться своим визитом в Дахлан, украсив его выдуманными подробностями. Казалось, старик не представлял себе подобную возможность, иначе его лицо не приобрело бы крайне свирепое выражение, характерное для некоторых дикарей и хищных птиц.

— Будьте добры, сэр, — возмутился Дахлан, — оставить в покое вещи, в которых вы не разбираетесь. Давайте по существу.

— Хорошо. Сколько лет вашему пайперу?

— Шестьдесят восемь.

— Женат?

— Холост.

— Другие слуги?

Дахлан задумался. Его глаза все еще сияли от гнева, но он держал себя в руках.

— Сестры Кэмпбелл, — сказал он. — Одна кухарка, другая горничная. Есть еще старая няня моего сына, Кристина. Но она не служанка.

Он замолчал, готовый в любую минуту призвать Дандаса к порядку, если тот снова позволит себе отклониться в сторону. Полицейский ждал, уставившись на ковер.

— Кристине шестьдесят. Она вдова. Ее фамилия — Грэм. Помогала моей сестре в качестве горничной. Приглядывает за внуком, вроде няни.

— Сестры Кэмпбелл местные?

— Да.

— Как зовут?

— Мэри и Флора. Мэри — кухарка, ей двадцать восемь лет. Флоре — двадцать пять.

Старик с презрением бросал скупые фразы. Он издевался над полицией с ее неизменными записными книжечками, скаля острые, как у овчарки, клыки. Под маской презрения могло скрываться облегчение от того факта, что расследование далеко идущих, по мнению доктора Хейли, планов убийцы было поручено столь недалекому уму.

Глава V. Всплеск

Неловкая тишина повисла в комнате. Нарушил ее Дандас.

— Последний вопрос, — сказал он, — перед тем, как я поднимусь наверх: вы ожидали, что ваш сын приедет поздно вечером?

— Мы ожидали, что он должен приехать.

— Пожалуйста, ответьте на мой вопрос.

— Мы не ожидали, что он приедет поздно вечером.

— Каким образом он добрался?

— На моторной лодке.

— Что?

Глаза Дахлана снова вспыхнули.

— Он приехал сюда на моторной лодке.

— Это что, самый короткий путь?

— Спросите у него сами.

Доктор Хейли в сопровождении Дандаса поднялся в комнату мисс Грегор. По дороге туда инспектор предупредил доктора, что предпочел бы вести расследование в одиночку.

— Я очень хорошо наслышан, доктор, — сказал он. — о ваших успехах на поприще любительского сыска. И я, конечно, благодарен вам за ту предварительную работу, которую вы здесь провели. Я буду счастлив, если вы согласитесь остаться со мной на время опроса свидетелей. Но я хочу кататься на лошади сам. У расследования не должно быть никаких *независимых* линий.

Он помолчал, а потом увидел, как оттопырилась щека Хейли:

— Хорошо.

— Пожалуйста, не дуйтесь. Поставьте себя на мое место. Это дело — шанс всей моей жизни. И если я не справлюсь, другого уже не будет. По натуре я волк-одиночка. Не могу идти в упряжке. Не могу собраться, если идеи *подбрасывают*. Мой нос, так сказать, не выносит посторонних запахов. Поэтому я всегда говорю: идите со мной, но не запутывайте. И не бегите впереди меня. Это не грубо. Это честно. — Лицо полицейского было настолько серьезным, что эта серьезность сгладила бестактное обращение. Доктор улыбнулся:

— То есть, я должен сидеть в сторонке? — мягко спросил он.

— Именно. Как важный гость.

— А если я откажусь от такой чести?

— Буду расстроен. Но я расстроюсь еще больше, если вы начнете работать по этому делу *независимо* от меня.

Доктор Хейли кивнул в знак согласия.

— Я проведу еще неделю в Даррох Море, — сказал он и улыбнулся. — В течение этого времени вы можете распоряжаться мной, когда вам будет удобно.

— Вы разве остановились не здесь?

— Нет.

Присущее доктору добродушие вновь заявило о себе. На его широком лице нельзя было прочесть ни враждебности, ни презрения. Пожалуй, оно вообще никогда ничего не выражало, была лишь некоторая мягкость в том смысле, что лицо как бы светилось само по себе. Человек внушал доверие и симпатию без лишней мимики.

— Если серьезно, я верю в ваш успех, — сказал он спокойно. — В этом деле многое зависит от удачи, уж поверьте моему опыту. Как в бридже: при плохом раскладе даже великий талант может остаться ни с чем.

— О, да, это каждому понятно.

По голосу Дандаса можно было предположить, что удача его никогда не оставляла. Но тем не менее его тон изменился. В знак некоторой разрядки он дружески протянул портсигар из пушечной бронзы.

— Я чувствую, — извинялся он, — вы решили, что я неотесанный и бесчувственный

чурбан. Это не так. Для вас преступление — хобби, а для меня работа. Если не получится, вас никто не обвинит, но в моем случае в следующий раз уже пошлют кого-то другого. — Он помолчал. — Есть и другая сторона. Если мы работаем в паре и находим нашего убийцу, лавры достанутся вам, независимо от степени вашей участия. Публика любит дилетантов. Признательность — лучшая награда в моем деле. Только этим держимся.

— Прекрасно понимаю вас. Поверьте, я бы не сунулся сюда сам...

Дандас кивнул.

— Что вы думаете об этом деле? — в лоб спросил он.

Доктор встретил этот неожиданный поворот с наигранным удивлением.

— Мой дорогой сэр, если я вам скажу, не породит ли эту путаницу в ваших суждениях, не будет ли это забеганием вперед? — осведомился он с лукавой улыбкой.

Инспектор покраснел.

— И всё же, — настаивал он, — я хотел бы знать ваше мнение, если, конечно, оно успело у вас сложиться?

Доктор Хейли покачал головой.

— Пока ничего определенного. Перед вашим приездом Дахлан только-только кончил рассказывать о своей сестре. Единственное, что я вынес из последних разговоров — это то, что мисс Грегор правила домом железной рукой. Ее брат, похоже, плывет по течению и отдал всё на откуп сестре. Сейчас, когда ее не стало, он яростно хватается за устоявшиеся порядки, как слепой, потерявший поводыря. Малейшее неприятие этих догм, похоже, выводит его из себя.

Дандас вскинул брови. По его виду было ясно, что от таких подробностей полиции мало толку.

— Боюсь, — заметил он, — моя забота касается тех, кто избавился от мисс Грегор, а не тех, кому трудно жить без нее.

Они расстались. Доктор спустился вниз. Впервые, подумал он, его так демонстративно отодвинули в сторону. Но решение было принято, и он подчинился. Хейли откровенно признался Дахлану и остальным, как обстоит дело.

— Дандас, он такой, — мистер Маклеод разочарованно покачал головой. — Упрямец, ему бы только всё делать самому. До сих пор, нужно признать, удача ему не изменяла.

— Будем надеяться, что не изменит и в этот раз.

Джон Маккален поднялся, чтобы уйти, и протянул руку Дахлану.

— Примите мои соболезнования, — сказал он. — Полиция, знаете ли, такая головная боль.

— Спасибо, Джон, — Дахлан повернулся к доктору Хейли. — Поверьте, я искренне благодарен вам. Сожалею, что вы не смогли продолжить свое расследование. — Он виновато посмотрел на него. Но несмотря на упаднические настроения доктора не покидало ощущение, что и он, лэрд Дахлана, и полицейский из Глазго были рады познакомиться с ним. Дахлан поднялся и взглянул на часы. Затем вынул карманные и посмотрел на них.

— Может, распорядиться с машиной? — спросил он у Маккалена.

— О, прошу вас, не беспокойтесь.

— Тогда если не возражаете я пройду с вами до сторожки? Захотелось подышать свежим воздухом.

— Мой дорогой Дахлан, это же очень далеко. Вы действительно считаете нужным провожать нас?

— А, не выношу одиночества.

Луна склонилась на запад и стояла высоко над их головами, когда они вышли из замка, чье псевдосредневековое не слишком бросалось в глаза в значительной степени из-за, что ночью это не так заметно. С Дахланом произошло то, что произошло со всем Хайлендом, когда в середине девятнадцатого века разбогатевшие лэрды предпринимали попытки переделать старые непритязательные жилища вождей клана в феодальные замки на английский лад. Башенки, балюстрады и прочие атрибуты мрачного баронизма напрочь загромодили прежние простые и красивые дома в угоду местным подрядчикам и назло общине.

Старик плелся всю дорогу, поэтому она заняла много времени. Маккаллен несколько раз пытался завязать разговор, но безуспешно. Доктор Хейли заметил, что каждый раз, когда Дахлан останавливался, а делал он это часто, он оборачивался и смотрел на озеро. Казалось, он к чему-то прислушивался. Однажды закричала морская птица, и он уронил свою трость. Доктор стал наблюдать за ним и вскоре был убежден, что эта прогулка случилась неспроста. Но что ловил его слух? Ночь стояла тихая и безмолвная.

— Моя сестра любила эти прогулки, — заговорил Дахлан. — Она много путешествовала, но утверждала, что с северной стороны домика открывается самая красивая панорама из всех, что она видела. Мне утешительно думать, господа, что сейчас она может быть с нами.

Он обратился к доктору Хейли: — Мы, горцы, — тихо произнес он, — живы духом наших холмов и озер. Вот в чем секрет того, что Лоулэнд*, который никогда не поймет нас, называет нашей честью. Да, у нас есть честь, честь крови, семьи, родной земли. Горцы готовы умереть за свою честь.

Слова прозвучали в ненавязчивой, но в восторженной манере. Дахлан, очевидно, верил по-настоящему в идеи, на которых базировалась его жизнь. Он пришел к фанатизму, пройдя весь путь; но твой фанатик, размышлял доктор, в душе всегда скептик.

Они подошли к сторожке. Старик чиркнул спичкой и посмотрел на свои золотые часы.

— Два часа, — сказал он, — как я понимаю. А сколько на ваших, доктор?

— Боюсь, мои часы остановились.

Маккаллен выставил запястье под лунный свет.

— Да, ровно два часа.

— Желаю вам доброго утра, господа.

Дахлан церемонно поклонился и повернул обратно. Они наблюдали за ним, пока его фигура не перестала отличаться от собственной тени.

Маккаллен шагнул за ворота, но доктор тронул его за руку.

— Я беспокоюсь за Дахлана, — сказал он.

— О, ничего страшного, он на своей земле.

— Послушайте, старина. Возвращайтесь в Даррох Мор, а для меня оставьте входную дверь на задвижку. Я прослежу за ним и вернусь.

— Я пойду с вами.

Доктор покачал головой.

— Простите, но я вынужден сделать это в одиночку. Все объяснения после.

— Дорогой Хейли...

— На то есть веские причины.

* Здесь — жители Лоулэнда, равнинных земель Шотландии.

Джон Маккаллен относился к тому редкому типу людей, которые не обсуждают мотивы чужих поступков. Он кивнул, вынул трубку и начал набивать ее:

— Хорошо, как скажете.

Доктор Хейли оставил его и поспешил за Дахланом. Он заметил, что при необходимости старик мог передвигаться скорым шагом. Но в замок он пришел один. По тому факту, что в курительной продолжал гореть свет, а внутри никого не было, он понял, что старик еще не возвращался. Со всеми предосторожностями он приблизился к освещенному окну, однако, не переступая за клумбу с цветами. От дома его отделяла только узкая подъездная дорожка.

Куда подевался старик? Он прогулялся вдоль стен замка к обрывистому берегу, на который загляделся из окна спальни мисс Грегор. Спускаясь к ручью, он крутил головой направо и налево, зорко всматриваясь в темноту. Внизу никого не было.

Выше причала поток расширялся. Это был прилив, и вода поднялась высоко. С того места, где он стоял, отчетливо просматривалась моторная лодка. Он вставил монокль, чтобы рассмотреть кого-нибудь на борту, и убедился, что лодка пуста. Он решил было спуститься к причалу, но передумал — его могли заметить из скопления деревьев в верховье ручья. Сомнения, зародившиеся по дороге и вынудившие повернуть обратно к замку, не давали покоя. Но стоило ему восстановить факты, они исчезли. Дахлан суетился со своими часами в замке и у ворот сторожки. Он изо всех сил старался внушить своим спутникам, что ушел от них в два часа. Вывод казался очевидным — на это время было назначено какое-то событие, которое впоследствии не должно было быть связано с ним.

В деревьях на противоположном конце ручья хрустнула ветка. Доктор Хейли повернулся и прислушался. Услышав, как открылось окно, он присел на корточки. Шаги приблизились и стихли. Затем луна высветила женщину, спускающуюся к причалу.

Она шла медленно, казалось, обдумывая каждый шаг. Женщина была молодой. На краю причала она остановилась и обернулась. Луна осветила ее лицо, и он заметил напряженные плечи и вздернутый подбородок. Вдруг она подняла руки и протянула их в сторону замка. Эту позу она сохраняла в течение нескольких секунд, затем ее руки упали, и она повернулась к воде, которая, отражая лунный свет, мерцала у ее ног. Звук, похожий на приглушенный кашель, раздавшийся где-то совсем рядом, заставил его повернуть голову и взглянуть в тени у ручья. Опомился он, только когда услышал всплеск. Женщина исчезла.

Глава VI. Уна Грегор

Доктор Хейли бросился к причалу. Женщина тонула. Он сбросил пиджак и прыгнул.

Она уже скрылась под водой, когда он подплыл к ней, но, нырнув, через минуту он поднял ее на поверхность. В свете луны он увидел, что она без сознания. Он вытащил ее на берег, положил на спину и начал делать искусственное дыхание.

Результат пришел не сразу, и он прервался, чтобы восстановить силы. Он зажег фонарик и взглянул на лицо женщины. Перед ним лежала черноволосая красавица.

То, что он увидел дальше, заставило его невольно вскрикнуть. Два продолговатых синяка слились в полукруг на шее. Чтобы осмотреть их, пришлось наклониться ближе. Фиолетовый цвет был насыщенным и оформившимся. Синяки, по крайней мере, появились не позже двенадцати часов. Нет сомнений, кто-то пытался задушить эту девушку.

Открытие потрясло его, но необходимость неотложных действий привела в чувство. Он погасил фонарик и снова принялся за работу. Наконец, она задышала естественным образом, и он выждал какое-то время, проследив, чтобы дыхание стало ритмичным. Ему показалось, что он слышит за спиной шаги, но фонарик никого не обнаружил. Отвлекаться было нельзя, легкие женщины, вялые и поврежденные, могли отказать в любую минуту. Он с усердием принялся за работу вновь и трудился до тех пор, пока ее расстроенное дыхание не

стало устойчивым. Ее сердце билось невероятно быстро. Он направил мощный луч прямо ей в лицо и приподнял одно из век с тем, чтобы яркий световой раздражитель достиг мозга. Она пошевелилась и инстинктивно зажмурила глаза. С ее губ сорвался стон, за которым последовала попытка что-то сказать. Хейли различил слова: «ради тебя» и «неправильно».

Доктор похлопал ее по щекам, помогая прийти в себя. Через мгновение глаза ее открылись. Она смотрела куда-то в темноту.

— Я так испугалась.

Она подняла руку, словно призывая на помощь. Он взял ее и начал растирать, чувствуя, как пальцы утопленницы сжимаются.

— Я так испугалась...

— Не волнуйтесь. Всё плохое уже позади.

В пустых глазах девушки появился страх. Она резко отдернула руку.

— Где я? — испуганно вскрикнула она.

— С вами всё в порядке.

— О, нет, нет! — Она судорожно вздохнула, затем с неожиданной силой оттолкнула его руку, державшую фонарик, чтобы убрать свет от своего лица.

— Я утонула?

— Да.

— Вы не должны были этого делать.

Она схватила его обеими руками. — Я чувствую себя ужасно слабой... ужасно.

Он достал из кармана фляжку и открыл ее.

— Пригубите, помогает, — сказал он.

— Что это?

— Бренди.

Она повиновалась и тут же с недоверием оглядела его.

— Зачем вы спасли меня? — застонала она и вдруг хрипло спросила: — Кто вы?

Он назвал себя, после чего она затихла, но ненадолго:

— Я Уна Грегор. Жена Оуэна Грегора.

— Я так и догадался.

Больше никаких объяснений не последовало. Ее начало трясти, и он снова прибег к помощи фляжки.

— Пойти сможете?

— Нет, нет.

— Вас нельзя здесь оставлять.

Ее губы задрожали, брызнули слезы. — Пожалуйста, не просите меня вернуться туда... Я не могу вернуться туда.

— Почему?

Зубы ее стучали, дыхание перехватило. Он понял, что ей всё труднее контролировать себя.

— Пожалуйста, не спрашивайте меня, доктор Хейли. Я не могу вернуться в замок.

— Хорошо, Даррох Мор вас устроит?

— А? Нет.

— Другого выхода я не вижу.

Он стоял прямо, но только сейчас почувствовал, насколько устал и замерз. Мокрая одежда неприятно пристала к телу. Он протянул ей руку, но она отказалась.

— Пожалуйста, оставьте меня в покое! — воскликнула она. — Возвращайтесь сами в Даррох Мор. — Ее голос упал. Поза выражала полное бессилие.

— Послушайте меня, — мягко сказал он. — По какой бы причине вы ни прыгнули в воду, попытка потерпела неудачу. Провидение, если можно так выразиться, сохранило вашу жизнь. И, конечно, сделало это в чьих-то интересах. Повторить задуманное не надейтесь, потому что, во-первых, до утра я вас никуда не отпущу, а, во-вторых, я сильнее. Утром же, милая барышня, я сдам вас в полицию, если решу, что вероятность рецидива велика.

— Вы не понимаете. Меня не стоило спасать. Клянусь, не стоило.

— У вас сын...

Она вскрикнула:

— Не смейте напоминать мне о нем.

— Я должен.

— Он забудет. Он не вспомнит. Он не узнает... — Она замолчала, ломая руки.

— И вы могли бы отдать его чужим людям?

— Чужим. Чужая — это я...

Доктор Хейли немного помолчал, затем сказал:

— Я видел это... на вашей шее.

Ее руки непроизвольно метнулись к воротнику платья. Она натянула его на шею и ничего не ответила.

— Врач сразу поймет, что вы подверглись нападению в течение последних двадцати четырех часов.

Она снова промолчала. Через некоторое время он попросил ее рассказать о случившемся.

— Если вы будете со мной откровенны, — заявил он, — то можете рассчитывать на мою помощь. Поверьте, в вашем случае глупо изворачиваться.

— Я не хочу говорить об этом.

Внезапно она подняла к нему лицо:

— В некотором смысле состояние моей шеи, обследованной вами, является врачебной тайной, не так ли? — спросила она.

— Допустим.

— Обещайте, что никому не расскажете... о синяках.

Он задумался.

— Хорошо, — сказал он и протянул руку. — Всё же вам стоит прогуляться. Не сидите на месте. Движение — это жизнь.

Она поднялась и после секундного колебания взяла его под руку. Он подумал, что от ее слабости не осталось и следа, однако, не прошло и минуты, как она пошатнулась и упала бы, не приди он ей на помощь.

— Не думаю, что смогу идти.

— Вы должны постараться.

Он снова дал ей свою фляжку и заставил выпить из нее. Они осторожно двинулись вдоль берега озера к скоплению деревьев, сквозь которые виднелась подъездная дорожка. У

первого дерева они сделали короткую остановку.

— Думаю, вам станет легче, — обратился он к ней, — если вы признаетесь, почему хотели покончить с собой.

— Нет.

— Дахлан знал, что вы собирались сделать.

Она отпрянула от него и схватилась за крепкий ствол. Вокруг них стояла тишина, и только где-то у замка крикливая сова напоминала им о своем дозоре.

— Откуда вы знаете?

— Он был здесь некоторое время назад.

— Это *он* вам сказал?

— Нет. Не он.

Она облегченно выдохнула и снова взяла его под руку.

— Моя способность угадывать то, чего люди мне не говорят, — сказал он, — со временем превратилась в привычку. Если старик знал, *что* вы собираетесь сделать, то, должно быть, одобрил ваш поступок, раз не стал вмешиваться. Это может означать только одно — он каким-то образом отождествляет вас со смертью своей сестры.

Он сделал паузу, зная, что она слушает его с затаенным дыханием, а потом спросил:

— Итак?

— Я не могу вам сказать.

— Но вы не отрицаете справедливости моих слов?

— Всё равно я ничего вам не скажу.

«Стоит ли дальше углубляться в тайну?» — размышлял он. Но вслух произнес:

— Возможно, я ошибаюсь, но Дахлан показался мне человеком, который может пожертвовать кем-то ради фамильной чести. Мне кажется, он убедил себя в том, что его теперешнее положение главы семьи является бременем, от которого желательно избавиться во что бы то ни стало и скорейшим образом. Он приготовился смотреть на вашу смерть буквально сквозь пальцы, полагая, что, будучи живой, вы представляете опасность для его семьи.

— Прошу вас, прекратите. Я... Я не хочу этого слышать. Не сейчас, во всяком случае.

Она умоляла, но не сопротивлялась. И только крепче вцепилась в его руку:

— Простите.

Они выбрались на дорожку и повернули налево к Даррох Морю. Сделав несколько шагов, она остановилась, тяжело дыша.

— Вы не бросите меня?

— С чего вы решили, что я должен вас бросить?

— Если бы вы только могли понять.

— Расскажите, и, возможно, пойму.

Казалось, она собиралась с духом. Они снова тронулись в путь, идя медленно и мучительно, и, наконец, подошли к сторожке Дахлана.

— Мне не могу идти в Даррох Мор.

Он решил, что она хочет сбежать от него, но быстро понял, увидев, как она опустилась на колени, что сильно переоценил темпы ее восстановления. Он наклонился, поднял ее и понес на руках...

— Не хотите ли немножко прогуляться?

— Да, пожалуй.

Она сделала попытку, но не слишком удачную. Он снова взял ее на руки и снова понес, преодолевая себя.

— Мы слишком долго пробыли на берегу.

Она не ответила. Казалось, она будет оставаться равнодушной к тому, что произошло или где он нашел ее, до тех пор, пока ее не отведут обратно в Дахлан. Наконец показались ворота Даррох Мора. Она заартачилась:

— Я не пойду.

Он увидел, что перед ним стоит затравленное существо.

— Как я могу оставить вас одну?

Она покачала головой.

— Вы не понимаете.

— Нет, это вы не понимаете. Скоро Маккаллен начнет искать меня с собаками. Я не оставлю вас здесь одну, ночью.

Она поймала его руку и стиснула ее судорожными пальцами.

— Там больше никого не было... ну, когда вы спасали меня?

— Нет.

— А как же Дахлан? Вы говорили...

— Я только предположил.

— Если он видел меня, значит, мог видеть и вас?

— Не знаю.

Она взглянула на луну.

— Если он там был, то, должно быть, знает, что мы пошли сюда?

— Может быть.

Она вздрогнула:

— Он ведь мог послать Оуэна.

Внезапно она замерла, прислушиваясь. Сзади них, со стороны Дахлана, раздались шаги.

Доктор Хейли обернулся и увидел высокого человека, который направлялся к ним. Вспыхнув, фонарь осветил лицо незнакомца. Девушка вскрикнула от ужаса.

Глава VII. Женщина, которая увидела призрака

Столкнувшись с мужем, Уна потрясающим образом преобразилась. Она мгновенно собралась с мыслями и привела их в порядок. На требование Оуэна, в котором смешались гнев и тревога, объяснить причину ночных гуляний, она спокойно ответила:

— Мне нужно было поговорить с доктором Хейли.

Такое поразительное по своей хладнокровности заявление можно было объяснить только яркой луной. Грегору следовало бы обратить внимание на то, в каком состоянии находится одежда его жены, считал доктор. Видимо, он был слишком возбужден, чтобы вообще что-либо замечать вокруг себя.

— Это ужасно неосмотрительно с твоей стороны, — вымолвил он, — особенно в такое время. — Отец разбудил меня и велел разыскать тебя. Он расстроен до невозможности.

— Он знает, что я должна была поговорить с доктором Хейли.

— Но не в такой же час, верно?!

— Это он сказал тебе, где меня искать?

— Отец сказал, что ты можешь быть здесь.

— Он знал, где я была.

Оуэн тупо уставился на свою жену. Затем его меланхолический взгляд переключился на луну.

— Я хочу, чтобы ты пошла домой.

— Нет, Оуэн.

— Что?

— Я не могу вернуться в Дахлан.

Оуэн казался растерянным.

— Почему... не можешь?

— Не могу и всё.

— Ты должна вернуться.

Она покачала головой.

— Доктор Хейли собирается попросить Джона Маккаллена приютить меня на одну ночь.

— Уна!..

Оуэн попытался схватить жену за руку. Она отшатнулась от него.

— Пожалуйста, не надо.

— Доктор, — искал он понимания у доктора Хейли, — вы же не станете поощрять подобное поведение? В дни траура, когда скорбит весь Дахлан...

Он замолчал, видя как задумчивый Хейли собирается что-то сказать.

— Я хочу, чтобы вы оба прошли со мной в дом, — предложил Хейли, — где я должен вам кое-что сказать. — Он посмотрел на Уну, чье лицо выражало крайнюю неохоту. — Но против воли никого тащить не буду. Я просто хочу познакомить вас и вашего мужа с некоторыми фактами.

— Я ничего не хочу слышать.

Он понимал, что она боялась, как бы правда о ее неудавшемся самоубийстве не выплыла наружу, и ломал голову над способами избежать этой огласки. Их не было. Он проанализировал ситуацию и принял решение.

— Видите ли, Оуэн, я только что спас вашу жену. Она тонула, — хладнокровно заявил он.

— Что?!

— Но это правда. Берег ручья под замком довольно крутой, и вы сами знаете, как легко оступиться на крутом берегу. Ничто не сможет остановить падения, пока человек не плюхнется в ручей, который становится довольно глубоким во время прилива.

Он говорил тоном, не терпящим возражения. — И, пожалуйста, не задавайте по этому поводу никаких вопросов. Я не собираюсь отчитываться перед вами, — добавил он.

Выражение безмятежности на лице молодого Грегора сменилось ужасом. Кулаки Оуэна сжались. Испугавшись, он внезапно схватил руку жены и крепко стиснул ее. На этот раз она не отшатнулась. Они молча побрели в дом. Дверь была приоткрыта. Доктор Хейли вошел в курительную комнату и включил свет. Оуэн увидел свою жену и обомлел. Он с нежностью бросился к ней и, обняв, помог сесть в кресло. В камине горел огонь, он наклонился к решетке и поворошил угли. Глаза Уны следили за каждым его движением, но лицо оставалось бесстрастным.

Это было привлекательное лицо, несмотря на физическую усталость. Даже боль не смогла затмить на нем замечательные признаки *vis vitalis*, жизненной силы. Изучающий взгляд доктора Хейли переместился на Оуэна. В его лице тоже присутствовала витальность, но омраченная меланхолией. Уна, подумал он, вне всякого сомнения была одной из тех женщин, которым необходимо мужское управление. Но есть ли у этого человека та самая железная воля, без которой ее жизненная сила может представлять опасность?

— Как вы знаете, — сказал он, — этим вечером мне выдалась возможность осмотреть тело мисс Грегор. Осмотр убедительно показал, что она была убита кем-то, обладающим большой физической силой, при этом убийца использовал оружие, взятое с рыбацкой лодки. Это первый факт, о котором я хотел сообщить вам.

Он сел и вставил монокль в глаз. Хотя одежда неприятно липла к телу, это никак не отразилось на его доброжелательности.

— Почему вы подумали, что оружие было взято с рыбацкой лодки? — спросил Оуэн.

— Потому что я нашел селедочную чешуйку на краю раны.

Уна резко подняла голову.

— Значит, чешуйка попала туда с лезвия?

— Я так думаю. Потому что не вижу другого способа, как можно было поместить ее туда, где она была обнаружена, причем в единственном экземпляре. Следовательно, я не мог не прийти к выводу, что оружие перед использованием протерли.

Девушка подвинулась ближе к огню. Он увидел, как побелели ее пальцы, сжавшие подлокотники кресла.

— Довольно странно, — заметил Оуэн. — Вчера вечером по дороге сюда мне продали селедку прямо с рыбацкой лодки. Они на моих глазах вытащили сеть, и я не смог устоять перед искушением. Лодка была полна чешуи.

Он говорил спокойно, но жена, слушая его, не сводила глаз с огня. Внешняя отрешенность скрывала сильнейшее внутреннее волнение. Сполохи пламени так и отскакивали от напряженного лица.

— Тем не менее со своей тетей, как я понимаю, вы так и не встретились?

— Нет.

— По словам вашего отца, он разбудил вас утром и попросил помочь ему открыть комнату мисс Грегор?

— Э-э, да. Но еще вечером, перед тем, как лечь спать, я пошел пожелать тетушке спокойной ночи. Однако дверь была заперта.

Доктор Хейли, махнув рукой, дал понять, что в настоящее время этот аспект дела его не интересует.

— Второй факт, на который я хочу обратить ваше внимание, — сказал он, — время нанесения удара и время смерти мисс Грегор категорически не совпадают. Между двумя этими событиями убийца находился в комнате. Это совершенно точно установлено, так как если бы оружие вынули из раны перед смертью, крови в комнате было бы гораздо больше.

— У вас есть идеи, — спросил Оуэн, — как убийца попал в комнату?

— Возможно, через дверь. Утром дверь была заперта, но...

— Она была заперта с одиннадцати вечера. Я лично удостоверился, дергая за ручку.

— И даже это лишь приблизительное время. Мы не знаем точно, когда был повернут ключ.

— Я знаю, — сказала Уна.

— Что?

Взгляды доктора Хейли и Уны пересеклись.

— Я пришла в комнату тети Мэри сразу после десяти часов, — пояснила она. — Постучала в дверь, вошла. Кристина собиралась уходить. Я взяла у нее свечу и подошла к тете Мэри. Она уже легла, но, увидев меня, резко села и стала задыхаться. Не помня себя, я выскочила в коридор и захлопнула за собой дверь. Я слышала, как она поднялась с кровати подошла к двери и заперла ее. Кристины уже не было.

Голос Уны стал тверже, но все еще оставался слабым. Уверенность в ее интонациях переросла в убежденность.

— Откуда вы знаете, что мисс Грегор заперла дверь? — спросил доктор Хейли.

— Я подергала за ручку. Мне стало стыдно, ведь у нее могло быть плохо с сердцем, а я вместо того, чтобы помочь, вела себя как трусиха.

— Вы абсолютно уверены, что дверь была заперта?

— Абсолютно. Я несколько раз дергала за ручку.

— Вы звали мисс Грегор, когда пробовали открыть дверь?

— Да. Она не отвечала.

Доктор Хейли повернулся к Оуэну.

— А вы, когда дергали за ручку?

— Да-да, конечно. Я не добился ответа. Подумал, что она заснула.

— Я, кажется, испугала тетю Мэри, — призналась Уна. — Никогда раньше не видела, чтобы кто-то так дико пугался.

— Она ведь не из пугливых, верно?

Вопрос вызвал у девушки теплую улыбку.

— Не поверите, до этого я боялась ее.

— Как вы думаете, почему она не позвала на помощь?

— Вот это самое странное. Мне кажется, она просто сильно испугалась. Шок. Как будто увидела призрака. Она даже не пыталась позвать Кристину.

Доктор Хейли подался вперед.

— Как вы были одеты? — спросил он.

— В ночной рубашке. Сверху набросила синий шелковый халат.

Глава VIII. Муж и жена

В комнате стало тихо. Уна отбросила густую челку с высокого лба.

— Почему вы пошли в комнату мисс Грегор? — спросил ее доктор Хейли.

Прежде чем ответить, девушка взглянула на мужа.

— Мы поссорились перед ужином. Я хотела поговорить с ней.

— Чтобы помириться?

— Да.

Короткий, уверенный ответ.

Доктор Хейли кивнул.

— Дахлан сказал, — заметил он, — что вас не было на ужине, потому что вам нездоровилось.

— Я плохо себя чувствовала. Результат ссоры с тетей Мэри.

Доктор встал и достал табакерку.

— Мое положение, — продолжил он, — несколько затруднительное. Я обещал инспектору Дандасу не расщеплять расследование. Еще два-три вопроса, и я вторгнусь на его территорию, что грозит мне нарушением соглашения. Как вы помните, я привел вас сюда с целью не получить информацию, а предоставить ее. Я хочу, чтобы вы оба поняли, что это дело сопряжено с огромными трудностями, которые, безусловно, могут истощить ресурсы полиции.

Он взял табакерку. Оуэн спросил его:

— Почему вы хотите, чтобы мы это поняли?

— Потому что ваша жена, молодой человек, должна чувствовать себя способной вернуться в Дахлан вместе с вами.

— Признаться, я не совсем понимаю.

Доктор Хейли взглянул на Уну. Она покачала головой. Он занялся табаком, чтобы уйти от немедленного ответа, а потом сказал:

— Когда не знаешь, что сказать — говори правду. Так надежнее. Ваша жена пыталась утопиться.

Оуэн вскочил.

— Черт! — Кровь отлила от его щек. — Это правда? — спросил он Уну.

— Да.

— Что ты пыталась... утопиться?

— Да.

Он посмотрел страшными глазами на доктора Хейли.

— Так, я требую... я хочу знать правду! Почему моя жена была ночью с вами? Откуда мой отец знает, что она с вами?

— Я не могу ответить на последний вопрос. Ответ на первый: я видел, как она прыгнула с причала и кинулся на помощь. Возможно, ваш отец стал свидетелем этой сцены.

Молодой человек подошел к жене и взял ее за руку.

— Почему? — просто спросил он.

В его голосе слышалась горечь.

Уна по-прежнему смотрела в огонь, став вялой и отрешенной. Когда он повторил свой вопрос, девушка опустила голову, но промолчала. Доктор сел.

— Разрешите ответить мне, — сказал он. — Ваша жена боялась, что вы могли быть причастны к убийству тети.

— Я не понимаю вас.

— Ее самоубийство должно было быть истолковано как признание в убийстве. Она защищала вас.

Теперь Оуэн понял.

— Уна, это правда?

Ответа не последовало. Доктор выдержал паузу, а затем обратился к Оуэну:

— Возможно, эти опасения были небеспочвенны. Конечно, не более небеспочвенны, чем те, которые вы испытываете в настоящий момент, а именно, что попытка самоутопления вашей жены была признанием вины. — Его голос смягчился. — Какая польза от притворства в такое время, как сейчас? Чем сильнее мы любим, тем сильнее растет наш страх, поскольку каждый из нас, под влиянием гнева, может потерять самообладание. Я для того и рассказал вам про осмотр тела вашей тети, чтобы вы могли понять, что женщина не в состоянии причинить такую рану. Ваша жена не убивала вашу тетю, и ваш страх, допускающий, что она может быть убийцей, доказывает, что вы тоже невиновны.

Он сделал паузу. На лице Уны появилось выражение невероятного облегчения. Она протянула руку мужу, и тот сжал ее.

— У вас обоих, по-видимому, есть причины для взаимных опасений, — констатировал доктор Хейли. — Могу только догадываться — какие. Попутно хочу заметить, что отдельные спальни вам больше не понадобятся. Какими бы ни были ваши побуждения, они не умаляют значение моих доводов.

Он повернулся к Оуэну:

— Возьмите машину Маккаллена и отвезите жену домой. Дверь гаража не заперта.

Глава IX. Пекло

Уже несколько дней доктор Хейли ничего не слышал об официальном расследовании убийства мисс Грегор. Весточек Дандас, понятное дело, не посылал. Этот молодой человек, следуя своим принципам, не оставил от замка и камня, окружив его полицейскими редутами. Он всем запретил покидать Дахлан и прилегающую к нему территорию под каким бы то ни было предлогом. Он подчинил себе все средства передвижения. Лодки выходили, автомобили ездили только с его согласия; слуги, поговаривали, ударились в панику. Его деятельность не ограничивалась Грегорами. В атмосфере тотального подозрения ни один из двух тысяч жителей Ардмора не мог чувствовать себя спокойно.

— Даже при всё этом, — делился доктор Макдональд с Хейли, — он не продвинулся ни на шаг. Он не нашел мотива для убийства. Подозрение — чепуха, когда у вас нет даже самого смутного представления о том, как убийца вошел и вышел из спальни мисс Грегор.

Горечь, с которой доктор Макдональд сделал это заявление, говорила о том, что он тоже пострадал от рук Дандаса, а, может, и том, что страдания еще не закончились.

— Это человек-пылесос, — возмущался он. — Ничто не может ускользнуть от него. И поэтому от него всё ускользает. Он хочет поймать одной рукой и синицу, и журавля.

Доктор из Ардмора улыбнулся своей метафоре.

— Жители Лоуланда, такие как Дандас, — продолжил он, — всегда исходят из предположения, что мы, горцы, или глупцы, или негодяи, или то и другое вместе взятое. Они всегда рады обвести нас вокруг пальца и запугать. Ни один из этих методов не срабатывает, потому что с горцем его храбрость, а еще смекалка. Флора Кэмпбелл, горничная в Дахлане, спросила Дандаса, собирается ли он арестовывать селедку в Лохе до того, как пересчитает все чешуйки? Сейчас рыбаки называют селедочную чешую не иначе как «Дандас».

— Иногда такой метод приносит плоды, знаете ли, — мягко сказал доктор Хейли.

— О, можно было бы простить метод, если бы не человек! Я не скажу, что он плохой парень. Один из рыбаков не выдержал и назвал его «молокососом», глядя прямо ему в глаза, а он в ответ только улыбнулся. Но эта улыбка не дает вам покоя, и вы всё время ждете, что из этой ухмыляющейся пасти вот-вот покажутся зубы и вцепятся вам в глотку.

Доктор Макдональд вывинтил мундштук и стал прочищать трубку с помощью

пропитанной салфетки — процесс, который с самого начала требует особой тщательности.

— Я слишком много курю, — заметил он, — но это успокаивает. Голос Дандаса действует мне на нервы, которые уже не столь хороши, как могли бы быть.

Он вытащил салфетку обратно и попытался продуть трубку. Выглядел он при этом довольно нелепо, но, казалось, нашел успокоение в своем занятии.

— Странное чувство, — сказал он, — знаешь, что невиновен, но находясь под подозрением, сидишь как на иголках.

— Согласен.

— Дандас груб и неспособен вести допрос в доверительной манере, которая могла бы успокоить подозреваемого и развязывать его язык. Каждый, даже самый разговорчивый, в его присутствии превращается в устрицу, захлопываясь в раковине, потому что со всей очевидностью понимает: что ни скажи, всё будет против тебя. Миссис Оуэн Грегор, полагаю, отказалась отвечать на его вопросы, потому что он сходу высказал подозрение, что она покрывает мужа. Когда он озвучил то же самое Дахлану, старик поклялся, что это их последняя встреча, и накатал жалобу в Глазго, в полицейское управление, требуя, чтобы его отозвали.

— За такое не отзывают, — мрачно заметил доктор Хейли.

— Может быть. Однако здесь лэрд имеет право прекратить уголовное расследование. Шотландия кажется демократичнее Англии, но это иллюзия. Нигде в мире нет такого влияния, как у местных землевладельцев. Если у Дандаса ничего не получится, разговор будет коротким. Он знает это. Его нервы сейчас на пределе, и каждый день добавляет ему новых неприятностей.

Доктор Хейли взял щепотку табака.

— Откровенно говоря, — сказал он, — мне он симпатичен. Неразумный — да, но прямой и честный.

— Вы англичанин.

— И что с того?

— Горцы самые неуправляемые люди на земле, потому что самые чувствительные. Чего они не терпят, так это насмехательства, а Дандас позволил себе смеяться над ними, но было бы правильнее сказать — измываться. Уверю вас, такое не прощается.

Рассказывая, доктор Макдональд энергично тряс головой. Он был высокого роста, очень худой, с красным обветренным лицом и деревяшкой вместо одной ноги, которая доставляла ему массу хлопот. Доктор Хейли был уверен, что видит перед собой, конечно, идеалиста, но с большим профессиональным опытом и знанием людей. Его голубые глаза продолжали сверкать.

— Я обещал не вмешиваться, — сказал доктор Хейли.

— Он говорил мне об этом. Он плохо представляет себе любительские методы поимки преступников.

— Я знаю.

Глаза доктора Макдональда сузились. Он поерзал в кресле, чтобы поудобнее поставить ногу.

— Вы видели старый шрам на груди мисс Грегор? — спросил он.

— Да.

— Ваше мнение?

Доктор Хейли покачал головой. — Вы прекрасно знаете, что этот вопрос не ко мне.

— Ладно. Но для Дандаса это ключевой момент. Кто ранил мисс Грегор десять лет назад? Ему кажется, что если он найдет ответ на этот вопрос, его проблемы будут решены.

Странно — он ищет, но все молчат. Из этого он делает вывод, что бедная женщина была ранена здесь, но при этом ни Дахлан, ни Ангус, ни Кристина, похоже, ничего не знают о ране.

Доктор Макдональд ждал, бросив наживку, но Хейли не клюнул:

— Вы напрасно ждете моего мнения.

— Есть еще одна странность: Дандас, как я уже говорил, уделил много внимания чешуйке, которую вы обнаружили. Он нашел вторую чешуйку, внутри раны. Он заявил, что оружие, которым была нанесена рана, должно быть, взяли на кухне, и, как я уже сказал, устроил слугам суший ад. По-моему, он нашел топор с рыбьими чешуйками, но находка никуда его не привела.

Дальше он делает старика Дахлана убийцей, попытавшись подкрепить эту линию мотивом. Дахлан обнищал, как все лэрды, и поэтому якобы позарился на деньги своей сестрицы. Старик, к счастью, не догадывается, что вокруг него сгущаются тучи. Чудесный старик, этот Дахлан, но в последнее время сильно сдал.

Со второй салфеткой Макдональду повезло больше, и она завершила то, чего не сумела сделать первая. Макдональд скрутил трубку и сунул ее себе в рот. Она издала свистящий звук, который ничуть не смутил его. Он начал набивать трубку табаком.

— Естественно, — продолжал он, — расследование пробудило немало воспоминаний. Врач многое слышит. В деревне есть старая женщина, которая считается ведьмой, поскольку ведьмой была ее мать. Я уверен, что ее зовут Маклеод, хотя все почему-то зовут ее Энни Нэнни*. Бог знает, почему. Она помнит жену Дахлана, мать Оуэна. Вчера она сказала мне, что однажды бедная женщина приходила к ней. «Она долго не сводила с меня глаз и молчала, — сказала Энни Нэнни. — Потом спросила, правда ли, что я гадалка. Я тогда была совсем девчонкой и струсил, увидев молодую жену лэрда в своем доме. Со страху я пролепетала, что неправда». Всё же ее уговорили предсказать судьбу первой миссис Грегор. Она говорит, что предсказание было ужасным.

Доктор Хейли пожал плечами.

— Замужние женщины идут к гадалкам, когда они несчастливы, — заметил он. — Возможно, Дандас что-нибудь из этого выжмет.

— Что любопытно, миссис Грегор вскоре после этого умерла. И никто точно не знает от чего. Но ее смерть была скоропостижной. Для деревни это было как гром среди ясного неба, потому что, насколько я знаю, люди не слышали, чтобы она чем-то болела. Дахлан сам никогда ничего не говорил об этом, а спрашивать его боялись.

— Где ее похоронили?

— В семейном склепе. Насколько мне известно, на похороны никого не приглашали. Это не должно удивлять, поскольку Грегоры традиционно хоронят своих покойников ночью. Похороны отца Дахлана, кажется, прошли при свете факелов.

— Хотел бы я знать, — вслух размышлял доктор Хейли, — присутствовала мисс Грегор на похоронах своей невестки или нет? На месте Дандаса я бы поинтересовался.

Макдональд покачал головой.

— Вам было бы очень сложно получить подобную информацию. Одно имя отбивает у людей охоту говорить, я имею в виду имя жены Дахлана.

— Разве она обсуждала свою золовку с ведьмой Ардмора?

— О нет. Она ничего не обсуждала и никого не обвиняла. Просто сказала, что, будучи ирландкой, верит в такие вещи. Она очень боялась, что муж прознает о ее визите, но он ничего так и не узнал.

Макдональд закурил трубку.

* Нянечка, бабушка (разговорное — *англ.*)

— Энни Нэнни очень хорошо отзывается о своей клиентке, и это не лесть. Судя по всему, жена Дахлана действительно была прекрасным человеком. «Увидеть, как она сидит, плача у меня дома, такая добрая, чуткая ко всем, — сказала она, — такое кому хочешь разорвет сердце».

Доктор взял понюшку табака.

— Любопытно, что и отец, и сын женились на ирландках, — заметил он.

— Да. И женщины невероятно похожи друг на друга. Те, кто помнит мать Оуэна, говорят, что она стала прообразом его жены. Миссис Оуэн Грегор очень популярна в деревне, гораздо больше, чем мисс Грегор.

— А как насчет слуг?

— Они обожают ее. Дандас уже проверяет это. У него появилась идея, что девочкам Кэмпбелла не нравилась мисс Грегор, и теперь он пытается выяснить, не заглядывал ли кто-нибудь из них в ее спальню в вечер убийства. Есть неписанные правила, и вряд ли кто-то из слуг отважится зайти вечером в спальню мисс Грегор без ведома Кристины.

— Дандас всё еще надеется разгадать эту тайну? — спросил доктор Хейли.

— Ну, — сказал доктор Макдональд и снова подвигал деревяшкой, — в некотором смысле, я нахожусь здесь в качестве посланца. Дандасу нужна ваша помощь, но молодчик слишком горд, чтобы просить вас лично, особенно в свете того, что он вам наговорил. Он подумал, что мне как вашему ученому собрату будет сподручнее отнести оливковую ветвь.

— Мне жаль.

— Доктор, надеюсь, вы не сторонник церемоний. Он в вашей власти...

— Так дела не делаются, — Доктор Хейли взялся за табакерку. — Скажите на милость, что мне делать сейчас в Дахлане? Работать в русле версий инспектора Дандаса? Я не сомневаюсь, что эти версии заслуживают внимания, но они не мои. Нет, я только заморочу ему голову и себе тоже.

— Я понял. Вы просите полной свободы действий.

— Не совсем. Я прошу лишь свободы суждений. Я не хочу, так сказать, присоединяться. Передайте Дандасу, что, если он не возражает, я буду работать над проблемой независимо от него. В конце концов, любые открытия он сможет отнести на свой счет.

— Он не согласится на это. У вас будет свобода действий только до тех пор, пока он с вами во всем, что вы делаете.

Наступила тишина. Затем доктор Хейли озвучил решение.

— Скажите ему, — сказал он, — что я не могу принять его условия. Я не профессионал, и провожу свои любительские расследования только потому, что мне это интересно. Когда я один, мой разум, извините, находится там, где ему нравится. Я часто следую официальной линии, не зная точно, почему я это делаю — было бы невыносимо объяснять и оправдывать каждый шаг. А Дандас непременно бы потребовал подобных объяснений. Я вообще считаю, что расследование преступлений, как и медицина, это больше, чем наука, и сродни искусству.

Доктор Макдональд не стал спорить. В чем-то он даже соглашался. Он ушел, обещав вернуться с хорошими новостями. Доктор Хейли присоединился к Джону Маккаллену, сидевшему под соснами перед домом. Свободный шезлонг стоял рядом. День выдался невыносимо жарким и душным, таким жарким и душным, что даже Лох-Файн, казалось, остекленел и лишился своей ряби.

— Ну как?

— Дандас зовет на помощь. Но я не могу с ним работать.

Маккаллен понимающе кивнул.

— Еще бы! Я тут поговорил с почтальоном, пока вы были в доме. Он говорит, что Дандас всю плешь уже проел. Настроения панические.

— Макдональд того же мнения.

— Дандас раскопал, что Оуэн Грегор в долгах как в шелках. Оуэн — наследник своей тетки, поэтому несложно угадать, чем дело пахнет. Но мешает запертая комната. Человек пересчитал все приставные лестницы в Аргайле.

— Окна были заперты. Попасть внутрь через них никто не мог.

— И я о том же. Но вы знаете Дандаса и его метод: шажок, еще шажок, и так до тех пор, пока за деревьями не покажется лес.

По вине тумана, опустившегося на залив у Оттер-Ферри и заслонившего волнистые контуры холмов Коуэла*, даже в тени деревьев от земли исходил горячий пар. Доктор снял пиджак и закатал рукава.

— Никогда бы не думал, что в Хайленде может так печь.

Он откинулся на спину и задрал голову вверх, где сплетались игольчатые кроны.

— Вы хорошо знали мисс Грегор? — неожиданно спросил он Маккаллена.

— Ну, не так, чтобы очень. После моего возвращения из Индии я почти не встречался с ней. В основном, мои знания ограничиваются юношескими годами. Мой отец всегда говорил о ней как о новоявленной святой и, боюсь, я принял это как само собой разумеющееся.

Маккаллен на некоторое время погрузился в воспоминания, что позволило доктору с интересом наблюдать за его добродушным лицом. Джон Маккаллен, размышлял он, относился к тем мужчинам, которые не спешат менять свое мнение и особенно неохотно пересматривают взгляды своих родителей.

— У моего отца, — добавил он, — было викторианское представление о мужчинах и женщинах. Знаете, кодекс поведения и никаких поблажек. Мисс Грегор не только соответствовала этому кодексу, но и превосходила его. В Аргайле любимая история — мисс Грегор приходит в ужас от слова «непристойность», понятия, замечу, довольно относительного. Мне кажется, сама она никогда не произносила вслух «мужчина» или «женщина». Мужчина у нее обязательно именовался «джентльменом», а женщина — «леди». Леди и джентльмены были существами, главная забота которых своими манерами и жизнью служить доказательством отсутствия у них человеческих желаний.

— Знакомая картина.

Джон Маккаллен вздохнул:

— Не отрицаю, в этом что-то есть, — заявил он, — но, боюсь, такие идеи благодатная среда для произрастания жестокости и бессердечия. Оправдывалось всё, что могло послужить наказанием, вроде бесчестия или страданий для нераскаявшихся. В добавок почтенные люди долгое время жили в окружении лжи и лицемерия. Они не были бестелесными духами, которыми притворялись, наоборот. Накал их страстей, их вождения принимали различные формы, порой весьма неожиданные. — Он сделал паузу и добавил: — И жестокость, как я уже сказал, была самой уродливой из них.

— Мисс Грегор была жестокой? — спросил доктор Хейли.

— Скажу, что это далеко непростой вопрос. На скорую руку я мог бы ответить: «Конечно, нет». На самом деле всё зависит от того, что вы подразумеваете под жестокостью. Я уверен, ее мораль была сонмищем грехов, грехов непростительных, ставящих человека за грань добра. С другой стороны, она могла быть необычайно отзывчивой и щедрой. Я как-то упоминал, что лудильщики и попрошайки молились на нее. Она неумоимо занималась спасением всякого сброда. Я помню, однажды в одном из таборов к северу отсюда ребенок

* Полуостров между озером (заливом) Лох-Файн и бухтой Лох-Лонг.

заболел воспалением легких. Так вот, она лично ухаживала за ним и платила за медицинское обслуживание. Когда приходский чинуша пожелал определить его в лохгилпхедский* приют, она всячески сопротивлялась, потому что была убеждена, что такие люди не могут жить в четырех стенах. Ей ответили, что если ребенок умрет, то его смерть ляжет пятном на ее имя, но такая угроза волновала ее меньше всего. Случай взбудоражил весь Ардмор. Когда ребенок выздоровел, все посчитали, что именно она спасла ему жизнь.

Доктор Хейли кивнул.

— Понятно. Можно сказать, она поставила на карту свою репутацию.

— Да. И там вопрос о грехопадении не стоял. — Джон Маккаллен вздохнул. — Она была беспощадна к грешникам, но более всего — добавил он — к плотским грехам. Мне кажется, она могла найти оправдание даже вора. Эти лудильщики все воры, сами знаете.

— Если не согрешат?

— Верно. Имейте в виду, эти взгляды разделяла не только она, но и мой отец тоже.

— И не только ваш отец?

— Да. Не только.

Маккаллен сел прямо и с грустью покачал головой: — Когда мы с братом были детьми, — рассказывал он, — то часто встречали мисс Грегор, разъезжающей на коляске. Наша нянька заставляла нас снимать шляпы, но мы делали это через силу. Однажды, когда коляска проезжала мимо, мы вместо того, чтоб обнажить головы, показали ей языки. До сих пор помню ужас на лице благородной леди. Она остановила коляску, слезла и прочла нам лекцию о хороших манерах. Мы не особо возражали, но она, видимо, для надежности, сообщила отцу. Помню, когда нам всыпали, я решил для себя, что она не такая уж и святая.

Воспоминания вызвали у него легкую улыбку, но к его удивлению Хейли нахмурился.

— Сколько лет было мисс Грегор в ту пору?

— Полагаю, около тридцати. По тем меркам совсем молодая.

— Что произошло в следующий раз?

— О, мы, конечно, сняли шляпы.

— А что она?

— Кажется, поклонилась, как раньше. Странно, но после этого инцидента я мало что помню о ней.

— Вы знали жену Дахлана?

— Конечно, — Маккаллен внезапно оживился. — Очень приятная женщина. Мы любили ее. Однажды брат сказал мне, что если бы мы показали язык миссис Грегор, отец никогда бы не узнал об этом. Бедняжка, семейная жизнь ее была короткой.

— Жена Оуэна, говорят, вылитая миссис Грегор в молодости? — спросил Хейли.

— Да, я тоже так считаю, хотя память ребенка ненадежная вещь. Познакомившись с миссис Оуэн Грегор, я с чего-то решил, что где-то видел ее раньше. Конечно, такого не могло быть. Похоже, что-то общее в характере Дахлана и его сына сделало их равнодушными к ирландским женщинам. — После паузы он добавил: — Возможно, какое-то семейное проклятие.

— Что вы имеете в виду?

— Боюсь, семейная жизнь у обоих не заладилась. Как я понимаю, жизненные принципы мисс Грегор должны были доминировать в их семействе. Но жену Дахлана, как и

* Лохгилпхед — административный центр области Аргайл и Бьют, Шотландия.

миссис Оуэн Грегор, больше интересовали мужчины и женщины, чем «леди» и «джентльмены».

— Ей, должно быть, нелегко приходилось жить с такой невесткой под одной крышей?

Доктор Хейли заключил это мрачным тоном. Его компаньон энергично кивнул.

— Вряд ли этот кошмар можно назвать жизнью. Ни о каком супружеском счастье в таких условиях не могло быть и речи. Всё хозяйство, вплоть до мелких забот, мисс Грегор взяла на себя. К жене Дахлана по сути дела относились, как к квартирантке. Бог знает, как она это сносила.

— Попытки сближения предпринимались?

— Естественно, самые разные. Но ничего не менялось. Люди постарше рассказывали, что бедная девушка увядала прямо на глазах. Кажется, жена одного старого лэрда попыталась вмешаться, откровенно заявив, что сейчас, мол, не те времена. Ей посоветовали заниматься своими делами. По общему мнению, миссис Грегор была прекрасной, преданной женой, которая не хотела принимать ни слов осуждения, ни слов сочувствия. Но всё же, я считаю, постоянное напряжение подточило ее здоровье.

Доктор Хейли вытер лоб.

— От чего она умерла? — спросил он.

— От дифтерии, думаю. Сгорела очень быстро.

Доктор провел день в гамаке, перебирая в голове детали загадки. Он не скрывал своего разочарования отказом ума искать хоть что-то в качестве решения. С другой стороны идеи, которые ему приходили, не давали твердых оснований для каких-либо выводов. После ужина он обсудил этот вопрос с другом, но остался неудовлетворенным.

— Наверняка, — заметил Маккаллен, — Дандас уже исчерпал такие вероятности, как секретные двери и комнаты. Уже готовился разобрать замок, чтобы найти хоть какой-то ключ. Мой приятель, почтальон, сообщил мне со слов Ангуса, воынщика Дахлана, что он ничего не нашел. Никаких секретных комнат, никаких проходов, никаких люков.

— И никаких приспособлений, с помощью которых убийца мог проникнуть в спальню и выйти из нее?

Джон Маккаллен поднял голову.

— Но мы точно знаем, что он вошел в спальню и вышел из нее.

— Да. Как и то, что чудес не бывает.

Доктор взял табакерку. — Уже в четвертый раз я сталкиваюсь с убийством в помещении, которое было запертым или считалось таковым. Думаю, и в этом случае истину обнаружить будет не сложнее, чем в других...

Его губы тронула улыбка.

— Большинство громких загадочных убийств за последние полвека, — продолжил он, — представляли собой либо проблему алиби, либо проблему замкнутого пространства. В практическом отношении условия идентичны, потому что вы должны доказать, имея на руках очевидное свидетельство обратного, что ваш убийца был в определенном месте в определенное время. Поверьте, это гораздо сложнее, чем доказать, что конкретный человек дал яд или что кажущийся несчастный случай на самом деле произошел вследствие грязной игры.

Он замолчал, услышав, как к дому подъехала машина. Спустя некоторое время, в комнату, хромая, вошел доктор Макдональд.

— Поздравляю, Хейли, ваши условия приняты, — сказал он, пожимая руку доктора. — Дандас доконал сам себя. — Он поздоровался с Маккалленом, затем снова обратился к доктору Хейли. — Вы можете поехать сейчас в Дахлан?

Глава X. «Дахлану будет оказана честь...»

Инспектор Дандас принял врачей в своем «кабинете» — большой, светлой комнате, рядом с той, которую прежде занимала мисс Грегор. Окна выходили прямо на ручей. Когда мужчины вошли, инспектор сидел на кровати, одетый в рубашку и брюки и что-то безостановочно записывал, не замечая изнуряющей жары.

— Рад вас видеть, Хейли, — искренне приветствовал он доктора. — Простите невежу на первый раз. Ну что, кто высоко взлетел, тот низко упадет, а?

— Напротив, я считал ваш полет совершенно устойчивым.

Доктор расположился в кресле возле открытого окна и вытер лоб. Дандаса словно подменили. Исчезли велеречивость и высокомерие. Перемена шокировала, указывая на фундаментальное отсутствие веры в себя. Человек полностью доверился сообразительности и методичности, но когда они потерпели крах, ему не на что было опереться.

— Надеюсь, вас интересует мой отчет о проделанной работе, — приглашал к разговору Дандас. — Появились новые факты.

Говорил он вяло, без энтузиазма. Доктор Хейли кивнул.

— Я бы хотел начать с вопросов.

— Хорошо.

Доктор поднялся и скинул пиджак. Прежде чем сесть снова, он взглянул на морскую гладь, бледную в сиянии полной луны. Исключительная ясность севера вернулась с наступлением ночи, и длинный вал Коуэла вытянулся, словно хребет какого-то чудовища, сотворенного прямо из сияющей воды. Он прислушался к нежному журчанию у своих ног, в котором восхитительно смешались озорство и мелодичность. Засуха укротила бурный поток, остался только смех. Обогнув дом, ручей устремлялся к озеру, где вода превращалась в серебро. Там и сям мелькали паруса рыбацких лодок, и доктор Хейли увидел, что несколько из них стояли близко к берегу, в устье ручья. Голоса рыбаков мягко разрезали неподвижный воздух. Он повернулся к своим компаньонам.

— Кажется, они снимают сеть.

Доктор Макдональд не заметил ничего интересного и равнодушно отвернулся:

— Да.

— А я и не знал, что рыбу ловят так близко от берега.

— Ах, вот вы о чем? Ночью косяки, как правило, приходят на мелководье подкормиться. Благодаря этому явлению Ардмор почти сто лет не знал горя. Хорошо жили, очень хорошо. Раньше, в удачные дни, за ящик сельди можно было выручить от двух до трех фунтов, учитывая, что один заброс сети давал до двухсот ящиков. Но не сейчас. Та старая добрая сельдь Лох-Файна, которую знала и любила вся страна, кажется, ушла в прошлое. Голубого цвета и плоская; современная разновидность уже намного бледнее и круглая.

— Значит, для Ардмора наступили тяжелые времена?

— Да. И с Ардмором для Дахлана и его семейства тоже. Если нет дохода, аренду платить непросто.

— Депрессия вызвала какие-нибудь реакции?

— Реакции?

— Трудные времена обычно отделяют честных от нечестных.

Слабая улыбка тронула губы Дандаса.

— Вы полагаете, что какой-то рыбак мог забраться сюда? — спросил он. — Подобная идея приходила мне в голову. Но как только я посмотрел на эти гладкие стены, всё стало

ясно — такое просто невозможно.

Доктор Хейли вернулся в кресло. Он тщательно протер монокль и вставил его в глаз.

— Я имел в виду не совсем это, — признался он. — Лодки, особенно рыбацкие, всегда привлекали меня. Мальчишкой я мечтал провести ночь на рыбацкой шхуне за ловлей сельди. — Он наклонился вперед. — Макдональд сказал мне, что вы видели шрам на груди мисс Грегор.

— Да. И я пытался работать в этом направлении, но оказался в тупике. Никто ничего не знает.

— Странно, не правда ли?

— Даже очень, но, честно говоря, народ здесь поголовно невозможный. Никто никогда ничего не знает. На мой вопрос: как можно скрыть травму подобного рода, Дахлан только пожал плечами. Что вам сказать? Шрам очень старый. Ему примерно лет двадцать.

— Да. Но он представляется мне последствием тяжелого ранения. Кто-то, очень давно, пытался убить мисс Грегор. Сформулировав проблему, я пытался получить информацию о леди. И сделал открытие.

— Да? — резко встрепенулся инспектор.

— Кажется удивительным, что человека почитают за святого, толком ничего о нем не зная.

— Дорогой сэр, — мягко перебил его доктор Макдональд, — я хорошо ее знал. Вся округа хорошо знала.

— Снаружи, да. А внутри?

— Что вы имеете в виду?

— Назовите мне ее близких друзей?

Руки доктора из Ардмора занялись ногой. Он выглядел растерянным.

— О, лэрды и их семьи.

— Джон Маккаллен признался, что иногда видел ее разъезжающей по окрестностям. Его заставляли проявлять перед ней свою благовоспитанность. Больше он о ней ничего не знает.

— Он еще молод. Холостяк.

— Да. Но он везде вхож. Один из его друзей сказал мне вчера, что мисс Грегор как человек стояла особняком. Она была полна добрых дел, но при это никому не доверяла. У нее не было ни подруг, ни друзей. В таком месте, как это, сплетни передаются от отца к сыну и от матери к дочери. Совершенно ясно, что эта женщина жила в своем мире, отдельно от всех.

Доктор Макдональд нахмурился. — Она никогда не интересовала меня в этом смысле, — сказал он. — Зато сама до всего была любопытна. Ее вмешательство во внутренние дела общины, поверьте мне, могли быть самыми неприятными. Врачи были ее особой заботой, и она контролировала их работу, в основном, мою работу, с неустанным рвением. Короче говоря, всюду совала свой нос, хотя называла это «проявлением искреннего участия».

Макдональд разгорячился. Доктор Хейли покачал головой.

— Я говорил немного о другом, — заметил он. — На мой беспристрастный взгляд, отношения между землевладельцами и их людьми здесь настолько жестко регламентированы, что перехода черты можно не опасаться. Мисс Грегор помогала своим бедным соседям, заботясь как о домашних питомцах, но в свою жизнь их не пускала.

— Ваша леди Баунтифул* всегда одна и та же, — заключил он, — развращает своих иждивенцев и избегает равных себе.

— Слова достаточно справедливые, — согласился Макдональд. — Я часто замечал, что чем более зависим был человек, тем больше хлопотала мисс Грегор. За своих нахлебников она могла быть спокойна: если что, оближут с ног до головы.

— В яблочко!

— Воспитание племянника стало главным делом ее жизни. Я так и слышу ее звонкий голос: «Доктор Макдональд, вы не представляете, как я рада, что юное существо вверено моей заботе. Я поняла, что должна жить и работать, не думая и не мечтая ни о чем другом, как о благополучии Оуэна в самом высоком смысле этого слова!»

— Разве это не подтверждает моих предположений? Настоящая мисс Грегор была здесь, в этом доме, в этих стенах. — Доктор Хейли не заметил, как выпал монокль. — Я спрашивал себя, в чем был смысл жизни мисс Грегор до того, как родился Оуэн? — продолжил он. — Умные, деятельные женщины всегда, поверьте мне, найдут на кого потратить свое время.

Никто не ответил ему. Интерес Дандаса полностью угас. В дверь постучали, и Ангус, вольтерьянщик, вошел с подносом, позвякивающим высокими бокалами. Позолоченное горлышко шампанского выглядывало из ведерка со льдом, словно шея фазана из курятника.

— Дахлану будет оказана честь, господа, — церемонно объявил Ангус, — если вы примете небольшое угощение.

Он застыл в дверях, ожидая решения. Дандас жестом указал на туалетный столик.

— Прикажете открыть бутылку?

— Да, будьте добры.

Ангус исполнил просьбу с невероятной обходительностью. Он разлил шампанское и подал гостям.

Доктор Хейли воспользовался случаем, чтобы взглянуть на лицо вольтерьянщика, но нашел его непроницаемым. Пайпер знал, как вести себя и держал свои мысли при себе. Когда он вышел из комнаты, все заметили, что Дандас подобной чести не удостоился.

— Узнаю Дахлана, — иронично прокомментировал он. — Таким образом он выразил свое отношение ко мне. Полицейскому шампанское не полагается.

Он рассмеялся и покраснел. Под маской неуступчивости скрывалась ранимая натура.

— Кажется, сегодня самая жаркая ночь в году, — доктор Хейли осторожно сменил тему.

— О, здесь все ночи жаркие с тех пор, как я сюда приехал.

От волнения Дандас залпом осушил свой бокал, с досадой осознав, что вино отменное, но было уже поздно. Он поспешил прикрыть свою неловкость самокритичным анекдотом про фермера, которого пригласили на званый ужин с шампанским, но компаньоны не оценили его юмор. Доктор Хейли, пригубив благородного напитка, сосредоточился на крошечных пузырьках, играющих на поверхности, — эльфийский жемчуг, искусно оправленный в золото. Вино было превосходно охлаждено, щедро извергая великолепные ноты.

— Что вы думаете о Дахлане? — спросил он после продолжительной паузы.

— Обычный лэрд Хайленда. Они все одинаковые.

— В самом деле?

* Действующее лицо пьесы Дж. Фаркера (1678-1707) «Уловка кавалеров», дама-благотворительница; в ироническом ключе благотельница — нарицательное имя.

— А, одна гордость и ничего больше.

— Как я понимаю, мисс Грегор была богатой?

Лицо полицейского просветлело.

— О, — воскликнул он, — как вы об этом узнали?

— Маккаллен сказал.

— Это правда. Около десяти лет назад дядя, заработавший капитал на сделках, оставил ей круглую сумму. По какой причине, я не знаю. Дахлан не получил ничего.

Доктор Хейли кивнул.

— Кто посодействовал, Дахлан?

— Нет, не он.

— Как насчет Оуэна Грегора?

Дандас пожал плечами.

— Яблоко от яблони. Но я и не ждал содействия после того, как обнаружилось, что парень проигрался вчистую. — Он наклонился ближе. — В день смерти своей тетки Оуэн Грегор разорился. Именно ему она оставила все свои деньги.

Дандас сделал паузу, определенно рассчитывая на эффект разорвавшейся бомбы. Доктор Хейли, не оправдав его надежд, всего лишь риторически заметил:

— В конце концов, *она* воспитала его.

— Само собой. Но он знал, что она оставила ему деньги.

— Разве она отказала бы ему, если бы он немного попросил?

— Не тот случай. Мисс Грегор, судя по всему, имела стойкое предубеждение против любых видов азартных игр.

Дандас посмотрел на Макдональда, ища поддержки.

— Она считала, что все азартные игры от дьявола, — подтвердил тот. — Я сам слышал, как она называла игральные карты «орудиями Сатаны». Я уверен, если бы она заподозрила племянника в подобном увлечении, то отказала бы ему раз и навсегда.

Доктор Хейли кивнул:

— Понятно.

— Дело приблизилось к той черте, — заявил Дандас, — за которой в случае любого убийства следует неизбежное: кто, почему и как? На «кто» и «почему» я нашел более менее сносные ответы. — Он поднял правую руку, напомнив дирижера оркестра. — «Как» пока остается без ответа. Несомненно, дверь была заперта изнутри. Как вы знаете, чтобы вырезать замок, позвали плотника. Он, помимо двери, осмотрел еще и окна и убедился, что запоры на них целы. Доктор Макдональд прибыл сюда, когда плотник завершил свою работу, и может подтвердить сказанное. Другими словами, комната с прочными стенами и тяжелой дверью была полностью запечатана. Вы не смогли бы проникнуть в нее без взлома. Но следов взлома нигде нет.

Полицейский нервно вытер лоб.

— Вам не приходило в голову, — спросил Макдональд, — что убийство, возможно, было совершено в какой-то другой комнате?

— В какой? Как тогда тело попало в спальню? Уверяю вас, вы не сможете повернуть ключ снаружи двери. Я специалист по ключам и отмычкам всех типов. Никакая отмычка, изобретенная до сего времени, не откроет этот замок. Конец ключа не выступает из замка. Замки этого дома вообще нечто уникальное. Говорят, их сконструировал дед Дахлана, который страстно увлекался запорными механизмами.

— Как Людовик XVI.

Дандас озадаченно взглянул на Хейли. — Не знал, что Людовик XVI проявлял интерес к замкам, — сказал он тоном, свидетельствующим о его невинности в отношении знаний об этом монархе.

— Проявлял. Его интерес и задал моду. Я почти не сомневаюсь, что у Дахлана тех времен появилась тяга к механике после посещения Лондона или Парижа. Несколько лет назад я изучал замки XVIII века. Многие из них необычайно хитроумны.

— Здесь уж точно. — Дандас встал и продемонстрировал замок, вырезанный из двери мисс Грегор, доктору Хейли. Он указал на замочную скважину. — Обратите внимание, с каждой стороны двери ключ входит на разном уровне. Это исключает возможность подбора отмычки или поворота ключа снаружи плоскогубцами. Можно предположить, что мы имеем дело с двумя обособленными замками, объединенными в одну конструкцию.

Доктор Хейли пристально разглядывал через монокль кусок металла.

— Я согласен с вами, — заключил он. — Совершенно очевидно, что дверь не была заперта и не была открыта снаружи.

— Это означает, возвращаясь назад, что дверь заперла сама мисс Грегор.

— Полагаю, да.

Детектив покачал головой.

— Что же у нас, по большому счету, остается? Окна заперты изнутри... — Он снова потер лоб. — Всё, круг замкнулся, — воскликнул он. — Зная, что в комнате никого не было и никто не мог из нее выбраться, мисс Грегор наносит себе страшную рану. Но она ее, конечно, не наносила.

— Не наносила.

Лицо Дандаса окаменело. Тайна, ведущая в никуда, повергла его в глубокое уныние. Он печально тряхнул головой, но противоречия, с которыми он столкнулся, не исчезли.

— Чего я никак не понимаю, — размышлял вслух доктор Хейли, — почему окна были закрыты? Стояла очень жаркая ночь — почти, как сейчас. Естественное желание в такую погоду спать с открытыми окнами. — Он повернулся к доктору Макдональду. — Может, мисс Грегор боялась открытых окон? Я имею в виду *непреодолимый страх**?

— Вряд ли. Скорее наоборот, летом она обычно спала с открытыми окнами.

— В таком случае, в ночь убийства она непременно оставила бы окна открытыми.

— Я тоже об этом думал. — Все посмотрели на Дандаса. — Безусловно, вы правильно ставите вопрос. Но возникает следующий: почему окна были закрыты? На дворе стоит самая жаркая ночь в году, но именно в эту ночь мисс Грегор вздумалось спать с закрытыми окнами? Ответив на этот вопрос, мне кажется, вы значительно продвинетесь на пути к истине.

— Полагаю, вы знаете, что миссис Оуэн Грегор посетила комнату своей тети сразу после того, как та легла в постель? — спросил доктор Хейли.

— Да, я знаю об этом. Она сама мне рассказала. Она сказала, что потом мисс Грегор заперла за ней дверь.

— Разве не логично предположить, что следующими по очереди стали окна?

— Зачем мисс Грегор запирать еще и их?

— Возможно, по той же причине, по которой она заперла дверь.

— Не могли бы вы назвать эту причину? — Дандас резко выпрямился.

* Доктор Хейли подразумевает агорафобию — боязнь открытых пространств.

— Миссис Оуэн Грегор считает, что тетя боялась ее.

— Боялась, что она залезет в окно?

— Вы знаете, паника никогда не относилась к причинам. Она действует на упреждение причины и связана с инстинктом. Единственная задача инстинкта заключается в том, чтобы воздвигнуть барьер против причины панической атаки. Человек, который был в России во время красного террора, потом бежал и вернулся в Лондон, рассказывал мне, как однажды он проснулся среди ночи и забаррикадировал дверь спальни разной мебелью. От своей собственной семьи, в собственном доме.

Дандас выглядел обеспокоенным.

— Вы полагаете, — спросил он, — что мисс Грегор жила в ожидании покушения на ее жизнь?

— Да, таково мое мнение. — Доктор Хейли взял понюшку табака. — Паника, — ответственно заявил он, — состоит из двух отдельных элементов, а именно: страха непосредственного и страха отдаленного. Не всегда совесть делает из нас трусов; иногда этим занимается память. Боясь долгие годы каких-то непредвиденных событий, мы полностью теряем голову, когда кажется, что вот оно — пришло.

— Но чего эта женщина могла бояться столько лет?

— Помните ее первую рану?

Детектив с сомнением покачал головой.

— Время стирает такие воспоминания.

— Вы совершенно неправы. Время их преувеличивает. Один из лидеров французской революции, который знал и боялся Робеспьера, дожил до девяноста лет. На смертном одре, спустя шестьдесят лет после революции, он просил свою правнучку не пускать Робеспьера к нему в спальню.

Их прервал стук в дверь. В ответ на приглашение Дандаса войти в комнату вошел Оуэн Грегор.

Глава XI. Семейная магия

На Оуэна было страшно смотреть.

— Прошу вас, доктор, пойдите со мной, — обратился он к доктору Макдональду. — Кажется, у Хэмиша опять припадок.

Он мялся в дверях, не подозревая о присутствии других в комнате. Доктор Макдональд вскочил и поспешил на выход.

— Это печально, — заметил Дандас, как человек, который негативно реагирует на малейшее отвлечение интереса от его собственных проблем. Затем добавил: — Припадки почти как судороги, не правда ли?

— Того же происхождения.

— Очевидно, ребенок подвержен им. Макдональд сказал мне, что это произошло за несколько дней до смерти мисс Грегор. Он, кажется, думает, что они не представляют опасности?

— Да, в большинстве случаев.

— То есть, у детей это распространенное явление?

— Да.

Доктор Хейли вынужден был признаться самому себе, что в этот момент его интерес к практической медицине взял верх над интересом к ремеслу детективному. Он хотел, чтобы

вместе с Макдональдом Оуэн Грегор пригласил и его тоже. Внезапно он почувствовал резкое охлаждение к расследованию. И следующий вопрос Дандаса — не являются ли припадки признаком слабых нервов? — вызвал в нем волну неподдельного раздражения.

— Мне кажется, что оба Дахлана, отец и сын, неврастеники, — произнес инспектор тем тихим голосом, каким обычно простые люди обсуждают с врачами серьезную болезнь. — Не буду скрывать, я работал в этом направлении. Дахлан, как вы, наверное, уже слышали, уважаемый лэрд, хотя и немного странный. Его сестра, похоже, находилась на положении местной ясновидящей. Это первое поколение. Оуэн Грегор — второе поколение — человек риска, с азартом игрока. Теперь третье поколение — мальчик...

Он сделал выжидательную паузу, что позволило доктору взять щепотку табака и без спешки завершить весь процесс.

— Припадки у детей, — холодно заметил он, — обычно вызываются диспепсией.

— Чем? — смущенно спросил Дандас.

— Несварением желудка. Вероятно, ребенок полакомился чем-то незрелым: ягодами или яблоками.

— Макдональд опасается, что это менингит.

Доктор Хейли не ответил. Во время разговора ему показалось, что он слышал детский плач, хотя уверенности не было. Он подумал, что если эта тайна бросит по-настоящему серьезный вызов его проницательности, он, пожалуй, откажется от попыток найти решение. Образ Уны Грегор, в тревоге склоняющейся над ребенком, засел у него в голове и не располагал к откровениям, которые могли причинить ей новые страдания. Бесполезность уголовных расследований на мгновение парализовала его ум. Какая разница, кто убил мисс Грегор, коли она уже мертва и не может ничем помочь? Потом он понял, что это чувство проистекает из его отношения к Дандасу. Ищейка всегда вызывает меньше сочувствия, чем ее добыча.

— Думаю, на сегодня, — сказал он, — с меня достаточно. Идеи лучше обдумывать лежа в кровати.

С этими словами он поднялся, но выражение, промелькнувшее в глазах Дандаса, заставило его остановиться. Он вдруг понял, что детектив на пороге отчаяния.

— Правда, доктор, состоит в том, что если я не смогу прийти к какому-нибудь заключению в течение двух ближайших дней, меня отзовут, — признался Дандас. — До сих пор я более-менее справлялся с делами. Если кто-то преуспеет там, где я потерплю неудачу, на моей карьере можно поставить крест. Конечно, я говорю только за себя, но в свете этого нельзя терять ни минуты. Я знаю, потому что сегодня получил письмо из главного полицейского управления.

Он вынул из кармана сложенный лист бумаги, развернул его и прочитал:

Самоочевидно, что неизвестный проник в спальню мисс Грегор, так как убить себя она не могла. Из вашего отчета видно, что вы избегаете этого ключевого момента, отвлекаясь на менее значимые факты. Успешное решение можно найти только благодаря концентрации. Спросите себя: как вошли в спальню; ответив на этот вопрос, вам, вероятно, не составит труда ответить на следующий: кто вошел в нее?

— Именно подобный метод я всегда считал бесполезным в трудных случаях, — с теплотой отозвался доктор Хейли.

— Но вы понимаете, что означает это письмо? На них давят. Газетчики требуют ясности, а им нечего предложить.

Доктор Хейли снова сел и склонился вперед.

— Мой метод заключается в том, чтобы идти от человека к преступлению, а не от преступления к человеку. И в этом деле меня больше всего занимает жертва, будь то мужчина или женщина. Когда вы знаете всё, что нужно знать о человеке, который был убит,

вы знаете убийцу.

Дундас покачал головой. — Мне кажется, что я знаю личность убийцы. Но от этого знания мало проку.

Доктор потер лоб, как усталый человек, пытающийся противостоять соблазнам сна.

— Вы заметили, — спросил он, — что комната мисс Грегор напоминает лавку древностей?

— Довольно милое хобби засорять дом всяким хламом. Эти коллекции на стенах...

— Совершенно верно. Он полон поделок, от которых нормальные люди предпочли бы избавиться. И каждая из этих вещей как-то связана с самой мисс Грегор. Вас интересует фольклор?

Дандас покачал головой.

— Боюсь, нет.

— А меня — да. Я занимался им много лет. Одно из древнейших и самых устойчивых поверий у первобытных народов заключается в том, что нравственная сила мужчины или женщины — его или ее, так сказать, жизненная сущность, — имеет тесную связь с материальным миром. Например, меч, который носит солдат, содержит в себе часть его личности. Я признаю универсальность этой идеи, но большинство из нас, используя ее, останавливается там, где материальная вещь служит символом духовного. В наше время мать хранит и бережет меч своего мертвого сына. Она не думает, что меч является или обладает частью его сущности. Но еще встречаются люди, такие, наверное, всегда найдутся, которые не останавливаются на достигнутом. Вещи, которые они или их близкие создали и которыми пользовались, приобретают в их глазах вид сакральной ценности до такой степени, что расставания с ними они не смогли бы пережить. Вещь магическим образом перестает быть тем, чем кажется, превращаясь в культ. Мисс Грегор, очевидно, испытывала аналогичные чувства к собственному рукоделию и предметам из обихода своих предков, иначе весь этот скарб давно бы убрали подальше от глаз. Если я не ошибаюсь, это было доминирующей чертой ее характера.

Он прервался. Детектив выглядел озадаченным, хотя старался следовать рассуждениям до конца.

— Ну? — спросил он.

— Ее характер укоренился в прошлом. Он объял его, подпитываясь им, как пищей. Но он потянулся и к будущему, ибо будущее — наследник всего сущего. Ее брат Дахлан имел тот же образ мышления. Но могла ли она быть уверена в том, что следующее поколение будет придерживаться традиции? Что станет с бесценными реликвиями после ее смерти? Эта мысль, поверьте мне, преследует умы мужчин и женщин, которые предали семейной магии. Сын Дахлана, Оуэн, — следующее поколение. Какими были отношения мисс Грегор с ее племянником?

— С ее стороны материнскими.

— Да. Возникает другой вопрос: каковы были ее отношения с его матерью? Жена Дахлана, не забывайте, была ирландкой. То есть она стояла вне горских традиций. Если бы она жила и воспитывала сына сама, унаследовал бы он истинное представление о семье? Другими словами, что за женщина была женой Дахлана? Как ей жилось здесь? Какие отношения существовали между ней и ее золовкой? Я обязательно постараюсь получить ответы на все эти вопросы.

— Вы ничего не добьетесь. Старик решил держать язык за зубами. Я говорил вам о его заявлении, что он ничего не знает о шраме на груди сестры. И его слуги дудят в ту же дуду.

— Мой дорогой сэръ, лэрд всего лишь титул. Всегда найдутся те, кто знает, что творится в больших домах.

Дандас пожал плечами.

— В Ардморе я не нашел ни одного, хотя прилагал все силы.

Доктор Хейли достал из кармана записную книжку и отвинтил колпачок авторучки. Несколько минут он что-то писал, потом объяснил, что ведет своеобразный дневник расследования, поскольку однажды обнаружил, что когда он делает такие записи, как в данном случае, в его голове растет понимание всего дела.

— Акт изложения мыслей на бумаге воздействует на мой мозг каким-то необыкновенным образом. Когда я пишу, вещи воспринимаются по-новому и в иных пропорциях.

Он положил ручку рядом с бокалами для шампанского и откинулся назад.

— Детективная работа — это как посмотреть на загадку. Решение стоит перед глазами, только одному его не видно. И невозможно увидеть, потому что некоторые детали, более агрессивно, чем другие, выпирающие на первый план, уводят взгляд в сторону. Я часто размышлял над тем, что художник способен написать картину, в которой конкретное лицо или предмет будут до поры до времени скрыты от наблюдателя, пока тот не достигнет определенной степени сосредоточенности или непредубежденности. Комната мисс Грегор, например, кажется нам запертым ящиком, без окон и дверей, в который на первый взгляд никто не мог попасть и из которого никто не мог выскользнуть. В следствие этого мы не можем понять, как бедная женщина была убита. Тем не менее, поверьте мне, способ ее убийства существует, обставлен яркими деталями, которые мы оба наблюдаем. Когда я пишу, у меня появляется новая точка зрения, которой бы я не достиг, если бы только рассуждал. К примеру... — Он снова наклонился вперед и протянул свою записную книжку. — Я записал здесь, что Дахлан и его семья, мягко говоря, не любят ворошить прошлое и очень сдержанны в своих воспоминаниях. Когда вы рассказали мне об этом, я просто спросил себя, с чем это может быть связано. Теперь я вижу, что в сознании каждого из них настоящее находится в неразрывной связи с прошлым. Из этого следует, что шрам на груди мертвой женщины является ключом к какому-то эпохальному семейному потрясению, последствия которого по-прежнему свежи и ощущаются настолько остро, что даже убийство признается как возможный и даже закономерный исход.

— Такое возможно, конечно.

— Я готов пойти дальше и заявить, что так оно и есть.

Дандас беспокойно теребил рукава рубашки.

— С трудом верится, — возразил он, — что кто-то ждал двадцать лет, чтобы убить несчастную старушку, или что такой человек как Дахлан мог сидеть сложа руки перед лицом надвигающейся опасности.

— Я не это имел в виду. Истоки убийства, как истоки любого человеческого предприятия, гнездятся глубоко в сознании, и не обязательно в сознании человека, который действительно убивает...

— Что?

— Мы мало знаем о характере мисс Грегор, но нет сомнений, что она была эгоцентричной личностью с высокоразвитым даром порабощения. Люди, и особенно женщины, такого типа встречают сильное противодействие. Это принимает различные формы. Слабые натуры готовы заискивать и подчиняться; сильных это раздражает; самые независимые открыто сопротивляются. Но хотя эти типы поведения различаются, у них одна и та же первопричина, а именно неприязнь. Послушный льстец — в глубине души враг и прекрасно понимает чувства доминирующего противника. Другими словами, все в этом доме ненавидели мисс Грегор.

— Мой дорогой сэръ!

— Я знаю, что вы думаете о Дахлане и Оуэне. Я считаю, что они оба ненавидели ее.

— За что?

— За ее ненависть.

Дандас покачал головой.

— В Ардморе вы не получите этому подтверждения.

— Возможно, нет. Дело в том, что убийство, как говорится, назревало. Вы получаете идею из постоянно роняемой фразы: «Чудо, что ее еще не убили!», что означает: «Я сам готов убить ее». Эта готовность является связующим звеном между старой раной и новой и поводом для всех держать язык за зубами. Это тема, о которой не говорят.

Детектив пожал плечами. Он поднес руку ко рту и зевнул. Подобные размышления, вероятно, навевали на него скуку, представляясь пустой болтовней. Он повторил, что допросил каждого члена семьи о событиях прошлого.

— Больше всего я надеялся на Ангуса и Кристину, — посетовал он, — но они, похоже, считают кощунством даже думать, что сестра Дахлана могла иметь врагов. Я так ничего из них и не вытянул.

— Что вы думаете о них?

Дандас пожал плечами.

— Думаю, — сказал он с горькой усмешкой, — они к существам высшей расы, которых нельзя судить по обычным меркам. Я шотландец из Лоуланда, и у всех нас одинаковое мнение об этих горцах. Они кажутся мне угрюмыми, предубежденными людьми, у которых и двух мыслей в голове не наберется*. Ангус говорит о Дахлане, как о божестве. Что касается Кристины, ее ум, похоже, так и остался на уровне ребенка.

Он провел рукой по своей золотистой голове. Его взгляд выражал раздражение и растерянность — извечную саксонскую закомплексованность перед кельтами. Доктор Хейли подумал, что менее подходящей кандидатуры для расследования такого дела вряд ли можно было себе представить.

— Они полностью отрицали всё, что известно о старой ране? — спросил он.

— Абсолютно.

— Похоже, это означает только то, что они напрямую не знали о ней.

— Бог знает, что это означает.

— Думаю, что можно найти способ освежить их память.

Он резко обернулся. Доктор Макдональд вошел в комнату и встал позади него. Хейли поднялся на ноги.

— Я просил бы вас посмотреть мальчика, — сказал Макдональд. — Это один из тех загадочных случаев, которые трудно диагностировать. — Поколебавшись, он добавил: Возможно, мы имеем дело с легким несварением, возможно, причина в мозге. До сего времени я действовал, исходя из последнего.

Доктор Хейли пообещал Дандасу, что утром они вернутся к разговору. Он взял шляпу и проследовал за Макдональдом, закрыв дверь. Когда они подошли к лестнице, ведущей в детскую, он вспомнил, что забыл авторучку и предупредил об этом коллегу.

— Я схожу за ней, — сказал Макдональд.

Макдональд двинулся назад по освещенному коридору. В следующий момент доктор Хейли услышал свое имя, произнесенное со скорбью и ужасом. Он шагнул в комнату Дандаса.

Детектив лежал, скорчившись, на полу возле кровати. На пшеничных волосах темнело зловещее пятно.

* По аналогии с английской идиомой *two pennies to rub together* — и двух монет в кармане не наберется. Этим Дандас хочет сказать, что горцы скудоумны.

Глава XII. Второе убийство

Доктор Макдональд опустился на колени рядом с телом в надежде нащупать пульс. Он поднял испуганные глаза, когда его коллега вошел в комнату.

— Он мертв!

— Что?

— Мертв!

Доктор Хейли оглядел комнату и, ничего не заметив, устремил взгляд на тело, как бы принимая вызов, брошенный человеческим чувствам. Он коснулся пятна на желтой голове и отпрянул назад.

— Череп разбит, — воскликнул он, — треснул, как яичная скорлупа! Дверь комнаты была закрыта?

— Да.

— В коридоре мы никого не встретили. Другой двери, выходящий в коридор, нет. Там никто не мог спрятаться.

Удостоверившись, что Дандас мертв, доктор Хейли подошел к открытому окну. Ночь стояла совершенно тихая. Он прислушался, но кроме звонкого журчания ручья под окном и лениво накатывающих на гальку волн ничего больше не услышал. Лодки всё еще стояли у берега. Он выглянул из окна, которое на отвесной стене казалось еще выше, чем окно мисс Грегор, из-за круто обрывающегося в этом месте берега ручья. Никто не приходил этим путем.

Макдональд поднялся и не отрываясь разглядывал тело детектива. Его щеки побелели, в глазах застыло удивление. Время от времени он облизывал сухие губы.

— Следы борьбы отсутствуют, — сказал он хриплым шепотом.

Доктор Хейли кивнул. Бокалы для шампанского сохраняли свое положение, и хотя бутылка несколько опустилась в ведерке, было видно, что ее не трогали.

— Вы не слышали крика?

— Я ничего не слышал.

— Сколько, по-вашему, прошло времени, как мы покинули комнату?

— Полминуты. Не более.

— Знаете, от этих масляных ламп тени такие длинные и черные. И мы не искали возможных убийц...

С этими словами доктор Хейли вышел в коридор. Он включил свой электрический фонарик, посветив вправо и влево от себя. Коридор заканчивался окном, выходящим на ту же сторону, что и окна спальни Дандаса, и между этим, последним, окном и дверью спальни было пространство около ярда — достаточно большое, чтобы можно было укрыться. Он погасил фонарик. Тусклой керосиновой лампы на лестнице хватало осветить пространство у окна. Он позвал доктора Макдональда.

— Вы там никого не видели? — спросил он.

— Конечно, никого. Там никто не мог спрятаться.

— Но где-то же он должен был прятаться!

Безапелляционный тон доктора делал его похожим на школьного учителя, добивающегося от неуча правильного ответа.

— Конечно. Мы никого не пропустили.

— Никого.

Их глаза встретились. Каждый прочитал растущую безысходность в глазах другого. Оба огляделись.

— Это всего лишь вопрос тщательного поиска, — утешался Макдональд. — Конечно, мы что-то упустили. Наши нервы...

Поглядев на Хейли, он замолчал. Его рот раскрылся, но так и остался беззвучным. Он подошел к окну, выглянул из него и вернулся к своему компаньону.

— Должен ли я закрыть дверь? — спросил он.

— Здесь никого нет.

— Хотелось бы верить. Если мы оставим дверь открытой, он может уйти.

Макдональд захлопнул дверь. Он начал рыскать по комнате, как зверь в клетке. Его глаза, отметил доктор Хейли, в точности были глазами зверя, запертого в клетке. Он ждал и готовился к прыжку, но без особой надежды. Он заглянул в шкаф, под кровать, снова в шкаф. После второй попытки шкаф был заперт на ключ.

— Я чувствую, что мы не одни, — заявил он в смешанных чувствах.

Он продолжал теребить галстук. Доктор Хейли покачал головой.

— Боюсь, всё это бесполезно, — заключил он.

— Разве вы не чувствуете чье-то присутствие?

— Нет.

Макдональд прижал ладонь ко лбу.

— Наверное, это нервы. Никто не видел, хотя... Здесь высоко, и я не слышал, чтобы что-то ударилось о землю.

Он продолжал сыпать бессвязными, отрывистыми замечаниями. Его лицо потеряло привычное выражение жизнерадостности; сильное волнение порождало страшную неразбериху в мыслях. — Думаю, — внезапно выпалил он, — нам лучше спуститься вниз и убедиться, что не было никаких лестниц и веревок.

— Хорошо.

Доктор Хейли вернулся к мертвецу и снова осмотрел его рану. Затем он присоединился к Макдональду. У лестницы они наткнулись на Дахлана с сыном.

— Я рад, что вы пришли, доктор Хейли, — сказал Оуэн Грегор. Он заметил бледность на лицах докторов Макдональда и замер. — Что-то случилось?

— Дандас только что был убит.

Отец и сын отшатнулись.

— Как?

— Пробили голову... — Макдональд запнулся, подбирая правильный медицинский термин, затем добавил: — Мы с Хейли собираемся... исследовать почву под окном.

Дахлан, казалось, хотел задать еще несколько вопросов, но промолчал. Он отошел в сторону, позволив врачам пройти. Он последовал за ними вниз, последним спустился Оуэн. Доктор Хейли спросил, есть ли у них большой электрический фонарь, на что получил отрицательный ответ.

Оуэн сразу же отвел их к нужному месту под окном Дандаса. Доктор Хейли зажег свой карманный фонарик и пустил яркий луч вдоль берега. Ничего подозрительного. Он повернул фонарик, чтобы посветить перед домом, и увидел, что прямо под спальней Дандаса располагалось французское окно.

— Что за комната? — спросил он Дахлана.

— Кабинет.

— Вы ничего не слышали?

— Ни звука.

Дахлан положил руку на руку доктора.

— Мне только что показалось — слева от лодок что-то блеснуло.

— В самом деле?

Старик в течение нескольких минут смотрел в сторону моря, затем снова повернулся.

— Лунный свет всегда обманчив, — произнес он, — особенно на воде.

— Да.

— Кажется невероятным, чтобы кто-то мог проникнуть в спальню бедняги. Получается, любой, кто попытался бы спуститься по лестнице, попал бы на нас с Оуэном.

Доктор кивнул. — Из комнаты никто не выходил, — авторитетно заявил он.

— И не заходил.

— Нет.

Дахлан глубоко вздохнул.

— Говорят, в Лох-Файне есть места, — сказал он невпопад, — где море не имеет дна. Бездонные пучины, о которых в наших краях рассказывают много страшного.

Его голос упал до шепота. — Я слышал, как мой отец, покойный Дахлан, рассказывал о живущих в море пловцах — полулюдях-полурыбах, которые...

Он замолчал. Трепет в его голосе обнажил природу страха, владеющего им. Он снова посмотрел в сторону озера, желая, по-видимому, продолжить наблюдение за светящимся объектом, который успел зацепить глазом.

— Лоулэнд хлебом не корми, дай поговорить о суевериях горцев, — продолжил он через несколько минут. — Всё наше им смешно. Именно так слепые смеются над зрячими. Если бы наши ученые были слепы, они, поверьте мне, предоставили бы неоспоримое доказательство того, что зрение является не чем иным, как простой иллюзией.

— Как выглядел светящийся объект? — перебил его доктор Хайли.

— Как рыба. В лунном свете показалось, что прыгнул лосось; но это было крупнее всякого лосося. И не ушло в воду.

— Вы видели это только один раз?

Старик кивнул.

— Да, только один раз. Я надеялся увидеть это снова, но оно исчезло.

Его голосом говорила уверенность, что это был не просто отблеск лунного света.

Проследив за игрой эмоций на лице Дахлана, доктор пришел к выводу, что у того уже сформировалось собственное мнение об убийствах. Он повернулся к Оуэну и Макдональду и спросил у них, видели ли они что-нибудь.

— Ничего, — ответил Оуэн.

— А вы, доктор?

— Я ничего не видел.

Макдональд говорил неуверенно. Он стоял, глядя на фасад дома, словно ждал от него подсказки. Внезапно он обернулся и поднял руку к глазам. Он указал на лодки.

— Если там еще не все спят, они могли что-то видеть, — сказал он.

Доктор Хейли был занят своим фонариком. Он направил луч на стену.

Ничто не указывало на попытки вскарабкаться по стене. Он отошел на некоторое

расстояние вправо, затем взял левее и повторил эксперимент. Трава была не примята, и земля не содержала никаких отпечатков, которые оставляет приставная лестница, когда ею пользуются. Он повернулся к Дахлану, стоящему рядом.

— Фискал-прокурор говорил мне, что осмотрел землю под окном спальни вашей сестры? — спросил он.

— Да-да. Я был с ним. Кроме того, что всё происходило ясным, солнечным днем, нам еще помогла клумба, разбитая под ее окном. Ни следов, ни отметин от лестницы мы не нашли.

— Под окном Дандаса, кажется, тоже ничего нет?

— Ничего.

Они молча посмотрели друг на друга. Шум голосов донесся с причала. Доктор Хейли развернулся и спустился к берегу. Он приветствовал рыбака с ближайшего судна и получил ответ с мягким горским акцентом.

— Вы видели кого-нибудь вон в том окне, где горит свет?

— Я — нет. Мы спали. Нас разбудили ваши голоса.

— А что-нибудь слышали?

— Нет, сэр.

Спокойствие мужчины несколько раздражало Хейли, и ему пришлось рассказать, что произошло. Новость была встречена потоком восклицаний.

— Я подумал, что ваш сигнальщик мог что-нибудь увидеть?

— У нас нет сигнальщика, когда мы стоим на якоре. Но мы спим чутко, все до одного. Как я уже говорил, ваши голоса разбудили нас. А в доме никто не кричал. Всё было тихо.

Они вернулись в дом и прошли в курительную комнату. Доктор Хейли сказал Оуэну Грегору, что хочет осмотреть мальчика, прежде чем они займутся делом Дандаса, после чего он и Макдональд оставили Дахланов одних и поднялись по лестнице. Уна встретила их на верхней площадке.

— У него снова была... атака, — сказала она взволнованным голосом.

Она запнулась перед словом «атака». Доктор Хейли понял, что она хотела сказать «припадок». Но это слово несло слишком явный заряд страха. Она вошла в большую комнату, стены которой были буквально оклеены цитатами из Библии. Маленький мальчик лежал в кровати; когда он подходил к ней, старуха в чепце и фартуке, склонившаяся над ребенком, встала и отошла в сторону, освобождая место. Ее широкое, с глубокими морщинами лицо, опухло от слез. Доктор Хейли убрал пузырь со льдом со лба ребенка и посмотрел в широко открытые глаза. Он зажег свой фонарик и резко перевел его на лицо мальчика, проверяя реакцию. Когда пациент вздрогнул, он успокаивающе кивнул.

— Что с симптомами? — обратился он к Макдональду.

— Все отрицательные.

— Кернига*?

— Тоже.

Доктор Хейли похлопал мальчика по руке, которая лежала сверху покрывала, вытянутая вдоль тела. Он попросил ребенка назвать свое имя и получил четкий ответ: «Хэмиш Грегор Дахлан». Даже младенцы в замке Дахлан, казалось, научились подчеркивать свое территориальное право.

* Симптом Кернига – ранний и важный признак раздражения оболочек мозга, которое проявляется при менингите, кровоизлияниях под оболочки, а также при других состояниях.

— Кто научил тебя так представляться? — спросил он.

— Тетя Мэри.

Он наклонился и слегка провел ногтем по предплечью ребенка. Няня внимательно наблюдала за процедурой. Вскоре на этом месте появился красный волдырь. Волдырь быстро разбух, приобретя бледность посередине, что было похоже на след от хлыста. Уна и нянька вскрикнули от ужаса.

— Что это значит? — спросила Уна.

— Ничего.

— Что?

— Это признак определенного типа нервного темперамента, вот и все. Атаки относятся к тому же порядку. Скоро они исчезнут, хотя возможен рецидив. — Доктор Хейли обменялся улыбкой со своим пациентом, который с изумлением разглядывал волдырь, и сказал: — Ни сейчас, ни позже бояться нечего.

Искренность, с которой Уна поблагодарила его, не вызывала никаких сомнений. Казалось, в ней произошли изменения с той ночи, когда он спас ее, но он не преминул заметить, что она была взвинчена до крайности. Он задался вопросом, унаследована ли слабость ребенка от нее, но решил, что, по всей вероятности, мнение Дандаса было правильным. Молодая женщина обладала физически крепким здоровьем, при том что ее разум подвергся серьезным испытаниям. Она с завидным самообладанием выслушала медицинские указания в адрес своего мальчика и обязала няньку неукоснительно следовать им.

— Я полагаю, вы заметили, — сказал доктор Хейли няньке, — как быстро у ребенка образуются кровоподтеки, проще говоря, синяки, а в данном случае еще быстрее, чем обычно?

— Да, доктор, заметила. — На умное, приветливое лицо старой женщины набежала тень. — Я дала ему прозвище «Хэмиш Ушибся», столько раз я говорила это вслух — кажется, что он всегда покрыт синяками, будто ушибся где. Правда, есть такие, которые появляются сами по себе. Я не знала, что это нервное.

Ее голос воздействовал, как течение глубокой реки, мягко и настоятельно. Тон свидетельствовал о том, что она была убеждена лишь наполовину. Описания Дахланом своих слуг как друзей, по всей видимости, оказались чистой правдой.

— С возрастом это проходит.

Нянька задумалась. Затем кровь прилила к ее морщинистым щекам.

— Я должна сказать вам, доктор, — снова заговорила она, — что Хэмиш в последнее время начал сдавать. Какой-то угасший и подавленный. Будто чего-то или кого-то боится. Дети чувствительны, как старики.

Она замолчала, взглянув на Уну, словно испугалась, что перешла грань дозволенного. Но девушка дала понять, что ничего предосудительного не произошло.

— Я тоже заметила, — сказала она. — По-ирландски это называется droopy*.

— Дети, — повторила Кристина, — намного чувствительнее, чем взрослые. Они, похоже, чувствуют, когда что-то против них. Им делается страшно, и они пугаются. Нельзя сказать, что в этом ничего нет. Спрашивается, понимаем ли мы, что творится в голове у ребенка?

Она говорила рассудительно, без следов неуважения. Серьезная озабоченность, очевидно, напрямую диктовала ее мысли.

— Боюсь, — согласился доктор Хейли, — мы ограничены в средствах.

* Сдулся (ирл.)

— Да, уж больно мало их. Вы, у кого есть навык, знаете то, что вертит ими, идет от нервов, но что это такое лечить нервы? Вот что я хотела бы знать.

Доктор покачал головой.

— Это сложно объяснить, — признался он. — Ревматизм иногда вызывает такую нервную возбудимость. Но, несомненно, существуют и другие причины. Я наблюдал случай, причиной которому определенно был сильный испуг, в другой раз, когда дошло до нервного истощения, угнетенное состояние было спровоцировано тревожным ожиданием. Там бедный ребенок до ужаса боялся своего отца-пьяницы.

Лицо старой няньки мгновенно залила краска.

— Горцы считают, — сказала она, — что не всякую беду можно разглядеть.

Она говорила иносказательно, загадками, но с предельной серьезностью. Доктор Хейли заметил, как губы Макдональда изобразили слабую улыбку. Было ли это скрытый намек на отношения, существующие между Оуэном и его женой? Глаза Уны предполагали такую мысль.

— Верите ли вы, — спросил он Кристину, — что чувства пожилых людей открыты для понимания детским душам?

— Да, доктор, верю. Более того, я считаю, что можно отравить ум так же, как тело.

Когда они вышли из детской, Макдональд доверительно положил руку на руку своему компаньону.

— Вы убедились, кто такие горцы, — сказал он. — Мы не изменились.

— Вы знаете, не только шотландские горцы суеверны в отношении нервных болезней, — заметил доктор Хейли. — По большому счету всё человечество их боится. К людям, у которых самопроизвольно возникали гематомы, в средние века относились с религиозным трепетом. Есть тысячи свидетельств о мужчинах и женщинах, которые могли по собственному желанию вызывать стигматы — раны в виде распятия на руках, ногах, лбу. Предполагалось, что эти люди тесно контактировали с божественными сущностями. У других были уродства, которые в народе приписывались прикосновению дьявола или считались сглазом. Теперь, кажется, точно установлено, почему Генрих VIII избавился от Анны Болейн так быстро — причина в том, что он увидел на ее коже пятна, которые, как тогда полагали, обличали ведьм. Он был более суеверен, чем любой из ваших горцев.

Как только они вернулись в курительную комнату к Дахлану и его сыну, туда ворвался Ангус. Он объявил, что молодой рыбак хочет поговорить с лэрдом.

— Пусть покажется, Ангус.

В дверях возник высокий парень в синей вязаной кофте, сжимая в руке шотландский берет. Он дошел до середины комнаты, остановился и начал нервно перебирать головной убор, как портниха, распуская строчку. Дахлан сердечно приветствовал его.

— Ну, Дагалд, какая срочность привел вас сюда? — спросил он, но прежде чем парень ответил, представил его как брата «двух моих хороших приятельниц и помощниц, Мэри и Флоры Кэмпбелл».

Дагалд потихоньку освоился. Напарники сообщили ему, что лэрд интересовался теми рыбаками, кто не спал за последний час у причала, и поэтому мог видеть, что происходит в замке.

— Я забился в самый дальний угол лодки и не спал, — добавил он. — Выходит, я тот, кто нужен лэрду.

Ангус принес стул, и молодой человек сел. Доктор Хейли спросил его:

— Вы видели дом?

— Да, видел.

— Что конкретно вы рассмотрели?

— Горело окно. Сначала к нему подошел высокий человек, потом долго никого не было, а затем в нем появился маленький человек.

— Вы разглядели их лица?

— Нет, сэр. Потому что свет был за ними. Луна отражалась в стеклах, но была не такой яркой, как свет в комнате.

Доктор кивнул в знак согласия с этими соображениями.

— Хорошо. Теперь вспомните, который из них дольше всех оставался у окна — высокий или маленький?

— Высокий, сэр.

Доктор Хейли повернулся к остальным.

— Я выглянул в окно после того, как зашел в комнату. Было жарко, и я немного задержался у окна. Похоже, мы никуда не сдвинулись. Он обратился к рыбаку: — Можете ли вы что-то сказать о маленьком человеке?

— Постоял у окна. Через минуту ушел.

Доктор подался вперед.

— Вы не заметили ничего странного — как он пришел, как уходил?

— Нет, сэр.

— Подумайте хорошенько, пожалуйста.

— Нет, сэр, я ничего такого не заметил. Он пришел и ушел, как до него большой человек.

— Никто не кричал?

— Криков я не слышал.

— Это было единственное окно на этаже, в котором горел свет?

— Да, сэр.

— Вы совершенно точно уверены?

— Да, сэр.

— Что скажете, Дахлан?

Старик склонил голову.

— Он абсолютно прав. Я был с Оуэном здесь. В детской окна не выходят на море.

Доктор Хейли вставил монокль.

— Вы сказали, что дом был освещен луной? Вы заметили что-нибудь необычное на стене или на крыше?

— Нет, сэр, ничего вообще.

— Как вы думаете, если бы кто-нибудь поднялся к окну по приставной лестнице, вы бы видели это?

— Конечно видел бы.

— Несмотря на яркий свет из окна?

— Да. Подберись к окну кошка, и ту заметил бы. Лестницы не было.

— Вы ручаетесь за свои слова?

— Могу поклясться.

— Скажите мне, Дагалд, — спросил Дахлан, — когда маленький человек находился у окна, ничего не проплывало мимо вашей лодки?

В глазах юноши появился испуг. Он поднял брови и резко сомкнул их.

— Нет, лэрд.

— Что-то светящееся?

— Нет, лэрд.

Дагалд с ожесточением принялся выщипывать свой берет. Глаза выкатились от страха. Очевидно, он много слышал о пловцах. Он вопросительно посмотрел на Дахлана.

— Мне показалось, — сказал старик, — что я видел, как что-то блеснуло рядом с одной из лодок. Не мог же это быть лунный свет.

Пальцы Дагалда ускорили движения.

— Я ничего не видел, лэрд, ничего вообще, клянусь. Но Сэнди Дрейх сказал, что сегодня ночь для нас будет плохой, потому что мы повстречали четырех женщины, когда спускались к лодкам. И впрямь рыба ушла. Сэнди заметил небольшой косяк прямо у ручья, и мы подняли сеть. Но ничего не вытащили.

Сказано это было с чрезвычайной ответственностью. Дахлан кивнул. Лэрд и рыбак, похоже, сошлись на том, что день и в самом деле выдался неудачным.

— Встретить женщин на берегу, — спросил доктор Хейли, — дурная примета для рыбака, верно?

— Еще какая, сэр, многие не выходят после такого.

Доктор повернулся к Дахлану:

— Рыбаки со Святого острова, того что у нортумберлендского побережья, не выйдут, если кто-нибудь при них скажет: «свинья». Они никогда не произносят этого слова. Все свиньи на Святом острове «творения», «твари», как они их называют.

Старик низко склонил голову. Он пропустил эту информацию мимо ушей, показывая всем видом, что досужее обсуждение рыбацких примет затеяно не ко времени.

Ангусу отдали распоряжение угостить рыбака выпивкой. Когда он удалился, Дахлан очнулся от летаргии, в которую, казалось, впал.

— Вы сами можете поклясться, доктор Хейли, — мрачно спросил он, — что никто не входил комнату после того, как вы ее покинули?

— Могу.

— И что все двери и окна были так же недоступны, как если бы они были заперты на ключ и задвижку?

— Примерно так.

— Как окна и дверь в комнате моей бедной сестры?

— Да.

Старик выпрямился в кресле.

— Можете ли вы хоть как-то объяснить обе трагедии? — спросил он.

— Никак.

— В них есть что-то общее?

— Да.

— Схема, почерк — похожи?

— Да.

— Удары нанесла одна и та же рука?

— Очевидно, да.

В комнате наступила тишина; все с тревогой смотрели друг на друга.

— На первый взгляд, оба убийства совершить было невозможно.

Его пыл угас, и он начал беспокойно ерзать в кресле. Привычка приписывать сверхъестественным силам почти всё непонятное, что происходит в жизни, несомненно, объясняла тот страх, которым было пронизано всё его существо.

— В качестве срочной меры, — сказал доктор Хейли, — необходимо вызвать Маклеода. Если я не ошибаюсь, нам нельзя терять ни минуты. То, что произошло дважды, может произойти и в третий раз.

Казалось, он озвучил мысль, которая никому не давала покоя. Доктор Макдональд рассеянно взглянул на него, Дахлан вытер лоб. Оуэн всем видом выражал готовность немедленно отправиться в полицейский участок Ардмора.

Глава XIII. «Проклятие на этом доме...»

На следующее утро доктор Хейли осмотрел землю под окном Дандаса. Жара высушила дерн, и надежды на то, что земля многое откроет, почти не было — она ничего и не открыла. На самом жестком газоне остался бы отпечаток от лестницы, если бы по ней взбирался человек. Он стоял, обозревая пустой склон ничего не выражающими глазами, затем его взгляд скользнул с травы на ручей и от ручья устремился дальше — до самого озера. Он покачал головой и вернулся в замок, где его уже ждал Маклеода, который только что прибыл из Кэмпбеллтауна. Новая трагедия, похоже, глубоко ранила фискал-прокурора.

— Что же это за смерть такая, доктор, — вопрошал он, — если может проходить сквозь запертые двери? — В голосе его слышалось осуждение. — Дахлан сказал мне, — продолжил он, — что вы и Макдональд ушли за минуту до того, как бедняга был убит. Это так?

— Я не думаю, что между нашим уходом и его смертью прошла минута.

Широкое лицо Маклеода побледнело. — Вы говорите, что Дандаса сокрушил удар, а не то, что он был убит, — со страхом в голосе воскликнул он.

Они вошли в курительную комнату. Фискал-прокурор сел и опустил голову. В позе смирения он пробыл несколько минут, потом сказал, что послал в Глазго за помощью.

— Они заверили, что сделают всё от них зависящее.

— Будем надеяться.

— Бедный Дандас! — морализировал он дрогнувшим голосом. — Это дело должно было прославить его имя. Как мало мы знаем, доктор Хейли, о тайном промысле Провидения. — Он сделал паузу и добавил: — Я слышал, он говорил: проклятие на этом доме.

Казалось, его внезапно парализовало, потому что он как-то странно сполз в своем кресле. При этом его одеревенелое тело продолжало кивать головой и издавать звуки, словно взамен него какой-то автомат повторял жесткие истины и сам же соглашался с ними. У доктора Хейли сложилось впечатление, что Маклеод страшно боится, что его собственная душа может отлететь в самый неподходящий момент.

— Я сразу же поговорил с Дахланом, как только приехал, — сказал Маклеод. — Он сообщил мне о некоем видении — будто бы через несколько минут после того, как Дандас встретил свою смерть, он увидел какую-то яркую вспышку на воде.

— Да.

— Он и вам говорил то же самое?

— Да.

Односложные ответы доктора Хейли не сулили ничего хорошего.

— Очень странно, если это правда. — Чиновник снова вытер лоб. — Сродни тем слухам, которые ходят о Лох-Файне, как вы могли убедиться. Рыбаки иногда рассказывают весьма странные истории.

— Поэтому я верю.

Мистер Маклеод встрепнулся.

— Да! — воскликнул он с теплотой. — Легче всего сказать, что не веришь в бабушкины сказки. Однако рыбаки — проницательные наблюдатели с высокоразвитыми и натренированными чувствами. Кто знает, может, они видят, слышат и чувствует больше, чем вы или я? Они все время смотрят в зеркало воды, которое является отражением небес.

Доктор не спорил. Мистер Маклеод, по наблюдению Хейли, разрывался в своем страхе между врожденной доверчивостью и приобретенными идеями. Эти идеи основывались на мрачных учениях о тривиальном характере и краткой продолжительности человеческой жизни, полученных от пессимистических еврейских пророков. Неудивительно, что человек нашел виски необходимым для своего здоровья!

Он покинул его и вошел в спальню Дандаса. Тело не двигали. Поток солнечного света коснулся желтых волос. Легко было отбросить панику Маклеода и иже с ним, но не так легко отделаться от влияний, которые вызвали эту панику. Он раскрыл одну из книжек инспектора с записями этапов расследования. Безрадостная картина. Страницы были полны отрицательных итогов; вычеркнуто всё: дверь, окна, стены, потолок, пол. Последняя запись кончалась не без пафоса: «Надо будет начать всё сначала».

Он вернул книжку на место и отполировал монокль. Подержав стекло над головой трупа в том месте, где был пробит череп, он снова поразился необъяснимо жестокому характеру раны. Разумеется, орудия, способного нанести такую тяжелую травму, в спальне не обнаружилось. Он попробовал на вес легкие предметы мебели, которые могли бы подойти. И в том и другом случае убийца приносил орудие с собой, а точнее, их было два: топор для мисс Грегор, дубинка или кастет для Дандаса. Топор, если вписать его в картину последнего убийства, мог раскроить череп от свода до основания. Он снова повернулся к окну и осмотрел полоску берега между домом и ручьем. Осень примеривала багряные и шафрановые одежды; в небе уже разливался тот волшебный свет, присущий только медленно убывающим дням и который, кажется, соткан из того же цвета, что и озаренная им природа. За ручьем веяли каштаны, тускло-золотые и бледно-зеленые. Мелкие монетки березовых листьев звенели в воздухе, легкие, как блестки на девичьем платице, винные пятна дубов и буков, проступившие всюду, где ветра справили свои вакханалии, рябины, отяжелевшие от красных плодов. Он легко представил, как в этот пестрый костер или даже в ручей летит окровавленное орудие. Но нет, он упорно искал и знал, что никакого орудия там не найти. Он повернулся к комнате и, склонившись вперед, быстро шагнул к мертвому телу.

В золотистых волосах сверкнуло серебро. Он увидел еще одну селёдочную чешуйку.

Глава XIV. Странное упущение

Обнаружив селёдочную чешуйку на голове Дандаса, доктор Хейли отправился в Ардмор, к Макдональду. Дом доктора стоял на скале с видом на бухту. Когда он поднимался извилистой тропой, перед ним открылась часть первозданного ландшафта с его островками и маленькими заливчиками. Большинство рыболовного флота ушло далеко вверх и стояло на якоре напротив города, и сейчас все пространство воды было оккупировано парными скифами. Эти парусно-гребные четверки отличались идеально плавными линиями, прекрасно сочетающимися с короткими мачтами и косыми реями. Они выглядели как молодые чайки в своем первом сером оперении — живые, неудержимые. Небольшое каботажное судно выскочило с озера. Он задержался, чтобы посмотреть, как оно входит в узкую горловину бухты. При входе гряды морских водорослей всколыхнулись вокруг

островков, устроив на берегах слабое волнение. В горячем воздухе он уловил запах водорослей, рыб, снастей и слабые голоса. Поднявшись выше, он снова повернулся. С этой точки столбы с сохнувшими в несколько рядов сетями имели жуткий вид и выглядели как виселицы с трупами на давно затонувшем корабле. Но цвет сетей очень удачно контрастировал с сосновым лесом на мысе Гарвел по ту сторону озера.

Дом был построен из красного песчаника и имел красную крышу, острый конец которой вознесся над скалой. Окна смотрели на бухту, но самый дальний обзор из них ограничивался подступающими со всех сторон скалами и вереском — лоскутным одеялом из фиолетовых, зеленых и серых пятен, суровым и безжизненным даже под солнцем. Он позвонил в колокольчик, и молодая женщина, чьи румяные щеки и темные, сияющие волосы служили стандартом горской красоты, пригласила его войти. Она провела его в большую комнату и только потом сообщила, что хозяин еще не вернулся с утреннего обхода.

— Но я жду его с минуты на минуту, так что, думаю, что вы можете дождаться его.

Она тут же исчезла, не услышав ответа. Он подошел к книжной полке, занимавшую одну из стен комнаты и пробежался глазами по корешкам. Макдональд, казалось, подбирал книги, исходя из своего католицизма, поскольку большую часть из них составляли классики европейской литературы. Превалировали французы: Бальзак, Флобер, Мопассан, Монтень, Вольтер, Сент-Бёв. Он достал несколько томов. Они выглядели заметно потрепанными. Книг по медицине он не нашел. Владелец библиотеки, несомненно, был романтиком, хотя умерил свой пыл другой пищей. Знание Макдональдом людей и эти книги никак не укладывались в голове доктора Хейли в один ряд. Большинство мужчин назвало бы комнату уютной, уютной по-мужски: большие глубокие кресла, удобные для чтения и курения. В одном из углов стоял дробовик довольного старого образца, чьи стволы отливали свежей смазкой. Ваза на каминной полке была завалена патронами. На стенах висели картины с лодками, и так как изображения особым разнообразием не отличались, все они, похоже, вышли из-под кисти одного и того же художника. Доктор Хейли внимательно посмотрел автограф. Все картины были подписаны одним именем — Макдональд.

Он сел в кресло и взял понюшку табака. Медицинская профессия, по его мнению, полна людей, которые всю свою жизнь мечтают никогда не заниматься ничем подобным. Тем не менее, очень немногим из врачей удастся избежать этого, потому что, хотя они и обладают темпераментом художников, им не достает воображения или, возможно, не хватает мастерства. Практика отнимает слишком много времени и сил, что естественным образом сдерживает любые порывы энтузиазма. Если Макдональд писал картины, следовательно, он мог писать романы или стихи. Маловероятно, что его самовыражение в литературном плане было бы успешнее его достижений в живописи. Почему он не женился?

Для ответа на последний вопрос он потянулся за второй понюшкой, но в это время в комнату вошел Макдональд.

— Энни сказала, что меня ждет очень высокий мужчина, — громко сказал он. — Я подумал, что это вы. — Он пожал руку. — Что нового?

— Да так, почти ничего. На голове Дандаса обнаружена селедочная чешуйка.

— Боже мой! Значит, можно говорить об одном и том же орудии?

Доктор Хейли помотал головой.

— Не думаю, — ответил он, — хотя, конечно, если топор развернуть...

Макдональд издал неопределенный звук. Мрачный, как туча, он стоял посреди комнаты и теребил подбородок. Наконец, он потрянул головой.

— Эти чешуйки достаточно таинственные, — заговорил он, — но настоящая тайна, как мне кажется, не в них и не в орудии, каким бы оно ни было. Пока вы не решите вопрос, как вошли и вышли из обеих спален, вы будете блуждать во тьме.

Доктор Хейли задумался.

— Очевидно, — сказал он, — что Дахлан вбил себе в голову, что убийства произошли

сверхъестественным образом.

— Он бы сделал это в любом случае.

— Ладно. Следовательно, со стороны убийцы аргумент в пользу вмешательства подобного рода должен быть очень сильным. Доказательство должно поставить в тупик его преследователей.

— Я не улавливаю. Какие доказательства сверхъестественного вмешательства он оставил?

— Чешуйки.

Макдональд уставился на него.

— Тоже мне, селедка из Лох-Файна! Что же в ней сверхъестественного?

— Дахлану показалось, что он видел, как что-то плавающее в устье ручья блеснуло в лунном свете после того, как Дандас был убит.

Ардморский лекарь присвистнул.

— Вот и приплыли?

— Что значит «приплыли»?

— Я о пловцах. Каждый раз, когда происходит что-то необъяснимое на этой стороне Лох-Файна, то виноваты так называемые «пловцы». Они отпугивают сельдь, и таким образом уловы падают, они вывозят рыбу из сетей в тот момент, когда улов кажется безопасным. Вы можете доказывать хоть до посинения, что эти убытки вызваны небрежностью, но вам никто не поверит. Что могут люди противопоставить таким существам?

Доктор Хейли кивнул.

— Ардмор зависит от моря, — сказал он.

— Большинство суеверий, как вы знаете, являются олицетворением бедствий. В сельских областях демоны вызывают недород и осушают колодцы...

— Действительно.

— Для нас важно, что эти рыбы чешуйки могли быть преднамеренно оставлены в ранах с тем, чтобы показать, что не обошлось без участия дьявола. Если это так, мы сможем найти нашего убийцу методом исключения. Использование суеверий в качестве завесы для преступления свидетельствует о довольно высоком уровне интеллекта.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Слугам, например, не додуматься.

Доктор Хейли кивнул. Он откинулся на спинку кресла. — Как долго вы пользуетесь Дахланов? — спросил он.

— Больше десятка лет.

— И при этом вы не знали, что мисс Грегор была ранена?

— Не знал. Видите ли, я никогда не видел... груди мисс Грегор. Макдональд шагнул к окну и повернулся. — Она часто страдала от простуды, а два года назад был запущенный бронхит, но послушать легкие она мне так и не позволила. Дахлан предупредил меня до того, как я первый раз посмотрел ее, что она панически боится, просто исполнена ужаса перед всякого рода врачебными осмотрами, поэтому я должен изо всех сил стараться обращаться с ней осторожно, не причиняя неудобств.

— Значит, он знал о шраме, несмотря на то, что, по словам Дандаса, всё отрицал.

— Возможно, в этом отношении его приравнивали к врачам, не допуская дальше положенного? Дахлан, похоже, был искренен, заявляя о ее страхе перед осмотрами.

Доктор Хейли кивнул.

— Это правда. Но согласитесь, странно, что, получив ранение такой тяжести, она

никому в доме не позволяет дознаться, чего она натерпелась. — Он наморщил лоб. — Я все еще думаю, что когда она запирала дверь, у нее была паническая атака. Есть ли в замке портрет жены Дахлана?

— Не видел ничего подобного.

— Я пытался найти хоть один во всех общих комнатах и некоторых спальнях и ничего не нашел. Для человека, который с упоением цепляется за каждую мелочь в доме, какое-то странное упущение, хотя всякое другое событие в жизни Дахлана наглядным образом отображается на стенах.

Макдональд сел и двумя руками вытянул перед собой деревянную ногу.

— К чему вы клоните? — спросил он.

— Я склонен подозревать, что жену Дахлана беспокоила рана мисс Грегор. Этим объясняется отсутствие портрета и желание скрыть шрам. Это может объяснить панику мисс Грегор при виде жены Оуэна. И отец, и сын, вспомните, женились на ирландских девушках. Неожиданное появление миссис Оуэн Грегор в спальне, по-видимому, вызвало у старой женщины воспоминание о каком-то ужасном происшествии в ее жизни.

— Мисс Грегор, поверьте мне, была уравновешенной женщиной.

— Несомненно. Но похожие потрясения, как вы знаете, причиняют невосполнимый ущерб душевному здоровью, оставляя незаживающие рубцы, поэтому любое напоминание о них вызывает состояние нервной протрации.

— Хорошо, — Макдональд снова подобрал ногу и склонился вперед: — Что случилось после того, как она заперла дверь в спальню?

— Полагаю, она закрыла и заперла окна, которые, понятное дело, были открыты из-за жары.

— А потом?

— Потом ее убили.

Сельский врач вздохнул. Он повторил: «Потом ее убили», устало добавив: — Как? За что? Кому это понадобилось?

Он поднял свои добрые серые глаза, чтобы взглянуть в лицо своего коллеги. Доктор Хейли коротким, нетерпеливым жестом отклонил эти вопросы.

— Не забивайте голову. Вернитесь к миссис Оуэн. Она сказала мне, что вошла в комнату своей тетки в синем шелковом халате, потому что, поссорившись с ней перед ужином, искала примирения. Нельзя исключать, что подобный порядок событий мог произойти и с женой Дахлана.

Макдональд нахмурился.

— Не хотите ли вы сказать, — спросил он недружелюбным тоном, — что эта страшная рана была нанесена девушкой?

— Нет. — Доктор Хейли покачал головой. — Вы слишком торопитесь, мой друг. Оставьте пока комнату, вообще картинку. Вот еще один интересный вопрос: была ли ссора между миссис Оуэн и мисс Грегор той же природы, что и ссора между последней и миссис Дахлан? Ответ, очевидно, в мисс Грегор. Есть женщины, их много, которые не могут жить в мире с женами своих мужчин — сыновей, братьев; женщины, которые возмущаются этими женами как разрушительницами; женщины, главной целью которых является отлучение от них мужей, иногда даже отчуждение их детей. Была ли мисс Грегор одной из таких женщин?

Последовала длительная пауза. Тревога Макдональда, казалось, возрастала с каждой минутой. Он продолжал ерзать в кресле, заставляя деревянную ногу двигаться вместе с телом. Он густо покраснел.

— Она была такой женщиной, — произнес он наконец.

Глава XV. Настоящий враг

Макдональд поднялся и встал перед камином.

— Действительно, — сказал он, — у меня есть основание полагать, что жизнь миссис Оуэн в Дахлане сделалась невозможной из-за ревности мисс Грегор. Почти с самого отъезда Оуэна на Мальту, она начала изводить и преследовать его жену. В основном, претензии касались того, что маленький Хэмиш, наследник Дахлана, не воспитывался должным образом.

Доктор замолчал и потянулся к каминной полке за трубкой. Он сунул ее в рот и открыл банку с табаком.

— Информация поступала ко мне от миссис Оуэн, — признался он. — Полагаю, я вправе считать себя одним из двух ее самых близких друзей.

Он извлек горсть табака из банки и начал набивать трубку, выполняя эту задачу с тем наигранным спокойствием, которое не может скрыть подлинного волнения. Доктор Хейли заметил, как дрожат у него руки.

— Атмосфера в Дахлане, поверьте мне, была отравлена нескончаемыми упреками, и каждый день приносил тяжкое бремя страданий. Язвительность мисс Грегор была тихой, незаметной, и вскоре стала совершенно невыносимой. Она никогда не приказывала; она увещевала. Но ее просьбы были одним сплошным лицемерием! Она обладала исключительной изобретательностью в выявлении слабых сторон своего противника и благодаря неутомимой настойчивости обращала их в свою пользу. Всё началось месяц назад.

Наконец трубка была набита, и он неспешно раскурил ее.

— Месяц назад у маленького Хэмиша случился припадок. Послали за мной. У меня не такой большой опыт по нервным заболеваниям, как у вас, и, признаться, я испугался. Полагаю, мой страх передался матери ребенка. Она чувствовала, что припадок случился по вине ее собственных нервов, и решила покинуть Дахлан, во всяком случае так я понял с ее слов. «Служба Оуэна в Эйршире подходит к концу, — сказала она, — и я поставила ему ультиматум: или я переезжаю в собственный дом, или ухожу». Я видел, что силы ее на исходе. Я попытался ее успокоить, но она уже не разговаривала. Когда я спустился вниз, мисс Грегор уже поджидала меня. «Бедное дитя, — сетовала она. — Уна, конечно, хорошая мать, но у нее нет опыта. Совсем нет опыта».

Он уронил трубку и наклонился, чтобы поднять ее.

— Я все еще слышу ее голос, — продолжил он. — Она медленно покачивала головой, когда говорила, глаза наполнились слезами: «Мы сделали всё, что может сделать любовь, доктор, — сказала она мне. — Но, к сожалению, наша помощь была отвергнута. Отец Оуэна глубоко опечален. Я не могу сказать, что я чувствую. Как вы знаете, я отдала Оуэну всю любовь и воспитала как собственного сына». И тогда я услышал просьбу, которую ждал: «Не могли бы вы, пользуясь своим авторитетом, убедить дорогую Уну, что ей необходим полноценный отдых? У нее есть сестры и братья, которые будут только рады позаботиться о ней, а ей самой не нужно будет беспокоиться о милом Хэмише. Мы с Кристиной полностью посвятим себя ему». Что я мог ей ответить? Я сказал ей, что прежде чем обсуждать подобные планы, необходимо дождаться прогресса в состоянии ребенка.

Он замолчал. Доктор Хейли, пристально наблюдавший за ним, спросил:

— И как она отнеслась к этому?

— Ужасно, так сказать, тонко намекнула подчиниться. «Конечно, доктор, — сказала она, — мы все должны полагаться на ваше мнение в этом вопросе. Только вы обладаете знаниями, необходимыми для принятия решения. Но я чувствую, что мой долг проявить твердость и предупредить, что первостепенное значение здесь имеют соображения личного характера, которые ни один врач не может не учитывать для себя. Иными словами: «Если вы

хотите защищать врага, пеняйте на себя».

— Но вы стояли на своем?

Доктор проявлял нетерпение.

— Да. Старуха пробудила во мне боевой дух. Она запричитала, из-за чего мои волосы встали дыбом. Вместо «дорогая» она с прононсом говорила «доогая», и всегда произносила имя миссис Оуэн как «Юна», хотя ее сто раз поправляли. За этим упрямством стояла какая-то зловредность, дурное качество, когда с наслаждением причиняют боль людям, которых не любят. Посмотрели бы вы на эту святую мученицу и узнали бы, что из ее слезливых глаз за вами наблюдает дьявол.

Лицо Макдональда сделалось красным. Он покачал головой.

— Другого врача здесь нет, и со мной ей приходилось мириться. Каждый раз, когда мы встречались, я чувствовал, что ее неприязнь растет. Ей нравилось осуждать. Люди, которые попадали в ее черные списки, вскоре получали от нее прозвище «неправедные» — в ее умелых устах эта фраза символизировала моральное разложение. Я был уверен в скором доказательстве ее попыток заклеить меня...

Доктор Хейли поднял руку.

— Одну минутку, пожалуйста. Вы продолжали навещать Хэмиша?

— Да.

— И отказались позволить мисс Грегор вмешиваться?

— Я отказался согласиться с тем, чтобы миссис Оуэн оставила ребенка и отправилась в Ирландию. Однажды я сказал, что, по моему мнению, лучше матери за ребенком никто не может ухаживать, и когда я это сказал, мисс Грегор так перекошило, что на секунду мне стало жаль ее.

— Понятно.

Нервозность Макдональдса усилилась. Он попытался раскурить трубку, но бросил это занятие.

— Через неделю, то есть три недели назад, — сказал он, — ночью я услышал стук в дверь. Я уже ложился спать и пошел открывать. За дверью стояла миссис Оуэн.

Доктор Хейли кивнул, никак не прокомментировав сказанное. В комнате установилась мертвая тишина. Ее нарушил приятный скрип блоков и снастей, поднимающих паруса.

— Девушка была в ужасном состоянии: заплаканная, истеричная, полусумасшедшая. Когда я открыл дверь, она упала. Я поднял ее. Одета она была кое-как. Я отнес ее сюда и положил в это кресло. — Резким движением он указал на кресло, в котором сидел доктор Хейли. — Она сказала, что с Дахланом покончено навсегда. Позже, когда она немного пришла в себя, она сказала мне, что они крупно поссорились с мисс Грегор. Она сказала, что у Хэмиша был еще один припадок: «Тетя Мэри обвинила меня в жестоком обращении с ним, говорила так, словно я... убила его. Я потеряла контроль над собой.

— Вас удивило, — спросил доктор Хейли, — что она потеряла контроль над собой?

— Нет-нет. Меня удивило, что она так долго терпела мисс Грегор.

— Я не это имел в виду. Вы полагаете, у нее истерический тип?

Макдональд колебался.

— Не истерический; легковозбудимый. У нее очень быстрая реакция и щедрый ум. Лицемерие мисс Грегор доводило ее до иступления. Ее не волновало то, что случилось. Она сказала, что ей все равно. — Он закрыл глаза рукой. — Я растопил камин, потому что ночи стояли холодными, вскипятил чайник и заварил чай. Через некоторое время она успокоилась и рассказала, что произошло. Все легли спать. Нянька позвала ее, потому что той показалось, что Хэмишу стало трудно дышать. Она поспешила вверх к мисс Грегор, давшей ребенку нюхательной соли. Остальное вы можете себе представить. Я

распорядился, чтобы стимуляторов не давали.

— Мисс Грегор предложила дать нюхательную соль?

— Да. Еще утром. Миссис Оуэн приказала ей покинуть детскую. Она повиновалась, но поспешила вытащить из постели брата в качестве заступника — ведь предстояла битва. Дахлан — глина, лепи что хочешь; как большинство трусов, он жесток по своей натуре.

Макдональд прервался. Его беспокойство росло. Он отложил свою трубку и встал перед картинами на стене. — Естественно, миссис Оуэн повторила вслух мое распоряжение. Она требовала, чтобы за мной послали. Дахлан заметил: «Мне кажется, и ваша тетя согласна со мной, что в последнее время визиты доктора Макдональда стали слишком частыми». Не было сомнений, на что он намекал. Она не защищалась. Она оставила их и пришла сюда.

— Понятно. — Доктор Хейли переместился в своем кресле. Подняв глаза, он увидел, что его собеседник все еще рассматривает картины: жестко выступала хрящеватая шея, руки были напряжены.

— Замечание шло от мисс Грегор?

— Конечно. Она всегда думала за брата. Миссис Оуэн поняла, что дело не ограничилось Дахланом...

— Что?

— Мисс Грегор регулярно писала Оуэну.

— И все-таки миссис Оуэн пришла сюда. Несомненно, этот шаг сыграл на руку противнику.

Доктор Хейли не сводил с него глаз, не зная точно, почему он так делал. Прервал несколько затянувшееся молчание Макдональд:

— Мне кажется, Оуэн написал жене резкое письмо.

— Обвиняя ее, что она посылала за вами?

— Обвиняя ее в возможных чувствах ко мне.

Доктор Хейли сел прямо.

— Вы имеете в виду, что она бросила мужа и ребенка, когда пришла сюда? — воскликнул он.

— Да.

Они услышали, как взвился очередной парус. Тугой звук пришел к ним со стороны бухты, а затем, внезапно и пронзительно, раздался паровой свисток.

— Почему она пришла к вам? — спросил Хейли.

— Искала совета и убежища. — Макдональд повернулся и взял трубку. Похоже, он успокоился. Он поднес огонь и закурил.

— Естественно, — продолжил он, — вы хотите знать, насколько искренним было предложение мисс Грегор. На вопрос, как к этому отнеслась миссис Оуэн, ответ будет: никак вообще. Другое дело, когда речь идет обо мне... Я хочу вам сказать, — он повернулся к Хейли, — что я влюбился в миссис Оуэн почти сразу же, как только увидел ее. Ее муж был на Мальте. Она нуждалась в дружбе и поддержке, и я удовлетворил оба желания. Я не мальчик. Я понимал, что со мной произошло. И понимал всю безнадежность, в том смысле, что Уна по-настоящему любила своего мужа. Но знание причин болезни не гарантирует излечение. В моем случае помог бы только деликатный подход...

Он покачал головой.

— Она думала, что я действую исключительно из профессиональных интересов. Уверяю вас, с этими профессиональными интересами всё было честно — у девушки наблюдалось нервное истощение. Но мисс Грегор не была так уж доверчивой. Я осмелился

подвергнуть сомнению ее поведение. Я был камнем преткновения. Хуже того, я был опасен. Как я уже говорил, она возненавидела меня. — Он тяжело вздохнул. — Знаете, Хейли, в кознях старухи было что-то величественное. Я не мог не восхищаться ею. Она изобретательно принялась дискредитировать мои интересы — сначала в собственных глазах, затем в глазах Дахлана. Какое упорство! Прибавьте сюда мое сочувствие к ней. Оуэн был ее ребенком. Она хотела удержать его, удержать навсегда. Я видел это по ее бегающим карим глазкам. Против меня стояло больше, чем горская честь и горская хитрость. Больше чем воля, столь же непробиваемая, как буйволиная кожа. Материнский инстинкт — голодный, неудовлетворенный, безудержный — вот кто был настоящим врагом. *Бездна бездну призывает**. Я понимал ее, и она понимала меня. Она допустила только одну ошибку, и это не удивительно для женщины. Она не была влюблена и не догадывалась, не представляла, каковыми были мои чувства. Есть болезни, которые попросту некому лечить. Я — единственный врач на двенадцать миль в округе. Она продолжала вызывать меня к себе или Хэмишу, и я мог быть чист перед своей совестью. Глаза старухи следили за каждым моим шагом. Когда Оуэн вернулся с Мальты, напряжение достигло предела; только его поездка в Эйршир помешала разрыву. Он не винил Уну за то, что она прибежала ко мне, хотя все время думал, потому что тетя вбила ему это в голову. Он обвинил ее в неблагодарности к членам семьи и безответственности в воспитании Хэмиша. После этого они не разговаривали. В тот день, когда он уехал, она послала за мной и сказала, что ей становится страшно оттого, что она может сделать.

Глава XVI. Инспектор Барли

Признание сбросило с доктора Макдональда тяжкий груз. До этого мрачный и сдержанный, он изменился.

— Я был откровенен с вами, Хейли, — сказал он, — потому что рано или поздно вы всё равно услышите о подозрениях, которые мисс Грегор внушила многим. Я хочу, чтобы вы знали правду. Она принадлежит Оуэну. Вопрос закрыт — ни разу она не дала повода усомниться в своей верности. Ее приход сюда был актом отчаяния, протестом, ибо страх за Хэмиша, но большей частью то, что ее муж в трудную минуту отвернулся от нее, довели ее до нервного срыва.

Он снова сел и вытянул ногу.

— Конец истории, к счастью, был куда оптимистичнее, чем начало. Я предлагал отвезти ее обратно в замок, когда к дому подкатил автомобиль. Старую няню, Кристину, послали как голубя мира. Дахлан и его сестра к тому времени не на шутку испугались. Старушка появилась на пороге ужасно расстроенной. Она впилась своими странными темными глазами в Уну и заявила, что Хэмиш в слезах зовет мать. Я не знаю, в ее голосе было что-то такое, интонация или иное качество, что наделило ее слова непреодолимой силой. Вы видели Уну прошлой ночью, видели лицо ребенка, слышали его голос. Она сразу сломалась. Старушка утешала ее, говоря, что все неприятности скоро закончатся. Вы бы не поверили этому. Но она раб Грегоров. Я чувствовал, что в глубине души она разделяет подозрения мисс Грегор на мой счет. Как ни странно, но она пробудила во мне чувство вины, которое я ни разу не испытывал за время профессиональных отношений с мисс Грегор.

Он покачал головой.

— Я не ошибся. Она прочитала мои тайные мысли. Посадив девушку в машину, она вернулась за шалью, которую Уна забыла в этой комнате. Я стоял у машины, и когда она долго не возвращалась, пошел узнать, в чем дело. Она обернулась и посмотрела на меня в упор, так же, как на Уну, но во взгляде присутствовала враждебность. «*Что Бог сочел, — поучительно изрекла она, — того человек да не разлучает**». Взяла шаль и поспешила выйти.

* Мф. 19:6.

— Вы знаете, что случилось дальше, — спросил доктор Хейли, — когда миссис Оуэн вернулась домой?

— О, да, они приняли ее с облегчением, пусть и без сердечности. Это чувство скоро забылось. Запомнилось только, что она публично их опозорила. Выносить сор из избы — непростительный грех. На следующее утро я посмотрел ребенка. Мисс Грегор находилась в детской; она сказала мне, что миссис Оуэн слегла с головной болью.

— Она уступила им?

Глаза Макдональда сузились. Он покачал головой.

— Не сказал бы. Уна недаром ирландка. Она выжидала. Я понял, что настоящая схватка начнется после возвращения мужа. Но я также понял, что этот период ожидания будет для Уны чрезвычайно тяжелым. Она одна из тех женщин, которые не могут действовать в одиночку, кому нужен друг, чтобы дал совет и помог собраться с силами. — Он поднял правую руку, держа ладонь в горизонтальном положении с вытянутыми пальцами. — Полагаю, мы все в какой-то степени зависим от чувств, которые порой возвращают нас к жизни. Это только на эмоциональном подъеме мы герои. — Он опустил руку. — На спаде вялость и нерешительность. Думаю, на самом деле она приходила ко мне за поддержкой. Некоторое время спустя она призналась мне, что жила только, когда беседовала со мной. — Он склонился вперед. — Имейте в виду, это была не моя воля, то сильное плечо, на которое она хотела опереться, она сама справилась. Я научил ее обходиться собственными силами.

Доктор Хейли кивнул: — Понимаю. У человека, как и в химии, свои катализаторы.

— Лучше и не скажешь.

Хейли поднялся, чтобы уйти. — Могу я передать новому следователю из Эдинбурга ваш рассказ? — спросил он.

— Да.

Гость протянул руку, но внезапно опустил ее.

— Вы не знаете, почему Оуэн так спешно вернулся из Эйршира?

Лицо Макдональда потеряло живость; румянец медленно растекся по щекам.

— Полагаю, он приехал одолжить денег. Но Уна потребовала от него...

— Забрать ее отсюда?

— Да.

— Он отказался?

Хейли задал вопрос так, будто заранее знал ответ.

— Не знаю.

— Оуэн похож на отца, не так ли?

Макдональд покачал головой.

— В некотором смысле. Не во всех отношениях. Например, он не суеверен. Ужасная ирландская рациональность столкнулась с этой чертой горцев.

— Как только я его увидел, — сказал доктор Хейли, — я понял, что с ним будет сложно. Я не очень ясно представляю себе его характер, кроме того, что он любит свою жену.

— У меня нет четкого представления о его характере.

— Кроме того, что его жена...

— Любит его.

Доктор Хейли вздохнул.

— Иногда, — почти с грустью признал он, — задумываешься, что бы это значило?

Действительно ли влюбленные видят себя в истинном свете? Разве это не иллюзии?

Ответа не было. Макдональд устало провел рукой по лбу.

— Возможно, они всё видят, но прощают, — заметил он.

Покинув Макдональда, доктор Хейли поднялся над бухтой и направился к дому пастора. Это был большое квадратное строение, выглядывающее с дороги из низкорослых, нещадно потрепанных ветрами деревьев. Он позвонил в колокольчик. Дверь открыла совсем юная девочка, которая сообщила, что ее отец дома. Через мгновение в холл вышел маленький, крепкий человек в церковном одеянии. Он подошел к двери, благословителем жестом приказав девочке удалиться.

Доктор Хейли представился и немедленно получил приглашение войти. Преподобный Джон Дагалд прошел с ним в кабинет и закрыл дверь. Пододвинув за спинку большое кресло, он предложил его гостю. Оглянувшись на несметное собрание книг, занимавшее все четыре стены, доктор вежливо принял это предложение.

— Что я могу для вас сделать? — спросил служитель с сочным хайлендским акцентом. Его добродушное лицо приняло серьезное выражение, но в глазах светилось любопытство.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне о докторе Макдональде.

— В самом деле? — преподобный Джон с трудом подавил свое удивление. — Макдональд не является прихожанином моей конгрегации, — сказал он, — и вряд ли что-то посещает вообще. Очевидно, человек он ответственный, знает свое дело. Когда мой сынишка заболел бронхитом прошлой зимой, он спас ему жизнь.

Доктор Хейли склонил голову.

— Я не сомневаюсь, что он хороший врач. Говоря откровенно, меня интересует, какой он человек, его характер.

— Это сложный вопрос, сэр. — Служитель ненадолго задумался. — Если бы вы задали мне этот вопрос шесть месяцев назад, — продолжил он, — я бы ответил, что Макдональд был поэтом и художником, но не нашел свой путь и стал врачом. Мне кажется, интересовался он только тем, что сам читал и писал.

Он замолчал. На его лице появилась тревога.

— А сейчас?

— А сейчас всё изменилось. Ходили слухи. Разговоры.

— Какие?

Преподобный Джон неуверенно подался вперед.

— Скажу вам начистоту. В деревне начали шептаться о близких отношениях доктора с миссис Оуэн Грегор. И не только в деревне.

Он склонился еще ниже. Его правая рука потянулась за трубкой, лежащей на деревянном ящике для угля, который стоял возле кресла.

Он стиснул трубку зубами.

— Покойная мисс Грегор была моей прихожанкой, — сказал он. — Некоторое время назад она пришла ко мне за советом, пребывая в величайшем смятении. Похоже, она была поражена тем, что ее невестка в темное время суток отправилась к озеру на прогулку с Макдональдом. Ее беспокоило, должна ли она сообщить об этом своему племяннику.

— Понятно. Что вы посоветовали?

— Я посоветовал ей встретиться с доктором Макдональдом и поговорить с ним.

— Так?

— В ответ она сказала, что почти не разговаривает с ним.

Доктор Хейли нахмурился.

— Полагаю, Макдональд был настолько влюблен в миссис Оуэн, что скорее всего не стал бы ничего слушать? — спросил он.

— Это так.

— И какой вы предложили выход?

— Я чувствовал, что не могу взять на себя ответственность давать какие-либо советы. И всё же я предложил ей самой повидаться с доктором. Это предложение не было принято, и мисс Грегор ушла, сказав, что поступит так, как велит ей совесть.

— Вы были единственным, кому она доверила эту информацию?

Служитель покачал головой.

— Я так не думаю.

— Иными словами, предпринималась систематические попытки очернить характер миссис Оуэн?

Ответа не последовало. Доктор Хейли подвинулся вперед.

— Скажите, — спросил он, — вы не думали, что ваше предложение могло быть принято?

— Маловероятно.

— Вы доверяете Макдональду?

— Да, как и миссис Оуэн.

Доктор кивнул и задал еще один вопрос:

— И мисс Грегор?

Преподобный Джон немного помолчал, потом ответил:

— Мисс Грегор, как я уже говорил, была одной из моих прихожанок. Я верю, что она считала свои слова и действия оправданными. По крайней мере, надеюсь на это. Но мне всегда казалось, что в ее характере присутствует черта, которую тяжело представить в одном ряду с христианскими добродетелями. Я старался определить для себя эту черту. И не могу сказать, что мне это удалось. Она не была черствой или невеликодушной. Но в ней было что-то...

Он замолчал. Доктор Хейли встал и протянул ему руку.

— Ревность, — заметил он, — не бывает черствой или невеликодушной за редким исключением.

Вернувшись в замок, доктор Хейли вошел в курительную комнату и увидел нового детектива, присланного из Глазго на смену Дандасу. Тот сидел в компании Дахлана, но заметив доктора, вскочил на ноги и протянул навстречу руку так, словно пытался вытащить ребенка из огня.

— Доктор Хейли, полагаю. Инспектор Барли. Томпсон Барли.

Он схватил руку врача и сжал ее, обнажив в широкой улыбке крепкие, потемневшие зубы.

— Рад познакомиться, доктор, — воскликнул он. — Несмотря на трагические (у него была манера растягивать некоторые гласные) обстоятельства. Восхищен вашей отзывчивостью, Дахлан мне всё уже рассказал. Какое несчастье! Какое несчастье! — Он махнул рукой, послав упрек небесам. — Какое несчастье!

Доктор Хейли сел за стол. Этот самый шотландский из всех шотландцев заинтересовал его. Барли, на котором был пыльник в черно-белую клетку кошмарного покроя, смотрелся как торговый агент с лексикой спившегося актера из какой-нибудь забегаловки на Стренде, но в нем обнаружились другие качества, и Хейли успокоился. У

инспектора Барли были добрые серые глаза, квадратный лоб, большой и изящный, и выразительные руки. Как жаль, что он красил волосы хной!

— Я собираюсь расспросить вас о деле, — воскликнул Барли, — как говорится, в общих чертах. В дальнейшем надеюсь на максимальное сотрудничество. Он наклонил голову, повернувшись к Дахлану. — Несомненно, сэр, вы осведомлены, каким огромным уважением пользуется имя доктора Хейли как в медицинских, так и в криминологических кругах? Но только элита обеих этих профессий, позвольте сказать вам, понимает и ценит его истинный талант. Только элита.

Он резко кивнул, повторив последнюю фразу. Его рот в этот момент слегка приоткрылся, лицо приняло отсутствующее выражение, которое, как ни парадоксально, говорило о многом. Дахлан взглянул на него с неприкрытым удивлением:

— Без сомнения.

Инспектор Барли снова повернулся к доктору. Он внимательно слушал рассказ о двух убийствах, не перебивая, только периодически кивал головой. Несколько грубые и широкие черты его лица, которое оставалось непроницаемым, да щетинистые усы, придавали его церемониальности налет гротеска. Когда доктор Хейли закончил, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Самое загадочное. Самое загадочное, — высокопарные мелодраматические ноты вытеснили из его речи стройность и смысл. — Видимо, убийства нового типа. Новый жанр. Хотя, пожалуй, нет. Убийства, как вы знаете, мало чем отличаются друг от друга. *Plus ça change, plus c'est la même chose**.

Его французский был лучше, чем английский, и в какой-то мере объяснял его жестикуляцию. Он встал и направился к камину. Словно проскользнув по ковру, он развернулся там и оперся спиной на каминную полку.

— Вас, должно быть, удивило, доктор Хейли, — повысил он голос, — что убить Дандаса мог только один человек.

Он замолчал и поочередно оглядел своих компаньонов. Никто не произнес ни слова. Доктор Хейли нахмурился.

— Я говорю о докторе Макдональде, который вернулся в комнату Дандаса за авторучкой.

Звук, похожий на стон, разорвал тишину.

Голова Дахлана упала на грудь. На мгновение он покачнулся, затем медленно сполз в кресле.

Глава XVII. «Какая актриса!»

Инспектор Барли, как и Наполеон, которым, по его собственному выражению, он восхищался à outrance**, не тратил время зря. Ему потребовалось всего несколько минут, чтобы выяснить у Уны, что доктор Макдональд навестил ее ребенка в тот же вечер, когда умерла мисс Грегор; факт этого визита, по признанию доктора Хейли, предыдущим расследованием был упущен.

— Макдональд, конечно, не скрывал своих частых посещений, — взял слово доктор. — И, как я уже говорил, он присутствовал при вскрытии двери в комнату мисс Грегор.

* Здесь — «Чем изощреннее преступление, тем больше похоже на все прочие» (фр.); как варианты: «Меняй не меняй — результат один»; «Ничто не ново под луной» и т. п.

** До неприличия (фр.)

— Достаточно. Несомненно, это несущественный эпизод. Барли склонился над Уной, которая сидела в кресле, очевидно, извиняясь за то, что прервал ее рассказ. — Умоляю, продолжайте миссис Грегор.

Девушка взглянула на доктора Хейли и опустила глаза. Едва слышным голосом она снова рассказала о своих передвижениях в ночь убийства тети. Под ее глазами обозначились темные круги, и она то и дело прикладывала руку ко лбу.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — нетерпеливо заявил Барли, когда она закончила. — По моему скромному мнению, суть ваших показаний сводится к следующему: вы рано отправились спать, так как почувствовали недомогание. Около девяти часов вас подняла Кристина, няня, потому что вашему маленькому сыну снова стало плохо. После того как доктор Макдональд произвел осмотр, вы собирались доложить о результатах его визита своей тете, мисс Грегор, которая тем временем при помощи Кристины укладывалась спать. По непонятной для вас причине мисс Грегор с ужасом восприняла ваше благонамеренное посещение ее спальни и заперлась.

Он откинулся на спинку кресла и засунул большие пальцы в проймы жилета. — Я всё правильно понял?

— Да.

— Доктор Макдональд покинул дом до того, как вы отправились в комнату мисс Грегор?

На щеках Уны медленно проступил румянец.

— Он оставался с Хэмишем, пока я выходила, — сказала она с видимым усилием. — Кристина ушла к тете.

— А потом?

— Он ждал меня на верхней площадке лестницы. Мы спустились вниз вместе.

— В курительную комнату?

— Да. Доктор Макдональд хотел дать мне несколько советов по поводу лечения.

Барли обвел комнату глазами и остановился на потолке.

— Курительная находится прямо под комнатой мисс Грегор, не так ли? — спросил он.

— Да.

Возникла пауза. Затем детектив поднялся и ткнул пальцем в девушку.

— Я скажу вам, — воскликнул он, — что доктор Макдональд сопровождал вас в спальню мисс Грегор.

— Нет.

— Будьте благоразумны, миссис Грегор.

— Он *не* сопровождал меня в спальню мисс Грегор. Кристина подтвердит вам, что этого не было.

В ее глазах стояла непоколебимость; красота лучилась силой убеждения, оживляя черты лица. Барли нервно выдохнул.

— Какая актриса! — невольно вырвалось у него.

Он снова сел и, казалось, не понимал, что допустил грубую бестактность. Он отпустил Уну взмахом руки, потом вдруг вскочил, открыл ей дверь и поклонился, когда она уходила.

— Доктор Макдональд действительно сопровождал ее в комнату тети, — сказал он, — вы скоро узнаете.

На звонок явился Ангус, пайпер. Барли настолько подобострастно расстился перед ним, предлагая стул, что горец, по-видимому, счел себя оскорбленным. Его важное лицо светилось неприкрытым возмущением.

— Вы видели доктора Макдональда в тот вечер, когда вашу хозяйку убили? — спросил детектив.

— Да, сэр, видел.

— Где?

— В этом доме, сэр.

— Где в этом доме?

Ангус повернулся и указал на дверь жестом, в котором достойным образом совместил почтительность и презрение.

— Я впустил его через парадное.

— Вы видели его после этого?

— Не видел, сэр. Доктор распорядился не ждать его, а проводить из дома его могли молодая госпожа Грегор или Кристина.

— Вы слышали, как он уходил?

— Нет. Моя комната находится в другой части замка.

— Кто-нибудь слышал, как он уходил?

Ангус колебался, потирая килт широкой красной ладонью.

— Кристина сказала мне, что слышала, как он спускался по верхнему лестничному пролету, но как он спустился в холл, она не слышала.

Барли выступил вперед и насупился.

— Что вы имеете в виду?

— У доктора Макдональда деревянная нога, сэр.

— Попросите Кристину немедленно прийти сюда.

Когда дверь закрылась, следователь больше не скрывал своего ликования. Он метался по комнате взад-вперед со сложенными за спиной руками, ссутулившись и глядя в пол. На поворотах он останавливался, чтобы бросить реплику, совсем, как индюк, намеревающийся чего-нибудь проглотить.

— Деревянная нога! Вы мне не говорили. Впрочем, это мелочи... Мой дорогой доктор, я полагаю, что решение этой тайны больше невозможно откладывать. Решение может быть неприятным, неутешительным. — Он пожал плечами. — *Que voulez-vous**? В определенный момент на деревянной лестнице раздается стук деревянной ноги! Старуха настороже. Она внизу и слышит: тупп-тупп. Потом тишина. Тишина, которая красноречивее слов. — Он подошел к доктору Хейли и остановился перед ним. — Муж возвращается домой; его ждет сюрприз, веселая история! — Он покачал головой. — Не забывайте, что мисс Грегор была приемной матерью Оуэна. *In loco parentis***. Женщины, по моему скромному убеждению, едва ли способны терпеть, видя, как мужчинам, которых они по-матерински взлелеяли, изменяют в их отсутствие.

Он прервался, потому что в этот момент дверь в комнату отворилась. Вошла Кристина, в чепце и фартуке. Она наградила инспектора откровенно враждебным взглядом, затем присела на краешек стула, который он ей предложил. Барли сразу же перешел к делу.

— Вы слышали, как доктор Макдональд спускался по лестнице, выйдя из детской в тот вечер, когда убили вашу хозяйку? — спросил он.

— Да.

* Что вы хотите? (*фр.*)

** Вместо родителей (*лат.*)

— Вы слышали, как он спустился в холл?

— Нет.

— Тогда скажите, что вы слышали.

Старая женщина стиснула тощие руки, сложенные на коленях, и внимательно посмотрела на них.

— Я слышала, как он спустился этажом ниже, — сказала она.

Голова Барли стремительно задержалась.

— Значит, он не спускался на первый этаж. Вы могли бы услышать его деревянную ногу, если бы он спустился в холл?

— Я не прислушивалась. — Старуха покачала головой. — Скорее всего, он спустился в холл. Я закрывала дверь детской.

Брови Барли моментально прыгнули вверх.

— Деревянную ногу хорошо слышно, когда она стучит по деревянному полу, — воскликнул он.

— Да, если вы рядом.

— Почему вы сказали Ангусу, что слышали только, как доктор спускался по лестнице?

— Потому что я слышала, что он спустился всего лишь на один пролет. После этого я заперла дверь в детскую.

Лицо Кристины сделалось серьезным, но доктору Хейли показалось, что среди морщин мелькнула мрачная улыбка. У горцев, не без удовлетворения заметил он, своеобразное чувство юмора. Барли не пытался скрыть, что раздосадован отпором, который получил, но явное раздражение ничуть не ослабило его ораторских качеств.

— Вы услышали, как он спустился на первый этаж. Вы вернулись к своим обязанностям. *Ça va bien**. Ангус, пайпер, сказал нам, что уже лег спать. Вопрос в том, кто запер дом после того, как доктор ушел?

— Я не знаю.

— Доктор остался с ребенком, а вы отправились в спальню хозяйки, верно?

— Он и миссис Оуэн Грегор оставались с Хэмишем.

— Теперь будьте внимательны, отвечая на следующий вопрос: входила ли миссис Оуэн Грегор в спальню мисс Грегор?

— Да, а потом я вернулась в детскую, где ждал доктор.

Барли, держась за жилет, поднял руку, как дирижер оркестра.

— Что произошло, — спросил он, — когда миссис Оуэн Грегор вошла в спальню мисс Грегор?

— Я не видела, что произошло.

— Но вы были там?

— Была, но потом ушла. В дверях миссис Оуэн взяла у меня свечу. Я хотела вернуться к Хэмишу.

— Вы слышали, как миссис Оуэн вышла из комнаты мисс Грегор?

Кристина покачала головой.

— Нет.

* Всё правильно (фр.)

— Что было потом, когда вы вернулись в детскую?

— Доктор Макдональд спустился вниз.

— Миссис Оуэн Грегор говорила, что мисс Грегор приказала ей выйти из своей спальни и заперла за собой дверь?

— Да.

— Она *вам* это сказала?

— Да.

Барли снова всплеснул руками.

— Доктор Макдональд, в противоположность вашему мнению, мог отправиться в комнату мисс Грегор?

— Миссис Оуэн этого не говорила. Она сказала...

— Да, я знаю, что она сказала. — Детектив решительным жестом дал понять, что повторяться не нужно. — Теперь скажите мне, — продолжил он, — вы слышали, как миссис Оуэн заперла парадную дверь после того, как доктор покинул замок?

— Нет. Я слышала, как моторная лодка мистера Оуэна подошла к причалу.

— Что, мистер Оуэн вот так вот сразу появился, как только доктор Макдональд ушел?

— Да.

— Они видели друг друга?

Кристина покачала головой. — Я не знаю.

Барли отпустил ее и обратился к доктору Хейли:

— Я признаю, — заявил он, — что не доказал всего, что надеялся доказать. Но, безусловно, я кое-что наскреб. Кое-что... — Он осекся, как только слова хлынули из него. Внезапно он достал из кармана гребешок и быстрыми короткими движениями расчесал свои усы, придав им воинственный вид. За гребешком он извлек темную, хорошо обкуренную трубку, которую принялся бережно полировать крыльями своего носа.

— Пункт первый, — продолжил он, тыча трубкой в своего собеседника. — Доктор Макдональд — единственный человек, кто мог убить Дандаса. Пункт второй. Вполне возможно, что доктор Макдональд заходил в спальню мисс Грегор. У нас есть только слова миссис Оуэн, которая это отрицает, но ее словам, по моему скромному мнению, я бы не очень доверял. Пункт третий. Между этими двумя возможностями прослеживается связь. Что знала мисс Грегор? Вот молодая жена, оставленная своим мужем, несомненно, в самое неподходящее время. Ее мальчик заболел. Она вызывает местного врача, вызовы которого следуют один за другим. Контакты приобретают более теплые тона. *A côté de l'amour**. — Трубка описала большой круг. — Ваш кельтский темперамент — ничто, если нет огня. Эмоциональный прилив должен достигнуть пика за день, за час! Всё остальное не важно. Ах, эта самая квинтэссенция любви!

Человек в экстазе запрокинул голову. Глаза его были широко распахнуты и закатились, как у пьяного, что стало полной неожиданностью. Несомненно, он поддался сильному чувству лирического свойства, коим, по его словам, обладал от природы, ибо процитировал какой-то любовный стих, чье авторство предпочел не раскрывать. Его голос рвался вперед, останавливался, и снова рвался, как старая дева, пытающаяся пройти сквозь толпу мужчин.

— Мисс Грегор возмущали нежности украдкой, — снова заговорил он. — Эту суровую, пуританскую натуру, несомненно, сжигало холодным огнем одно только созерцание доктора и его пациента...

* Амуры на стороне (фр.)

— Я уверен, — вмешался доктор Хейли, — что чувства миссис Оуэн к Макдональду были всего лишь материнской озабоченностью...

— Взгляните на факты. Что говорит нам наш бессмертный бард?

— *Но с правдой спорить мудрено**.

— Миссис Оуэн бежит ночью в дом Макдональда. Разве этого недостаточно для подтверждения моих слов? *И отхлынуло чувство, как вспененный вал***. Вы полагаете, что проницательная мисс Грегор не обратила внимания на то, что и так было яснее ясного?

— Нет, но...

— Ох, мой дорогой доктор Хейли, ваши сведения об этой леди явно поверхностны, хотя могло быть по-другому. Что до меня, я не жалел сил, да, не жалел сил, чтобы получить как можно больше информации о ней. Уверяю вас, это пуританка самого жесткого направления. За свою долгую жизнь она ни разу не держала в руках игральные карты и никогда не посещала мест массового отдыха. Откуда я это знаю?

Он замолчал. Ноздри его широко раздулись.

— У меня есть друг в Глазго, который много лет знает Грегоров. Отставной армейский офицер. Прекрасная семья. Приятный, интеллигентнейший человек. Однажды он пригласил мисс Грегор, — тогда еще совсем юную, двадцатилетнюю девушку, — сходить с ним на Ирвинга*** в «Гамлете». Когда они добрались до театра, первое, что она увидела, был указатель «В партер»****. После этого ничто не смогло убедить ее переступить порог театра. Вот вам ваша мисс Грегор. Что миссис Оуэн и Макдональд могли ждать от такой женщины?

Доктор Хейли не ответил. Его молчание мгновенно было истолковано как согласие. Лицо Барли снова стало непроницаемым.

— Извечный треугольник! — торжественно изрек он. — С женщиной по имени Кромсай-Агага-на-куски-перед-лицом-Господа***** в его центре. Разве они не живые участники трагедии? Поставьте себя на место Макдональда, на место миссис Оуэн. Разве вы не испугались бы обоих: мужа, который возвращается, и женщины, которая готовит для него весть? Поверьте мне, этот страх должен привлечь наше внимание.

Очередной жест призвал небеса в свидетели. Доктор Хейли продолжал молчать.

— Как психолог, — уверял его Барли, — вы не можете не осознавать деморализующий фактор страха даже у самых сильных характеров. Он разъедает подобно ржавчине, разъедающей железо. Он деморализует. Страх — одна из кормящих матерей преступления. Как алчность. Или зависть. Макдональд испугался, миссис Оуэн испугалась. Они были мышами в присутствии кошки. Приближалось время, когда кошка набросится...

Он откинулся на спину с вытаращенными глазами и открытым ртом. Мысли, казалось, окуривали его голову, как фимиам.

— Тот же Дандас, — добавил он. — Рыл, копал, как крот, извлекая факт за фактом, не видя, что они громоздятся друг на друга. Что он отрыл? Что он собирался рассказать?

— Я не думаю, — сказал доктор Хейли, — что Дандас что-то обнаружил. Он признался, что уткнулся в глухую стену.

* Отрывок из стих. Роберта Бернса «Сон» (пер. С. Маршака).

** Вальтер Скотт «Мармион» (песнь 15, строфа 12, строка 20) — пер. В. Бетаки.

*** Ирвинг, Генри (1838–1905), знаменитый английский актер.

**** Партер и ад в английском языке обозначаются одним словом: *pit*.

***** Реальное имя, данное некоему Робинсону в пуританской общине. Агаг — царь амалекитян, побежденный и взятый в плен Саулом, царём израильским, и умерщвлённый затем пророком Самуилом (I Цар., XV).

— Дандас, мой дорогой доктор Хейли, был одним из тех замечательных людей, которым доставляет удовольствие... удовольствие пускать пыль в глаза своим конкурентам. А кого, как ни любителя, он считал конкурентом своей выдающейся репутации? Нет сомнений в том, что он вызвал вас именно в тот момент, когда уже был уверен в успехе. Использовать Макдональда как посредника полностью соответствовало его характеру.

— Это, может быть, и так. Но, как я понял, он имел в виду, что подозревает миссис Оуэн, а не Макдональда. И, как я уже говорил, Оуэн оказался в тяжелом финансовом положении.

Барли покачал головой. Он набил трубку и с поразительной ловкостью раскурил ее.

— Симпатичный парень, этот Дандас, — эмоционально заявил он, — честнее не найти в нашем деле. Но скрытный, ревнивый, неуступчивый. — Он развел руками. — Мои карты, как видите, на столе, его — под столом. — Комбинация «усы-гребень» повторилась.

— Чтобы узнать каков пудинг, нужно его отведать. Отлично. Я буду следовать своей версии, а вы, мой дорогой доктор Хейли, судите по результату. Пусть нам позовут миссис Оуэн.

Глава XVIII. Тайные встречи

Инспектором Барли невозможно было не восхищаться, подумалось доктору Хейли. Человек обладал необычайной скоростью мышления и богатым воображением, которое, впрочем, всегда оставалось в пределах разумного. Его прирожденная склонность к драматизму, с одной стороны, и толстокожесть в силу общественного положения с другой, позволили ему задавать неизбежные вопросы так, чтобы они кратчайшим путем вели к нужному результату. Те, кого он допрашивал, начинали либо раздражаться, либо терять самообладание, и он сознательно пользовался этим в своих целях. Его гребень и привычка полировать трубку носом были элементом вульгарной позы, необходимой для успеха любого шарлатана.

И всё же наблюдать за Уной, отданной на откуп такому человеку, было больно. Когда начался перекрестный допрос, доктору стало жаль ее. Прежде чем процесс растянулся на долгие минуты, она успела завоевать его тайные симпатии, поскольку допрос главным образом отталкивался от необоснованного подозрения, выраженного во фразе: «Какая актриса!» Барли продолжал игнорировать искренность чувств, которая говорила в пользу девушки.

— Я хочу, чтобы вы поняли, мадам, — прорвало его, — что деликатный и интимный характер вопросов, которые я собираюсь задать вам, обусловлен не простым любопытством. Прошу вас изгнать эти недостойные мысли из вашей головы. Случай настолько серьезен, настолько чреват глубокими последствиями, что, по моему скромному разумению, существует достаточно веское основание для подобного рода вопросов несмотря на их смущающую природу.

Он сделал паузу; отзвук его слов гудел в ушах, как майский рой. Решив, что достиг желаемого эффекта, он мягко спросил:

— Каковы были ваши отношения, мадам, с доктором Макдональдом?

Губы Уны дрогнули. Щеки вспыхнули от неподдельного возмущения. Она бросила на доктора Хейли умоляющий взгляд — так женщина, подвергшаяся нападению хулигана, ищет помощи у порядочного человека. Затем ее глаза потемнели, и она взяла себя в руки.

— Что вы имеете в виду? — спросила она тем же тоном.

Барли был слишком опытен, чтобы считать это причиной для объявления войны. Он встал и выпрямился во весь рост.

— Поверьте мне, мадам, — воскликнул он, — я не имею ни малейшего желания

оклеветать вас. Но как я могу воздержаться от этого, если вы препятствуете получению той информации, которую от вас ждут? Вы знаете так же хорошо, как и я, что ваша дружба (он подчеркнул последнее слово) с доктором Макдональдом дала в этом доме и за его пределами пищу для разговоров, что, возможно, стало основанием для различного рода инсинуаций.

— Доктор Макдональд был очень добр к моему маленькому мальчику.

Уна тщательно продумала каждое слово; на лицо вернулась безмятежность. Доктора Хейли внезапно пронзила мысль, что этой безмятежности скоро придет конец. Как она была хороша в своем негодовании! Импульсивность, сопровождавшая все его действия, снова бросила Барли в кресло.

— Только четыре человека могли убить вашу тетю, — сказал он. — Дахлан, волынщик Ангус, доктор Макдональд и ваш муж — такой страшный удар, конечно, не под силу женщине. Дахлана я исключаю по причине старческого бессилия. Остаются Ангус, доктор и ваш муж. Но мы имеем дело не только с убийством вашей тети, но и с убийством Дандаса тоже. Единственный человек, который мог убить Дандаса, единственный, кто был поблизости в момент его смерти — Макдональд. Он же имел доступ и к вашей тете в тот вечер, когда ее убили. По моему скромному разумению, оба убийства совершило одно и то же лицо.

Он замолчал и уставился на девушку.

— Почему Макдональд убил вашу тетю? — внезапно выкрикнул он.

— Я не знаю, почему ему понадобилось ее убивать.

— Подумайте еще раз, мадам.

Уна молчала, сжав губы. Лицо ее побледнело.

— Мисс Грегор узнала о двусмысленных отношениях, возникших между вами и доктором!

Тон Барли не исключал, что эта реплика могла иметь форму предположения, но в результате она обернулась обвинением, на которое нечем было возразить. Девушка заметно сдала позиции.

— Я прав?

— Моя тетя неправильно всё поняла.

Кошка прыгнула.

— Будет добры привести факты, которые ваша тетя неправильно поняла, — потребовал Барли.

Прежде чем ответить, она долго колебалась. Затем сказала:

— Я была несчастлива в этом доме. Доктор Макдональд — единственный друг, к кому я могла обратиться за советом. Я много раз встречалась с ним.

— Здесь?

— Здесь и в другом месте.

— Ага! — Барли склонился вперед. — То есть, у вас были с ним приватные, тайные встречи?

— Мы встречались частным порядком.

— На территории?

— На берегу. У доктора Макдональда есть собственная лодка.

Доктор Хейли заметил в глазах следователя проблески триумфа.

— Одна из таких встреч стала сюрпризом для мисс Грегор, так?

— Однажды она видела, как мы разговаривали друг с другом.

— Я говорил вам, что она пригрозила рассказать обо всем вашему мужу?

Ответа не было. Внезапно Уна подняла голову.

— Я же сказала вам, — откровенным тоном заявила она, — что моя тетя неправильно всё поняла. Она была готова найти черное в белом, во всем, что я делала, искала только плохое, потому что хотела контролировать моего ребенка и знала, что я не позволю этого сделать. Доктор Макдональд никогда не был для меня больше, чем добрым другом. Если бы мне пришлось встретиться с ним тайно, то только потому, что открыто встретиться с ним было нельзя, не возбудив подозрений тети, или точнее, чтобы не дать ей повода испортить отношения между мной и моим мужем.

— Почему вы должны были встретиться с доктором Макдональдом?

— Он был моим единственным другом.

— На то у вас есть муж!

— Оуэна здесь не было.

— Он был в Эйршире. Можно было написать туда.

— Он бы не понял. Оуэн всегда был на ее стороне. Она вырастила его.

Лицо Барли приняло серьезное выражение. Он заботливо пригладил свои тусклые, крашенные волосы.

— Могу я узнать, по каким вопросам вы консультировались с доктором Макдональдом? — саркастически спросил он.

— Я хотела расстаться со своим мужем. Он пытался убедить меня не делать этого.

— Прекрасный совет, нет слов. Прекрасный совет. *Les femmes n'ont d'exist que par l'amour**. — Двусмысленность фразы, слетевшей с уст Барли, казалось, привела его в полный восторг. Он помолчал, а затем сказал: — Вы обдумывали возможность уйти от своего мужа, потому что не ладили с его родственницей? Простите меня, мадам, если я выскажу это, но, по моему скромному убеждению, это не причина для шага столь предосудительного характера?

— Я решила не уходить.

Уна теряла самообладание и уже не выглядела способной эффективно сопротивляться бомбардировке следователя. Она дернула воротник платья, смяв тонкую ткань в нескольких местах. Барли немедленно усилил натиск.

— Ваше объяснение — это не то, что диктует разум или опыт, — заявил он. — Те, кто обращаются за советом, ищут его открыто. Но я готов поверить, что ваше окончательное решение было сделано в пользу сохранения отношений с мужем. Это, если можно так выразиться, окончательное решение большинства женщин в схожих обстоятельствах. Однако вы, несомненно, знаете о том, что врач, который является причиной бракоразводного процесса в семье своего пациента, неизбежно изгоняется из медицинской профессии.

Он сделал паузу, чтобы эта мрачная правда отложилась в головах.

— Когда мисс Грегор увидела вас с доктором, решив, что это тайное свидание, она получила мотив и средства уничтожить вас обоих. В тот момент доктор Макдональд осознал, что его профессиональная репутация повисла на волоске. Смею утверждать, что когда в ночь убийства он услышал звук мотора лодки вашего мужа, пересекающей озеро, он понял, что волосок грозит оборваться. — Палец снова зловеще вытянулся. — Почему, позвольте спросить, ваш муж вернулся именно в это время и таким способом?

* Женщины существуют, пока есть любовь (фр.)

Уна покачала головой.

— Думаю, — сказала она, — вам лучше задать этот вопрос ему.

— Нет, мадам. Я должен задать этот вопрос вам. Вы, как мне сообщили, к тому времени уже предъявили мужу ультиматум.

— Я не понимаю.

— Вы угрожали уйти от него, если он не согласится на ваши условия.

— Я сказала ему, что хочу жить в собственном доме.

Барли напрягся всем телом.

— Император Наполеон говорил, что атака лучший вид обороны, — воскликнул он так, словно ссылаясь на мнение старого друга. — Я полагаю, вы будете настаивать на требовании жить в собственном доме, чтобы компенсировать то обвинение, которое мисс Грегор выдвинула против вас?

— Нет.

— Вы только что признались, что хотели бы жить в собственном доме.

— Каждая мать хочет этого, верно?

— Без сомнений. Однако раньше вас всё устраивало. Ваше требование жить отдельно прозвучало только тогда, когда была опасность, реальная опасность, лишиться права на какой-либо дом вообще с мужем и ребенком.

Барли резко взмахнул рукой. Обвинительный жест выглядел как удар копья. Лицо Уны побледнело.

— Я всегда хотела иметь свой дом, — воскликнула она. — Всегда, начиная с того дня, как вышла за Оуэна.

— А я думаю, напротив, вы были очень счастливы здесь, пока не стали близки с Макдональдом. — Он вытянул голову в ее сторону. — Вы отрицаете, что предложили себя Макдональду и получили отказ?

Уна вскочила на ноги. Боль и обида вспыхнули в ее глазах.

— Как вы смеете? — крикнула она в негодовании.

Барли осклабился.

— Вспомните, вы сбежали в Макдональду посреди ночи, — сказал он. — Об этом мне рассказал Дахлан. Тогда вы позволили себе вернуться. Именно после того унижения, не правда ли, ваше требование собственного дома стало более настойчивым?

Глава XIX. Обвинение

Пока Барли вел перекрестный допрос Уны, доктор Хейли делал заметки. К концу допроса он почувствовал сильное желание опротестовать версию следствия, которую отстаивал Барли. Но блаженное выражение на лице инспектора заставило его отложить эти попытки. Барли уже переместился в те самоуспокоительные сферы, куда не могут проникнуть ни робкие голоса сомнений, ни уколы критики: его глаза были полузакрыты, рот приоткрылся, голова легла набок. На несколько минут он погрузился в экстатическое состояние, затем очнулся и причесал усы.

— Мы в нескольких шагах от истины, мой дорогой доктор, — сказал он. — Я чувствую это. — Он нахмурился и покачал головой. — Поверьте мне, самое неприятное для меня допрашивать милых, очаровательных людей подобными методами. Но *que voulez vous?* Что вы хотите? Теперь очередь Оуэна Грегора. Какая, должно быть, трагедия пытаться молодого человека в его экзальтированном состоянии относительно честного имени его жены!

Он позвонил в колокольчик и с явным нежеланием вернулся на свое место.

— Я изучил ваши методы, доктор, — произнес он. — Гениально, но вряд ли применимо в настоящих условиях. Мой метод, как вы видите, отличается. Вы идете от характера к событию, я же следую ключам, используя все резервы воображения по ходу дела. Мне кажется, вы должны побеждать в тех случаях, когда проблема запутана, но там, где есть определенные физические препятствия, такие, как эти запертые комнаты, я лучше вас. «Слепой лошади что кивай, что подмигивай»*. Возможность имеет большее значение, чем характер, когда у одного человека есть шанс убить, а у другого нет.

Он продолжать пребывать в расслабленном состоянии и после того, как изложил свою концепцию, несколько раз глубоко вздохнул. Но когда Оуэн вошел в комнату, он тут же стал самим собой — цепким и внимательным.

— Проходите, проходите, — пригласил он. — Давайте посмотрим, вы майор Грегор, не так ли?

— Капитан.

Безразлично-благодарное настроение не покидало Оуэна. Он взглянул на Барли и чуть не лопнул от смеха, но томная меланхолия, которую он напускал на себя с необычайной легкостью, удержала его от позорного недоразумения.

— Я только что рассказывал доктору Хейли, с какой неохотой я занимаюсь нынешним расследованием, — признался Барли. — Но «приходится заниматься, как того требует долг». Позвольте мне предупредить вас, что вы вправе отказаться отвечать на любой вопрос, который я обязан буду задать вам, но который вы посчитаете оскорбительным для себя.

И так далее с многочисленными реверансами и в цветистых выражениях.

Доктор Хейли должным образом отметил, что при работе с Оуэном и Уной использовались два разных подхода, и был вынужден признать, что характеры мужа и жены полностью оправдывали методы Барли. Оуэн был бы менее осторожным, если бы думал, что имеет дело с клоуном; слабым местом Уны была ее нервозность.

— Очень хорошо, — сказал Оуэн.

— Вопрос, который меня больше всего интересует, заключается в следующем: почему вы так внезапно вернулись из Эйршира?

— Я хотел занять у отца денег.

— Что? И для этого вы взяли моторную лодку?

— В это время года я езжу в Эйршир только на моторной лодке. Это самый быстрый способ передвижения.

— А вы не могли написать?

— Нет.

— У вас не было другой причины для вашего внезапного визита?

— Нет.

— Послушайте, в своем расследовании я хочу оставаться в рамках разумного, — рассуждал Барли, — но я вынужден просить большего понимания, чем то, которое вы, кажется, склонны оказывать мне. *Suaviter in modo, fortiter in re***. У меня есть основание полагать, — он внезапно сделал театральную паузу, — что вы имеете слабое представление о состоянии ваших семейных и домашних дел.

Оуэн покачал головой. — Вы ошибаетесь.

* В оригинале: *A nod's as good as a wink to a blind horse*. Общий смысл — умейте понять намек; смекай, что к чему и т.д.

** Латинский аналог пословицы «Мягко стелет, да жёстко спать».

— Об отношениях вашей жены с вашей тетей и, как следствие, о ее отношении к самой себе.

— Бред.

В голосе Оуэна мелькнула первая раздражительная нотка. Доктор Хейли заметил, что детектив ведет себя как ищейка, почуявшая след.

— Ваша жена, — сказал Барли, — сообщила мне, что ей едва удастся терпеть вмешательство вашей тети.

— Впрямь.

— Кроме того, она обратилась за советом к доктору Макдональду из Ардмора по вопросу возможного развода с вами, думая, что вы отказались забирать ее отсюда.

— Не будьте идиотом, — в голосе Оуэна появились ноты растущего беспокойства.

— Мой дорогой сэр, полагаясь на то, что я запутываю и блефую, вы совершаете серьезную ошибку. Боюсь, скоро у вас будет возможность эту ошибку исправить. Ваша жена недвусмысленно заявила, что хочет уйти от вас. Этот факт впредь должен главенствовать в вашем сознании. Причина, по которой она хочет развода, заключается в том, что вы не обеспечили ее собственным жильем. Прекрасно, теперь мне нужно знать, когда ваша жена первый раз пожаловалась на эту проблему, возникшую по вашей вине?

Барли говорил медленно, придавая вес каждому слову. Он не сводил глаз с лица Оуэна.

— Какое это имеет отношение к смерти моей тети? — спросил молодой человек.

— Огромное, поверьте мне.

— Какое?

— Я не собираюсь скакать туда-сюда. Отвечайте на мой вопрос или несите ответственность за отказ отвечать на него. — Барли откинулся на спинку стула и повторил вопрос: — Когда ваша жена впервые пожаловалась на вашу неспособность предоставить ей дом?

Оуэн беспокойно поерзал на стуле. Он взглянул на доктора Хейли, затем оглядел комнату. У доктора сложилось впечатление, что он лихорадочно просчитывает возможные последствия различных ответов. И вот наконец, по всей видимости, он принял решение.

— Совсем недавно моя жена, — сказал он, — упомянула, что начинает подумывать обзавестись собственным домом.

— Что значит «совсем недавно»?

— Две недели назад.

Глаза Барли победно сверкнули.

— Вы знаете, что ваша жена одну ночь провела вне дома? — спросил он.

— Да.

— Кто сказал вам?

— Она сама.

Ответ Оуэна прозвучал в мрачном тоне. На следователя это никак не повлияло.

— Тетя вас проинформировала? — спросил он.

— Да.

— Письмом?

— Как еще она могла мне сообщить?

Барли кивнул.

— Вы сказали своей жене, *что* ваша тетя сообщила вам? — спросил он.

— Нет, сэр.

— Во всяком случае, ваша жена знала, что вы знали?

— Из этого ничего не следует, не так ли?

Самообладание возвращалось к Оуэну. Было очевидно, что он понятия не имел, чего добивается Барли своим вопросами. Как и его жена, он совершил ошибку, недооценив возможности своего противника; как и ей, ему наверняка придется расплачиваться за эту ошибку. Доктор Хейли рассудил, что способность дурака пудрить мозги умному человеку является неоценимым преимуществом.

— Думаю, следует, — сказал Барли. — Как только я увидел вашу жену, мне сразу стало ясно, что она знала, как жестоко ненавидит ее ваша тетя. Она прекрасно понимала, что ваша тетя не упустит момента рассказать вам какую-нибудь гадость о ней.

— К чему вы клоните? Какая разница, знала моя жена или нет, что тетя сообщила мне об этом инциденте?

— Если бы знала, то призналась бы только потому, что была вынуждена сделать это.

— Ну?

Барли подался вперед.

— Ваша жена хотела замять склоку с вами. Она находилась в незавидном положении, поэтому поступила чисто по-женски. Она набросилась на вас, потому что вы тянули с домом. В то же время она открыто призналась в том, что в любом случае невозможно было бы скрыть. Но была кое-какая информация, очень важная информация, которую она утаила.

На комнату опустилась тишина. Оуэн пытался выглядеть равнодушным, но его выдавало лицо. Правой рукой он сделал небольшое движение.

— Боюсь, — заявил он, — ваши домыслы об идеях и мотивах моей жены мало интересуют меня.

— Наоборот.

— Что вы имеете в виду?

— Главное о чем ваша жена не позаботилась сказать вам — это то, что сбежав из дома, она намеревалась предложить себя доктору Макдональду. Макдональд отказал ей.

Щеки Оуэна побледнели. Его руки, покоившиеся на подлокотниках деревянного стула, начали подергиваться.

— Оставьте мою жену в покое, — выдавил он из себя.

— Не могу. Боюсь, в скором времени мне придется предъявить вашей жене обвинение в пособничестве и подстрекательстве к убийству вашей тети.

— Что?!— Оуэн вскочил со стула.

— Способствовала и подстрекала доктора Макдональда из Ардмора.

Молодому человеку хватило одного шага. Он схватил Барли за плечи и пристально посмотрел ему в глаза.

— Клянусь, вы глубоко ошибаетесь, — воскликнул он. — Уна не имеет никакого отношения к смерти моей тети.

— Сделайте милость, уберите руки, сэр.

— Только когда вы откажетесь от своего нелепого обвинения.

Барли отступил назад с тем, чтобы молодой человек успокоился.

— Сядьте! — рявкнул он, раскрывшись новой, доселе неизвестными, стороной характера. Глаза налились кровью. Но Оуэн не подчинился.

— Я хочу, чтоб вы знали, — заявил он, — что это я убил свою тетю. Я готов рассказать вам об убийстве.

Глава XX. Оуэн объясняет

Заявление Оуэна было сделано настолько уверенным тоном, с таким вызывающим спокойствием, что потрясло даже Барли. Он отшатнулся, но затем пришел в себя, сел в кресло и принял должную судейскую позу.

— Правильно ли я понял, — спросил он, — что вы обвиняете себя в убийстве мисс Грегор?

Лицо Оуэна побледнело еще больше, но поскольку держался он превосходно, это было едва заметно. Как он похож на отца! — подумал доктор Хейли. Жесткое лицо Дахлана, однако, было смягчено благородным качеством, которое, несомненно, досталось в наследство от ирландской матери. Молодой человек выглядел как дворянин восемнадцатого века, немного потрепанный, но с незапятнанной честью. Его почти девичьи щеки и чувственный рот только подчеркивали суровые черты и холодную решимость в глазах.

— Позвольте сразу же заметить, — заявил Барли, — что вы сделали это признание после того, как услышали, что я подозреваю вашу жену. *Post hoc ergo propter hoc** не всегда логично, но в данном случае искушение считать его таковым очень велико. — Он недоверчиво махнул рукой. — Я не верю, что вы убили мисс Грегор.

— Не верите?

— Нет, сэр.

— Вы ждете от меня доказательств?

— Да, но только самых неоспоримых.

— Моя тетя оставила мне все свои деньги. И я в них срочно нуждался.

— И что это доказывает?

— Что ее смерть наступила как нельзя вовремя. Очень вовремя, поверьте мне.

— Почему вы так говорите?

— Потому что это правда. У моего отца, как это бывает, денег нет. Занять у него я не мог. Долги, которые я должен заплатить, исчисляются тысячами — многими тысячами.

— Уверен, вы могли бы одолжить деньги у вашей тети?

— О, нет! Моя тетя считала азартные игры смертельным грехом.

— Мой дорогой сэр, на мнения людей неизбежно влияют обстоятельства.

— Но не на мнение моей тети.

— Так или иначе влияют на всех. Наполеон сказал, что люди всегда и везде одинаковы.

— Наполеон не знал мою тетю.

Это заявление не вызвало даже тени улыбки. Барли задохнулся, хватая воздух в свойственной ему манере.

— Смеем заметить, — сказал он, — что, по моему скромному разумению, сейчас неподходящее время для шуток, крайне неподходящее. — Склонившемуся вперед, ему впору было опереться на скамью, как судье. — Могу я поинтересоваться, как вы вошли в

* После этого значит вследствие этого (*лат.*)

комнату своей тети? — спросил он.

— Через дверь.

— У меня есть основание полагать, что дверь была заперта.

— Что за основание?

— Ваша жена заявила, что слышала, как мисс Грегор заперла дверь.

— Вы готовы принять ее слова по этому пункту?

Барли нахмурился. — Почему нет?

— А по остальным пунктам не принимаете, я правильно понял?

Оуэн вскинул брови, задавая этот вопрос. Единственным его желанием было произвести эффект на Барли. Человек смутился, а затем покраснел от злости.

— Позвольте мне самому решать, — воскликнул он, — что принимать, а что отвергать в соответствии с собственными интуицией и опытом.

— То есть, в соответствии с вашей теорией преступления, не так ли?

— Нет, не так. У меня априори нет теории. Я ищу факты и руководствуюсь тем, что нахожу.

— Тогда я могу только повторить, что вошел в спальню через дверь.

— Как вы вышли?

Оуэн стряхнул пылинку с рукава своей охотничьей куртки.

— Через дверь.

— Как?!

— Ну не в окно же.

— Дверь была заперта изнутри, — твердил Барли.

— Откуда вы знаете?

Доктор Хейли заметил, что Барли начинает свирепеть; но у парня были крепкие нервы.

— Тому есть пять свидетелей: Ангус, плотник, который вырезал замок, доктор Макдональд, горничная, которая готовила чай для вашей тети, и вы сами.

— Наоборот, свидетелей вообще нет. Дверь была застопорена маленьким клином, который я подложил под нее. Горничная, понятное дело, подумала, что она заперта; она молодая и ничего не заподозрила. Когда она позвала меня, я подтвердил ее слова. Ангус не прикасался к двери. Старик верит всему, что я скажу. Почему бы не поверить плотнику? Почему бы не поверить Макдональду? После того, как замок был вырезан, я вытащил клин. Затем я нашел возможность повернуть ключ в замке.

Закончив свой рассказ, он слегка пожал плечами.

— Каким орудием вы убили свою тетю? — хрипло спросил Барли.

— Кухонным топором с деревянной ручкой.

Оуэн поднял веки и в упор посмотрел на следователя. — Он попался мне, когда я забирал купленную селедку из буфетной внизу.

Выстрел сделан. Доктор Хейли понял, что Барли держал вопрос о селедке про запас в качестве последнего аргумента. Он потрянул головой, как норовистый конь.

— Дандас был убит тем же способом? — с сарказмом спросил он.

— Не совсем.

— Вы хотите сказать, что его убийство тоже дело ваших рук?

— Очевидно, не правда ли, что оба преступления были совершены одним и тем же лицом?

— Пустая трата времени, сэр. Вы не убивали Дандаса. — Барли поднялся и жестом дал понять Оуэну, что тот свободен. Но Оуэн, похоже, не собирался уходить. Он достал из кармана маленький золотой портсигар.

— Можно я закурю?

— У меня больше нет вопросов к вам.

Оуэн закурил сигарету.

— Полагаю, вопросов у вас может возникнуть больше, чем вы думаете, — заметил он, — когда я скажу вам, что кровать Дандаса имеет пуховый матрац Дахлана и застелена пуховым одеялом Дахлана.

Оуэн торжествовал. Доктор Хейли почувствовал, как краска стыда заливает щеки. Вместе с Макдональдом они заглянули под кровать после убийства; но никто не догадался обыскать саму кровать.

— Что вы имеете в виду?

— У моей тети самые мягкие, самые пышные перины, каких вы не найдете ни у кого в стране, которая держит мировой рекорд по этому делу. Вы, наверное, заметили, что ее пуховые одеяла и матрацы имеют одинаковую форму. Можно лежать на такой перине под таким одеялом, не вызвав на поверхности кровати ни малейшего бугорка, нужно лишь время, чтобы устроиться поудобнее и не шевелиться. Времени у меня было достаточно.

В глазах Барли застыл ужас. Он ахнул, но уже не так торжественно. Доктор Хейли увидел, что у него вспотели ладони.

— Что произошло? Что вы сделали? — кричал он, почти не контролируя себя.

Оуэн вынул сигарету изо рта и критически осмотрел тлеющий кончик.

— Ударил его по затылку свинцовым грузилом, — хладнокровно ответил он, — как только доктор Хейли вышел из комнаты. Понадобился всего один удар, что позволило с максимальным комфортом расположиться под пуховым одеялом, прежде чем доктор Макдональд попал в комнату. Последний, конечно, был немного сбит с толку. Однако...

Он замолчал и отправил сигарету в рот. — Дандас, в отличие от вас, мистер Барли, — добавил он, — был на правильном пути.

С этими словами Оуэн поднялся. Портсигар, про который он забыл, упал на пол. Он наклонился за ним.

В тот же миг доктор Хейли вскочил со стула и бросился на склонившуюся фигуру.

Глава XXI. Избежать виселицы

Двое мужчин, сцепившись, катались по полу. Барли кинулся на выручку своему компаньону, и вдвоем они скрутили Оуэна. После этого доктор Хейли сунул руку в карман молодого человека и вытащил револьвер.

— К счастью, — сказал он, — я заметил выпуклость на кармане.

Лицо Оуэна покраснелось, воротничок и галстук сбились на сторону, но самообладания он не утратил.

— Надеюсь, теперь, когда вы лишили меня оружия, — произнес он, — я могу быть свободен?

Барли, державший его за плечи, покачал головой.

— Ответ, естественно, отрицательный, сэр. — Он обратился к доктору Хейли. —

Можете обыскать его карманы, если хотите. Нельзя исключать наличие тайника с другим оружием.

Доктор Хейли не спускал с пистолета глаз. Он отложил оружие и быстро пробежал руками по телу молодого человека. Затем сигнализировал следователю. Оуэн мог подниматься.

— Вы, наверное, забываете, — невозмутимо изрек он, — что я как армейский офицер имею право на ношение оружия.

— Но не на его применение, — рявкнул Барли.

— Почему вам знать, что я собирался применить его?

— Достаточно того, сэр, что мы не уверены в вашем намерении не пустить его в ход. Разве вы не признали себя убийцей?

Молодой человек пожал плечами и поправил воротничок.

— Чего я никогда не мог понять в полиции, — заметил он, — так это ту нежную заботу, с какой она окружает будущих, как уже решила для себя, висельников. Зачем мешать бедняге отправиться к дьяволу, если на то у него хватает мужества?

Ответом ему было молчание. Он вплотную подошел к Барли и, посмотрев ему в лицо, спросил:

— Могу я попросить вас сохранять в тайне от моей жены то, что я вам рассказал, покуда не состоится мой арест?

— Почему нет?

— Боже милостивый, приятель, очевидно же, что лучше оберегать людей от ненужных страданий! Если она дознается, что меня могут арестовать, она перевернет землю, чтобы спасти меня. Но спасти меня ей не удастся.

Барли покачал головой.

— У меня есть правило, — сказал он, — никогда не давать слова, если точно знаю, что не смогу его сдержать. Вероятно, нет необходимости рассказывать о вас вашей жене, по крайней мере, еще не время.

Пришла очередь Оуэну качать головой.

— Если бы вы, полицейские, переняли достойные и благородные навыки военных, — сказал он, — сколько несчастных удалось бы спасти.

Никто не ответил ему. Он повернулся к доктору Хейли.

— Знаете, Уна подозревает меня в убийстве тети Мэри, — с вызовом бросил он ему.

— Я предполагал, что она подозревает вас.

— Можете мне поверить, ее мнение не изменилось. Она знает о моих долгах. Был только один способ вернуть эти долги, и не иметь возможности рассчитаться по ним означало бы позорную отставку.

Закурив еще одну сигарету, он добавил:

— Расскажите мистеру Барли об Уне. Это поможет ему понять ее характер и отношение ко мне.

В его голосе безошибочно угадывалась нотка гордости. Он повернулся к Барли.

— Долго вы еще будете держать меня здесь? — спросил он.

Барли отвернулся к камину, испытывая неловкость и сомнения относительно своего служебного долга.

— Формально вы оговорили себя, — сказал он. — Остается решить, принимаю я вашу историю или нет. Я еще не принял ее. Отнюдь не принял. Вы не должны покидать замок,

пока я не приму решения. — Он вел себя как диктатор, извергающий потоки слов. Взмахом руки он отпустил Оуэна, и тот вышел из комнаты.

— Вы и в самом деле подумали, мой дорогой доктор, что он хотел застрелиться?

— Да.

Барли взял пистолет и проверил его.

— По крайней мере, он заряжен. — Он опорожнил барабан и положил патроны в карман. — Вероятно, очень вероятно, что он убил свою тетку и Дандаса. Поверьте, ваше, безусловно, невозможное преступление всегда предполагает несколько объяснений. С другой стороны, закон, как вы знаете, не доверяет признаниям. Убийцы, во всяком случае, хладнокровные убийцы не склонны признавать свои преступления.

— Нет.

Доктор Хейли ненадолго задумался, а потом рассказал Барли о попытке Уны утопиться и последующем посещении вместе с мужем Даррох Мора.

— Я не сомневаюсь, — заключил он, — что Дахлан знал, что происходит. Но не думаю, что знал Оуэн.

— Мне представляется это очень важным, мой дорогой сэр. — Барли начал расхаживать взад-вперед по комнате. — Если Дахлан знал, — и здесь я разделяю ваше мнение, что он должен был знать, — то получается, что к этому трагическому эпизоду подтолкнул он. Зачем ему это делать? — Жестом обеих рук он низверг дом Грегоров в бездонные пучины. — Очевидно, потому, что он усмотрел в убийстве своей сестры пособничество невестки. Этот факт, по моему скромному убеждению, мог пробудить в старике самые бесчеловечные инстинкты. Он столь же высокомерен как Люцифер и хладнокровен как рыба. Если девушка виновна, пусть утонет. Всё лучше, чем суд уголовный и осуждение общества. Что угодно, лишь бы спасти святое имя Грегоров!

Доктор Хейли кивнул.

— Я пришел почти к тем же самым выводам. Оуэн также дал мне основание подозревать его жену. Однако должен заметить, что жена, вероятно, подозревала его. Я считаю, что ее попытка самоубийства была вызвана стремлением защитить мужа.

— Учитывая ее отношения с доктором Макдональдом, признаюсь, этот вопрос меня мало интересует. Женщины не защищают своей жизнью мужей, которых уже считают отвергнутыми. С другой стороны, если бы Дахлан знал, что она была причастна к убийству его сестры, ее судьба была бы предreshена. С именем сына, поставленным на карту, старик бы не стал с ней церемониться; с его точки зрения, лучше утонуть, чем быть повешенной.

Барли хлопнул в ладоши. — Буду допрашивать старика. Хотел послать за доктором Макдональдом, но Дахлан пойдет первым. Теперь я понимаю, почему он чуть не упал в обморок, когда я сказал, что Макдональд был единственным человеком, который мог убить Дандаса.

Эта идея легла в основу первых вопросов, которые Барли адресовал Дахлану. Старик выглядел бледнее и хуже обычного, но глаза не утратили живого блеска. Он вел себя, как король перед аудиенцией — сидел, по привычке положив руки на подлокотники кресла и двигая головой взад-вперед. Ни один из свидетелей не удостоился того почтения, какое детектив оказал Дахлану.

— Мои расследования, — пояснил он, — побудили меня внимательнейшим образом изучить поведение вашей невестки как до, так и после смерти вашей сестры. — Он остановился, и после паузы его голос принял серьезный тон. — У меня есть основания полагать, что вы были свидетелем определенных событий, о которых до настоящего времени не посчитали нужным информировать полицию.

— Например?

— У миссис Оуэн Грегор вошло в привычку встречаться с доктором Макдональдом

ночью на берегу озера.

Дахлан закрыл глаза. От спазма мышц морщины на лице стали резче. Он был похож на мумию, которая взывала к милосердию.

— Вы знали, что ваша невестка встречается с доктором Макдональдом подобным образом?

— Да.

— Вы были свидетелем одной или нескольких таких встреч?

— Да.

— Во всех случаях с вами была мисс Грегор?

— Да.

Барли склонился вперед.

— Ваше присутствие объяснялось наблюдением за невесткой и доктором?

Старик опустил голову.

— Да.

— *Это* стало причиной раннего ухода миссис Оуэн в свою спальню за день до убийства вашей сестры?

— Моя сестра посчитала своим долгом предостеречь жену моего сына. К сожалению, ее доброта была превратно истолкована и вызвала недовольство.

Дахлан говорил вполголоса, но совершенно вразумительно. Несомненно, воспоминания о том инциденте причиняли ему боль. Но Барли был неумолим.

— Боюсь, — заявил он, — без подробностей не обойтись. Слова мисс Грегор могли походить на угрозу?

— Она сказала, что по праву ближайшей родственницы Оуэна должна рассказать ему о том, что происходит.

— Ага.

— По сути дела она уже писала Оуэну, намекая, что дела принимают плохой оборот. Поверьте, это решение далось ей после долгих и мучительных раздумий, после многочисленных попыток удержать мою невестку от скользкой дорожки, на которую та уже ступила.

— Ясно. — Барли закрыл глаза и строго кивнул. — *Facilis est decensus Averni, sed revocare gradum**, — небрежно процитировал он.

Остальная часть цитаты затерялась в его усах. Дахлан вздохнул.

— Мы оба сделали все, что в наших силах, чтобы уберечь Уну от катастрофы, — сказал он. — Время уговоров, видимо, кончилось, хотя по своей слабости, теперь уже можно признать, я был готов предоставить ей еще один шанс.

— Вы были против, чтобы вашему сыну говорили?

— Скорее, боялся, что ему скажут. — Старик нерешительно посмотрел на него. — Мой сын вспыльчив. И очень предан своей жене.

— Мисс Грегор отмела ваши страхи?

— Она предвидела это. Я не знал, что она написала Оуэну. Когда я услышал, что она это сделала, то счел ее поступок разумным.

* «Не труден доступ к Аверну... но шаги обратить...» Вергилий, «Энеида» (пер. с лат. В. Брюсова). Аверн — подземное царство.

Доктор Хейли откинулся на спинку стула и вынужден был вмешаться, чтобы задать свой вопрос:

— Когда мисс Грегор написала вашему сыну, она знала о ночных встречах с доктором Макдональдом?

— Нет. На самом деле ни она, ни я не знали об этих встречах до той ночи, когда она встретила свою смерть. Мы знали, что жена моего сына постоянно общалась с доктором.

— Итак, вопрос касается рокового дня, — повысил голос Барли, — и заключается в том, что к моменту возвращения вашего сына готовилось некое обвинение?

— Да.

— И поскольку вы сторонник снисхождения, ваша сестра была полна решимости принять жесткие меры?

— Прошу вас, не рассматривайте ситуацию с моей сестрой в таком свете, — взмолился Дахлан. — Доброта и милосердие изобиловали в ее сердце. Ее единственной заботой, поверьте мне, было благополучие этой запутавшейся и строптивой девушки. Полагаю, она чувствовала, что влиять уже бессильна, — Уна бросила ей вызов, подкрепив его жестокими и несправедливыми упреками. Моя дорогая Мэри хотела, чтобы сила мужа была достижима для спасения жены. Естественно, ее мысли и чаяния предназначались в том числе и Оуэну, поскольку она была для него больше, чем мать, и ребенку Оуэна, на которого тем временем оказывалось столь пагубное влияние.

Барли покачал головой.

— Ни одна мать, по моему скромному убеждению, — заметил он, — не допустит мысли, что у нее могут отобрать ребенка.

— Вы неправильно поняли, сэр. Расчет моей дорогой сестры состоял не в том, чтобы оторвать Хэмиша от матери, а призвать молодую мать в какой-то мере к сдержанности. Она верила, что если Уна возьмет себя в руки, такие положительные качества девушки как бесстрашие и жизнерадостность, поставленные на службу этой задаче, могут изменить ее характер в лучшую сторону.

Барли пожал плечами и развел руками. Но профессиональная хватка быстро вернулась к нему.

— Ваша невестка жаловалась вам или вашей сестре, — спросил он, — что ее муж не обзавелся для нее собственным домом?

— Да, да. Она часто выдвигала претензии к Оуэну, довольно резкие и несправедливые. Это, как вы можете себе представить, было очень трудно выносить, и требовалась вся сдержанность моей дорогой сестры и доброта ее сердца, чтобы терпеть их. Мы обращали внимание на то, что ей повезло иметь в мужьях хорошего и доброго человека, единственным желанием которого было сделать ее счастливой и обеспечить своего мальчика. Жалование армейского офицера скромное. Оуэн были стеснен в деньгах, и если бы его тетя и я, но особенно тетя, не оказали ему некоторую финансовую помощь...

Барли неожиданно прервал его.

— То есть, — воскликнул он, — ваш сын и его жена были в определенной степени зависимы от щедрости вашей сестры?

— В значительной степени. Капитан артиллерии получает около фунта в день. Личные расходы Оуэна забирают всё. Моя невестка живет здесь за счет меня и моей дорогой сестры. — Дахлан сделал паузу и поднял глаза. — Мы ничего не жалели для ее блага.

— Вы не определили своему сыну никакого содержания?

Старик поднял руку и описал ею круг, обозначая размеры владений.

— Как я могу определить? Посмотрите на эти холмы. Что нужно для получения дохода? Поверьте, все эти годы я едва сводил концы с концами. Когда Оуэн сказал мне, что

собирается жениться, я вынужден был предупредить его, чтобы на нас не рассчитывал. В тот раз моя дорогая Мэри пришла ему на помощь. Она была хорошо обеспечена.

Лицо Барли выражало одновременно сомнение и злость.

— Мне кажется, — сказал он, — ваша покойная сестра совершила ошибку, избрав такой метод помощи. Ваша невестка, должно быть, чувствовала себя здесь, как в приюте для бедных. Скажите, у нее есть собственные средства?

— О нет. Никаких.

— Но она имела хоть какие-то карманные деньги, на шпильки, или как это называется?

— Моя дорогая сестра разрешила ей покупать себе одежду в определенных магазинах...

— Значит, вы хотите сказать, что у нее не было денег даже на карманные расходы?

— Думаю, Оуэн мог отправлять ей некоторые суммы из сэкономленных денег.

— Ее положение было хуже, чем у прислуги?

Дахлан несколько минут молчал, потом сказал:

— Она ни в чем не нуждалась, живя с нами.

— Понятно. — Барли резко подался вперед. — Скажите, пожалуйста, с какого времени от вашей невестки стали поступать жалобы на мужа?

— Она всегда казалась по-настоящему неудовлетворенной. Но последние недели выдались самыми сложными.

— С тех пор, как она сблизилась с Макдональдом?

— Да, я так думаю.

— И в эти последние недели она стала поднимать вопрос о собственном доме?

Дахлан опустил голову.

— После того, как она убежала из *этого* дома, — произнес он вполголоса. — В тот вечер ее отношения с моей сестрой заметно обострились. Она сказала ей, что больше никогда не попросит у нее на корку хлеба. Она сказала, что уходит, чтобы зарабатывать себе на жизнь любыми способами, какие предложат, даже если придется пойти в служанки.

— Она сказала это после того, как вернулась?

Барли задал вопрос дрожащим от нетерпения голосом. Он резко подался вперед всем телом, боясь пропустить малейшее слово.

— Не совсем. После того, как она вернулась, она потребовала собственного дома для себя, мужа и ребенка.

Наступила короткая пауза. Чайки не по сезону расшумелись, заполнив комнату своим криком. Барли махнул рукой.

— Дела, смею предположить, — заметил он, — обстоят следующим образом: мисс Грегор заподозрила вашу невестку в связях на стороне и была полна решимости разоблачить ее в глазах мужа, несомненно, исходя из самых добрых побуждений. Эта ситуация, по всей вероятности, грозила обернуться для миссис Оуэн и доктора Макдональда самыми серьезными последствиями. Разведенная жена, лишенная родительских прав и средств к существованию, — зрелище, мягко говоря, удручающее. Что касается доктора, он рисковал быть исключенным из Медицинского реестра и полностью скомпрометированным. Поэтому очевидно — вместе у них был очень сильный мотив желать, чтобы ваша сестра убралась с их дороги.

Дахлан молчал. Замерли даже его пальцы. Детектив поднялся и ударил кулаком по ладони.

— Полагаю, — зловещим голосом произнес он, — именно из этих соображений после убийства вашей сестры вы предложили своей невестке предпринять немедленные шаги, чтобы избежать виселицы.

— Что?! Вы обвиняете меня?..

— Прошу прощения, Дахлан, но факты, как я их понимаю, невозможно, по моему скромному мнению, истолковать по-другому. Вы посчитали, что ваша невестка была соучастницей убийства вашей сестры доктором Макдональдом. Его судьба вас не интересовала; ее — другое дело. Она — жена вашего сына, мать вашего единственного внука, наследника Дахлана. Вы прекрасно понимали, что, если концы в воду, то все будет тихо — молчали бы не только о ее роли в преступлении, но даже о способе ухода из жизни. В Шотландии нет коронерского суда. Более того, только вы знали о ее встречах с доктором Макдональдом. Пока она существует — существует смертельная опасность, что эти отношения могут продолжиться, а посему выйти наружу. Ее смерть предполагала безопасность для всех: для вас лично, вашего сына и сына вашего сына, для вашего дома и вашего имени.

Снова опустилась тишина, такая глубокая, что бой часов в холле за стенкой казался нестерпимой мукой. Дахлан начал кивать, как болванчик из слоновой кости, продолжительно реагирующий на малейшее прикосновение.

— Ваша невестка, — добавил Барли, — поддалась внушению. Чем, собственно, признала свою вину.

Глава XXII. пытки

Когда Дахлан ушел, доктор Хейли рассказал детективу о своей беседе с доктором Макдональдом.

— Можете, конечно, допросить его при желании — резюмировал он, — но, думаю, напрасно потратите время. Он откровенно признал, что влюбился в миссис Оуэн; он отрицал и продолжает отрицать, что она когда-либо и в какой-либо форме выдавала ему авансы.

— А он? — Барли со всей серьезностью отнесся к информации Хейли. — Любопытно, если он говорит правду, то миссис Оуэн следовало бы утопиться и убийства на самом деле были совершены ими в сговоре. Невинные люди никогда не пойдут на преступление ради того, чтобы избежать несправедливых обвинений.

— Согласен. Но невинные люди иногда жертвуют собой, чтобы защитить тех, кого они любят.

— Почему миссис Оуэн думает, что ее муж убил свою тетю?

— Я уверен, она вбила себе это в голову.

— Да, но почему, почему?

— Если человек любит, ему страшно. Не забывайте, это очень сильный мотив.

Барли нахмурился.

— Это говорит о том, что она считает своего мужа способным на убийство.

Говоря это, он наблюдал за доктором Хейли. Когда доктор покачал головой, Барли снова помрачнел.

— Конечно, это может что-то означать. Но обязательно ли? Зная, что есть сильный мотив, человека может охватить животный страх, страх, который формируется не в словах как таковых и едва ли даже в мыслях; это скорее ощущение, чем мысль. И можно действовать исходя из этого ощущения.

— Тем не менее ключевым в этой идее является убийство.

— Нет, я думаю, ключевыми в этой идее являются симпатия, знание человеческой природы, которые все мы получаем из факта возникновения нашей собственной человечности. Существует ли какое-нибудь преступление, которое вы или я не совершили бы в определенных обстоятельствах? Помните: «Кабы не милость Божия, шёл бы так и Джон Баньян»^{*}? Я уверен, что только очень глупый или очень тщеславный человек может считать себя защищенным от соблазна. Святые и грешники имеют больше общего, чем обычно принято считать.

Барли откинулся на спинку кресла. Его лицо излучало благодущие.

— Поверьте, — заявил он, — мне очень импонирует ваш метод. Если бы я был уверен, что миссис Оуэн заботилась о муже, меня даже можно было бы убедить. Но каковы факты? — Он покачал головой. — Скажите, как мужчина мужчине, будете ли вы отрицать, что она заботилась о Макдональде? Станет ли женщина бегать ночью к мужчине, который ее совсем не интересуется? Станет ли тайно встречаться с таким человеком? Женщинам, поверьте мне, не так-то легко освободиться, когда их сердце занято. Но она поступила хитро. Если бы не доктор, она бы не пошла на потерю мужа. Не забывайте, смерть мисс Грегор отвечала чаяниям трех разных людей: она спасала доктора Макдональда, она спасала Оуэна Грегора, и она возвращала мужа и ребенка миссис Оуэн.

— И все же Макдональд кажется мне честным человеком.

Барли не ответил. Он был исполнен решимости допросить доктора Макдональда и не был похож на человека, готового отказаться от поставленной задачи.

Похожий в своем необычном пыльнике на шахматную доску, он тем же днем отбыл с доктором Хейли в Ардмор. Они застали доктора у себя дома. Он провел их в маленькую заднюю комнату, слегка пропахшую йодом. Там было несколько стеклянных шкафчиков, заполненных инструментами и множеством банок, в которых хранились корпия и марлевые бинты. Несмотря на то, что в операционной царили безукоризненная чистота и порядок, место выглядело унылым. Бездушным, что ли.

Доктор Макдональд выдвинул ящик стола в конце комнаты и достал коробку сигар.

— Вы курите, инспектор?

— Нет, спасибо. — Барли уселся на кожаную кушетку и скрестил ноги. Он сразу же перешел к делу, предупредив, что вопросы, которые он собирается задать, в первую очередь потребуют памяти и наблюдательности.

— Для начала вернемся к вечеру убийства мисс Грегор. Вас, как я понимаю, вызвали тогда к ребенку миссис Оуэн Грегор?

— Да.

— В какое время?

— Около половины девятого.

— Вас провела миссис Оуэн?

— Она была в детской. Ребенок перенес еще одну истерическую атаку и был слаб. Я...

— Извините, что перебиваю, но как была одета миссис Оуэн Грегор?

— На ней был синий халат.

^{*} По одним источникам фраза звучит как «Кабы не милость Божия, шёл бы так и Джон Брэдфорд» и приписывается Джону Брэдфорду (1510 — 1555), пребендарю собора Святого Павла, участнику английской Реформации. Эту фразу он произнёс якобы, когда был заключён в лондонском Тауэре и увидел преступника, отправленного на казнь. Однако по другим источникам авторство принадлежит Джону Баньяну (1628 — 1688), английскому писателю и баптистскому проповеднику.

— Эта горничная, Кристина, находилась в детской?

— Да, она была там, пока я не пришел. Потом она вышла к мисс Грегор, но вернулась еще до моего ухода.

— Вышла, оставив вас и миссис Оуэн Грегор одних?

— Да, с ребенком.

— Вам не показалось, что миссис Оуэн была чересчур возбужденной?

Макдональд резко поднял голову. На лице появилось выражение беспокойства.

— Она расстроилась из-за ребенка..

Барли выбросил вперед руки.

— Буду откровенен с вами, — заявил он. — Дахлан только что сказал мне, что вечером миссис Оуэн и ее тетя поссорились, и по этой причине миссис Оуэн рано легла спать. В связи с этим я вот что хотел бы узнать — обсуждала ли миссис Оуэн эту ссору с вами?

— Она сказала мне, что расстроена тем, как тетя ведет себя по отношению к ней.

— Она сказала, что тетя обвинила ее в любовных отношениях с вами?

Громоподобный голос Барли должного впечатления не произвел. Макдональд не дрогнул, только кивнул.

— Да, она сказала мне об этом.

— Мисс Грегор собиралась сообщить о своих подозрениях племяннику?

— Да.

Следователь нырнул головой вперед.

— Это означало бы катастрофу для вас обоих? — допытывался он.

— Наверное, если бы Оуэн Грегор поверил своей тете.

— Вы думаете, он мог не поверить?

Макдональд вытер лоб.

— Оуэн Грегор, — тихо произнес он, — любит свою жену, и она его тоже.

— И тем не менее она встречалась с вами каждый вечер после наступления темноты?

— Это тоже Дахлан сказал?

— Да.

— Неправда. Мы встречались всего, наверное, пару раз, так как миссис Оуэн хотела спросить моего совета. — Макдональд внезапно повысил голос: — Вы представить себе не можете, каким пыткам подвергалась бедная девушка в этой семье.

— Пыткам! Пыткам! — Тон Барли свидетельствовал, что инспектор не поощряет таких гипербо.

Макдональд поднялся и в глубокой задумчивости начал расхаживать по комнате. Его сильное тело казалось слишком большим для ее узких стен. Доктор Хейли вспомнил вышагивающего в клетке молодого тигра, которого он однажды видел в зоопарке.

— Да, пыткам, — с горячностью воскликнул он. — Единственное слово, которое здесь уместно. Вы не знали мисс Грегор. Я знал. Ни капельки сострадания в женщине, разъедаемой ревностью и семейной честью. И замуж-то, похоже, не вышла только потому, что приходила в ужас от мысли, что может стать миссис Какой-то Там, а не Грегор. Простите за нелепую мысль, но я убежден, что она инстинктивно хотела стать этакой солью земли, дочерью своего народа. Судьба, как это бывает, позволила ей реализоваться в случае с

Оуэном. Однако миссис Оуэн помешала realizоваться мечте полностью. Представьте, она осмелилась заявить о своем праве на счастье супружества и материнства! Оуэн любил ее больше, чем тетю. Было очевидно, что как только тонкая нить жизни Дахлана прервется, господство мисс Грегор в замке закончится навсегда. — Макдональд передохнул и продолжил: — Если бы можно было вбить клин между мужем и женой, отделив навсегда друг от друга, Хэмиш упал бы в руки тети точно так же, как до этого его отец. И мисс Грегор продолжала бы хозяйничать в Дахлане.

Он повернулся и обратился к своему обвинителю. Барли слишком хорошо знал человеческую натуру, чтобы чему-то удивляться, но он был также практичным человеком, умеющим хорошо судить о мотивах, являющихся основой любого процесса по сбору доказательств.

— Помните, вы сказали мне, — предупредил он, — что ни вы, ни миссис Оуэн не ждали никакого снисхождения от мисс Грегор? Именно из этого я исходил.

— Что это доказывает?

— Это дает сильный мотив преступления, которое, как я считаю, вы совершили на двоих.

Доктор не выдержал:

— Что? Думаете, я убил мисс Грегор?

— Вместе с миссис Оуэн.

Лицо Макдональда потемнело. Он снова вытер лоб. Доктор Хейли увидел, как он посмотрел в окно, словно у него зародились мысли о побеге. Затем он рассмеялся:

— Должно быть, вы сошли с ума. Бред! Каким образом я проник в спальню женщины?

Он снова протер лоб, сел и осторожно вытянул ногу.

— Через дверь.

— Как? Вы хотите сказать, что не знаете, что дверь была заперта?

— Оуэн Грегор утверждает, что она была не заперта.

Доктор в недоумении уставился на него.

— Оуэн говорит, что она была не заперта? Но я видел, как плотник вырезал замок.

— Вы пробовали ручку?

— Нет.

— Значит, говорите с чьих-то слов.

— Плотник пробовал.

— Он сказал вам об этом?

— Боже милосердный, нет, я видел, как он это делал. Он пробовал ручку несколько раз.

Барли моргнул. — Впрочем, это было утром. Полагаю, дверь была не заперта в тот момент, когда вы покинули детскую накануне вечером?

— Она был заперта. Миссис Оуэн слышала, как ее тетя заперла дверь.

— Простите, мнение миссис Оуэн в этом вопросе меня мало интересует.

Макдональд снова рассмеялся. — Понятно. Тот случай, когда в любом случае остаешься в выигрыше: орел — выигрываю я, решка — проигрываете вы, так?

— Мой дорогой сэр, мисс Грегор была убита. Следовательно, кто-то вошел в комнату и вышел из нее. И люди не проходят сквозь двери и окна. Проще, по моему скромному разумению, предположить, что миссис Оуэн и вы сами неверно осветили ход событий, чем думать, что законы природы были на время отменены.

— Как вы можете предполагать, что я убил старуху? С моей деревянной ногой?

— Нет, сэр. Я уверен, что топор с кухни принесла миссис Грегор. Слуги легли спать.

— Понятно. — Доктор глубоко вздохнул. — А селедочная чешуйка, найденная в ране, откуда она взялась?

— Возможно, с лезвия топора.

— Вам еще предстоит объяснить, как дверь была заперта изнутри, не так ли?

— Уверен, что смогу и это объяснить.

К Барли вернулась его учтивость; как охотник, чья добыча оказалась в ловушке, он, казалось, спокойно готовился нанести последний удар.

— Я удивлюсь, — заметил он, — если не сразу будет доказано, что вы убили мисс Грегор. Очень сильно удивлюсь! Более того. Я знаю, где искать доказательство, а когда я знаю, где искать, я нахожу его.

Он говорил с полной убежденностью.

Доктор Хейли испытывал чувство недоумения, которое, по его мнению, должен был испытывать и Макдональд. Как можно было доказать, что доктор вошел в спальню? Или как вышел из нее, не пользуясь дверью?

— Есть еще один момент, — сказал Барли, — который требует объяснения. Вы не помните, кто первым вошел в комнату мисс Грегор после того, как замок был вырезан из двери?

— Я.

— Шторы в комнате были задернуты?

— Да.

— Кто раздвинул их, вы?

— Да.

— Хорошо. Теперь скажите мне, до того, как вы были вынуждены носить деревянный протез, вашу ногу ампутировали выше колена или ниже?

— Выше.

— То есть, передвигаетесь вы с трудом?

— Совсем нет.

— Я имею в виду, не боитесь ли вы подскользнуться или упасть?

Макдональд покачал головой. С помощью обеих рук он оторвал деревянную ногу от пола.

— Видите? — Показал он. — Я ношу специальную обувь на этой ноге. Гвозди в подошве гарантированно цепляются за всё.

На обратном пути в замок Барли спросил доктора Хейли, заметил ли он, что Макдональд обошел стороной убийство Дандаса.

— Я всё время ждал, когда он начнет приводить второе убийство в качестве доказательства своей невиновности.

— Зачем?

— Затем, что виновные всегда преувеличивают свою вину.

— Понимаю. Означает ли это, что у вас появились некоторые сомнения в его вине?

— Ни в коей мере. Я считаю, что провел хорошую работу; достаточно хорошую, чтобы гарантировать единодушное решение любого жюри. Но дело скорее в логике, чем в личной убежденности. Откровенно говоря, Макдональд, как мне кажется, не тянет на ту роль,

которая ему отводится.

— Я согласен с вами.

— То же самое касается миссис Оуэн.

— Да.

— И все же выбор, несомненно, лежит между ними и Оуэном Грегором. Но теперь мы знаем, что Оуэн Грегор солгал нам.

— Про запертую дверь?

— Совершенно верно. Плотник пробовал открыть дверь. — Барли откинулся на подушки и причесал усы. — Я распорядился вызвать его в замок. Послушаем, что он скажет.

— Я заметил, вы не спросили Макдональда, — сказал доктор Хейли, — о появлении миссис Оуэн в его доме.

— Нет. Он сказал бы мне то же самое, что и вам. Честно говоря, с тех пор, как я его увидел, я чувствую, что не совсем уверен в обстоятельствах этого побега. Я начинаю думать, что он любит ее. В тот раз он определенно не оттолкнул ее.

— И поэтому маловероятно, что она заявила к нему по собственной воле.

Барли отрицательно покачал головой.

— Нет-нет, не вследствие этого. Влюбленные женщины редко считаются с ценой, а то и вовсе не делают этого, и поэтому поступают, как правило, крайне неосмотрительно. С влюбленными мужчинами всё наоборот. Мужчина, к счастью, никогда не теряет своего социального смысла, очевидно, даже когда готов на самопожертвование. Веками в мужских умах откладывалось, что работа, служба, должна быть на первом месте. Макдональд, думаю, предложил встречаться тайно, и предложение было принято. Но той ночью он отправил миссис Оуэн домой. Он не готов был рисковать профессиональной репутацией.

Глава XXIII. Следы

Плотник ждал их. Это был высокий худощавый человек с крупными чертами лица и чистыми, ясными глазами. Он сходу отверг идею, что дверь не была заперта, когда он открывал ее.

— Она была заперта, — уверял он. — Я сам пробовал ручку. Более того, я пытался взломать замок. Но там такая дверь, что всё впустую. Осмелюсь спросить, вы знали, что отец Дахлана был слесарем?

Барли кивнул. — Вы готовы заявить под присягой, — спросил он, — что ключ торчал изнутри.

— Да.

Следователь отпустил его и отправил Ангуса на кухню за мехами для раздувки углей. Затем он попросил доктора Хейли сопровождать его.

— Я обещал вам доказательство против Макдональда, — сказал он. — Сейчас я готов представить его. Но предупреждаю, это может стать для вас сюрпризом. Как вы уже успели догадаться, рассказ Оуэна Грегора — ложь.

Они вышли из дома и подошли к клумбе, разбитой под окном спальни мисс Грегор. Следователь взял мехи у пайпера.

— Смотрите, — показал он, — комната мисс Грегор располагается прямо над курительной. Земля на этой клумбе довольно сухая. Мистер Маклеод, фискал-прокурор, осмотрел клумбу наутро после убийства и нашел ее непо потревоженной. — Он повернулся к Ангусу. — Всё правильно?

— Да, сэр. Я был с мистером Маклеодом, сэр, когда он осматривал землю. Сейчас она выглядит так же, как тогда.

— Замечательно.

Барли поднес трубку мехов к земле и начал осторожно нагнетать воздух. От его струи пыль собиралась ровными полукружьями. Поработав мехами несколько минут, он выпрямился. На его лице было озадаченное выражение.

— Ну что? — поинтересовался доктор Хейли.

— Послушайте, ничего нет. Если честно, я не понимаю. — Он взглянул на окно мисс Грегор. С его губ сорвалось восклицание, и он указал на железный стержень, выпирающий из стены прямо над окном.

— Что это? — спросил он у Ангуса

— Это штырь для крепления ставней, сэр. Установлен давно. Но мисс Грегор не любила ставни.

— Вы можете добраться до него с подоконника?

— Да, сэр.

Детектив на глаз примерил расстояние от штыря до земли, затем шагнул к самой бровке и подул на землю прямо под штырем. Несколько мощных качков, и под рыхлым слоем грунта показался сначала один след, затем, через несколько секунд, второй, на котором отчетливо просматривались отпечатки больших гвоздей. Барли отступил назад и указал на отметины.

— Видите, следы гвоздей?

С триумфом в глазах он повернулся к доктору Хейли.

— Помните, Макдональд показывал нам свой башмак? — спросил он. — Или вы сомневаетесь насчет этих следов?

— Нет, я не сомневаюсь, следы действительно принадлежат ему.

— Обратите внимание: непосредственно под штырем. Похоже, у него был кусок веревки. Скорее всего, он спрыгнул уже у самой земли, так как следы неглубокие. Я уверен, что как только он приземлился, он сразу же забрался в окно курительной; других следов нет. Без сомнения, она ждала его там, держа наготове несколько горстей рыхлой земли.

Доктор Хейли кивнул. — Вероятно, всё так и было, — сказал он. — Я поздравляю вас.

Они вернулись в дом и поднялись в комнату мисс Грегор. Барли влез на подоконник и убедился, что штырь находился в пределах досягаемости.

— Осмотр штыря, — заявил он, — может завершить нашу работу. Железо покрыто ржавчиной, и есть все шансы обнаружить свежий след от веревки.

Эти ожидания оправдались. Глядя вниз из окна маленькой кладовки рядом с детской, расположенной над спальней мисс Грегор, доктор Хейли мог хорошо рассмотреть верхнюю часть штыря. Толстый слой ржавчины в одном месте имел характерный след и был протерт до металла.

— Теперь вы убедились, что пользовались веревкой? — спросил Барли.

— Да.

— Это должно служить объяснением, поскольку, как видите, никто не мог добраться до штыря сверху, риск падения слишком велик, или с земли, ввиду отсутствия признаков использования лестницы. Следовательно, остается подоконник, с которого сделать это было легче всего, что я и доказал.

Барли прислонился к буфету, заставленному молочниками и другой посудой, который занимал одну из стен.

— Думаю, произошло следующее, — рассуждал он. — Как только миссис Оуэн поняла, что тетя намеревается погубить ее вместе с любовником, она первым делом, как известно, решила сбежать. Но ни у нее, ни у Макдональда нет денег. Он понял всё безумие этого шага. Разве он не перебарывал себя, стараясь вернуть девушку обратно, когда она убежала из своего дома? Из того, что вы рассказали мне об этом инциденте, думаю, следует самый простой вывод — он был не на шутку встревожен жестокостью по отношению к ней и ее реакцией на эту домашнюю жестокость. Он особенно боялся мисс Грегор, чей характер слишком досконально изучил. Но избавиться от своевольной женщины, от которой шла угроза компрометации — задача не из легких. *Facilis est decensus Averni, sed revocare gradum, hic labor, hoc opus est!**

Цитата изящно сорвалась с его губ. Он взмахнул руками в воздухе, на что тарелки за его спиной ответили тонким дребезжанием.

— Из-за болезни ребенка миссис Оуэна могла вызвать его в любой момент. Кроме того, она убедила его, — но, возможно, никакого убеждения не понадобилось, — что неофициальные встречи лучше проводить на его лодке. Он понимал, что ситуация стремительно ухудшается. Затем наступило осознание, почти уверенность, близкого конца. Дахлан в скором времени, наверное, простил бы да забыл, а вот мисс Грегор — никогда.

И поэтому был разработан план убийства. Обо всех деталях это плана можно только догадываться. Я признаю, что есть определенные пробелы в том, что мы знаем, но суть ясна. После приезда доктора в вечер убийства миссис Оуэн вошла в комнату своей тети и сказала, что встревожена состоянием ребенка. Тем самым путь в спальню для доктора был расчищен. Когда он пришел, миссис Оуэн спустилась в курительную комнату. Вероятно, тогда доктор и нанес свой удар. Вы сами видели, это был удар невероятной силы, который, однако, не стал смертельным. Но сердце пожилой женщины не выдержало. Он запер дверь спальни изнутри, убедился, что старуха мертва, привязал один конец веревки к штырю и спустился вниз из окна, закрыв его. Веревка не доставала до земли, и пришлось прыгать. Затем оставалось только забраться обратно в курительную комнату, смотать веревку, избавиться от орудия и присыпать следы. Макдональд покинул дом через парадную дверь. Он знал, что за ним пошлют, как только преступление будет обнаружено. Карты легли настолько хорошо, что на следующее утро он получил возможность незаметно запереть окно на защелку, что позволило ему долгое время оставаться неприкосновенным для своих преследователей.

Тщеславие Барли, которым он светился, было легко понять. Его работа закончилась; оставалось только свести концы с концами.

— Надеюсь, — подытожил он, — ваша критика будет беспощадной.

Доктор Хейли покачал головой.

— Единственное замечание, которое я мог бы сделать, уже высказано вами. Факты и люди, похоже, плохо увязаны. С другой стороны, насколько я понимаю, люди в этом деле должны уступить фактам. Другого объяснения нет.

— Нет. — Барли снова заставил тарелки звенеть. — Если не доктор Макдональд убил Дандаса, то его убийство выглядит невероятным. Подумайте: вы стояли, так сказать, на страже у дверей его комнаты; молодой рыбак смотрел в окно. Вы готовы поклясться, что никто не входил в дверь; он готов клясться, что никто не входил в окно. И мы знаем, что Оуэн Грегор всё выдумал.

— Во всяком случае, предполагаем это.

— Нет, сэр, — неожиданно улыбнулся Барли. — Может быть, вы заметили, что я оставил вас по дороге в эту комнату. Я заглянул в спальню Дандаса. Матрац на его кровати — жесткий волосяной тюфяк. Полагаю, он попросил убрать перину. Оуэн не знал о замене.

* «Не труден доступ к Аверну... но шаги обратить... это есть труд, это — подвиг!» Вергилий, «Энеида» (пер. В. Брюсова)

В дверь кладовки постучали. Вошла Кристина и попросила доктора Хейли заглянуть на минутку в детскую.

— Хэмиш, — объяснила она. — С ним опять что-то неладное.

Она шла впереди, но остановилась, чтобы пропустить доктора в детскую и закрыть за ним дверь. Он подошел к кроватке, где спал ребенок, и склонился над ним.

— Что случилось? — спросил он.

— У него дергалось лицо.

— Думаю, это не страшно.

Он прослушал легкие ребенка, затем обернулся к пожилой няне, которая стояла позади, нервно теребя фартук.

— Всё, что ему нужно — покой.

Глаза Кристины забегали. С печалью и недоверием она покачала головой.

— Где бедному ягненочку набраться покоя в таком бедламе? — Вздохнула она. — Речь ее, как всегда, пестрила образами. Неожиданно она шагнула вперед и подняла сухую руку.

— Скажите мне, пожалуйста: правда, что следователь из Эдинбурга подозревает мать Хэмиша?

— Я... я не уверен, что вправе обсуждать такие вещи.

Старушка вскрикнула.

— Значит, так оно и есть, коли вы не говорите мне. — Она положила руку ему на запястье и заглянула в лицо своими черными глазами. — Она не виновата, — в ее голосе звучала глубокая убежденность. — Я знаю, что она не виновата.

Доктор Хейли нахмурился.

— Как вы можете это знать?

— Миссис Грегор не обидит и мухи.

Он покачал головой. Он не хотел спорить с этой пожилой женщиной, и всё же в страстной искренности ее голоса была какая-то непреклонность, бросающая ему вызов.

— Надеюсь, вы правы.

Она продолжала держать его руку.

— Я знаю, что скажет этот человек из Глазго, — убеждала она. — Доктор Макдональд убил мисс Грегор, сговорившись с матерью Хэмиша. — Она отпустила руку и встала у него за спиной. — Не могли бы вы присесть? Я должна вам кое-что рассказать.

Немного поколебавшись, он исполнил ее просьбу. Она села перед ним на низкий стульчик, на котором, похоже, посидело не одно поколение Дахланов. Ее лицо потемнело и осунулось, мышцы вокруг рта дрожали от напряжения.

— Вы видели шрам на груди мисс Грегор? — спросила она его.

— Да.

— Я расскажу вам о нем.

Она прижала ладонь ко лбу и на мгновение замерла, словно молилась. Затем их взгляды встретились.

— Я приехала в Дахлан, — заговорила она, — в тот год, когда лэрд женился. После рождения мистера Оуэна, его мать попросила меня стать ему няней. Много времени я провела с ним в детской, сидя на этом самом стульчике и купая его перед очагом. Мать его сидела вот так же, как вы сейчас.

Она снова закрыла глаза. Повисла неловкая пауза. Доктор Хейли чутко прислушивался к тихому дыханию ребенка.

— Так? — поторопил он.

— Она была ангелом, к тому же очень красивым. Лэрд, тот был без ума от нее. Как сейчас я слышу его шаги, вижу его, поднимающегося по лестнице, чтобы посидеть рядом с ней, пока я купаю мистера Оуэна. Увы, от того человека, веселого и беззаботного, теперь ничего не осталось. Но мисс Грегор совсем не изменилась, и он боялся ее. Вы знаете, что она всё время жила здесь, пока лэрд был женат?

Снова опущенные веки и пауза. С закрытыми глазами она напоминала старую птицу в пору последней линьки.

— Мисс Грегор злословила жену своего брата. Хватало же ей ума и хитрости на попреки бедняжки! Каждый день она на что-то тыкала пальцем, всюду находила недостатки. Продукты несвежие, с кухни много отходов, одежда лэрда не сушится, маленький Оуэн не набирает вес. То да сё, и ни разу не высказала ей, всё ему, лэрду: «Ты должен поговорить с ней», — и так по несколько раз на дню, а тот не мог ей и слова сказать поперек.

Жена лэрда была ирландкой и быстро вспыхивала. Поскольку она любила своего мужа, для нее было оскорбительно выслушивать бесконечные придирки мисс Грегор. Однажды муж укорил ее тем, что она плохая хозяйка, так она прибежала к своей золовке и сказала ей, что знает, откуда растут ноги. Она так раскричалась, что ее совершенно не волновало, что я могу ее услышать. «Неужели я буду молчать, когда вижу, что моим братом и его дитя пренебрегают?» — как обычно, не повышая голоса, спросила мисс Грегор. «Никто не давал вам права вмешиваться в нашу жизнь и отрывать от меня моего ребенка», — ответила миссис Грегор. Я видела, как краска хлынула ей в лицо. С налившимися кровью глазами она кричала: «С самого первого дня, как я вышла замуж, вы пытаетесь сделать меня несчастной. Вы украли моего мужа. Теперь вы хотите украсть моего ребенка. Со стороны могут подумать, что вы хорошая женщина, но я знаю, какая вы». Тогда мисс Грегор улыбнулась и сказала, что прощает ее, как должно доброму христианину. Потом она ушла, с красными от слез глазами, к брату, чтобы пожаловаться ему на поведение жены.

Кристина шамкнула беззубым ртом. Глаза ее сияли.

— О, она была хитрой. Вы видели кошку, стерегущую мышь? Лэрд начал думать, что его жена несправедлива к его дорогой сестрице. Между ними были дикие ссоры, и мисс Грегор всегда поджидала момент, чтобы встать на его сторону. Один он больше не приходил в детскую, только на пару с сестрой. Маленький Оуэн боялся мисс Грегор, которая ни разу не взяла его на руки, но отец требовал от него, чтобы он целовал ее. Доктор-доктор, я чувствовала, что пришла беда и что я ничем не могу помочь несчастной молодой леди. Вы знаете, она прямо на глазах сходила с ума.

Она опустила голову и когда заговорила снова, ее голос упал почти до шепота.

— То же случилось и с матерью Хэмиша, только большую часть времени мистера Оуэна не было рядом. — Она стиснула руки на коленях и стала раскачиваться взад-вперед. — Хэмиш боялся мисс Грегор. В первый раз он закатил истерику, когда она пыталась дать ему какое-то лекарство. Вбежала мать и схватила бедного мальчика на руки, потому что он кричал от страха.

Она внезапно замолчала, взгляд ее беспокойно блуждал.

— Леди Дахлан поступила точно так же, — взволнованно сказала она. — Тот день я помню очень хорошо. — Она немного подумала, затем сказала:

— Ночью леди Дахлан утопилась, а его сестра захворала.

Глава XXIV. Через окно

От услышанного доктор Хейли пришел в ужас.

— Утопилась!

— Да. Прямо в ручье, в самый разгар прилива.

— Какова была причина болезни мисс Грегор?

— Я не знаю. Доктор... доктор Макмиллан приходил к ней каждый день с бинтами. Я сама видела их в чемоданчике.

Она замолчала.

— Что сказал лэрд? — спросил доктор Хейли.

— Ничего. Фискал-прокурор из Кэмпбелтауна, не наш мистер Маклеод, а джентльмен, который был фискал-прокурором до него, приходил сюда один или два раза. Когда мисс Грегор стало лучше, она и лэрд отправились в Англию.

— Понятно. — Он покачал головой. — Был ли он, лэрд, я имею в виду, казался ли... Как вы думаете, его огорчила смерть жены?

Кристина глубоко вздохнула. — Может, огорчила, может, нет. Я не берусь судить.

— После этого он поднимался в детскую?

— Нет, никогда. Мисс Грегор, та приходила каждый день. Мистер Оуэн принадлежал ей, и она говорила, что недалеко то время, когда он будет называть ее матушкой. Когда он подрос, мисс Грегор сказала ему, что его мать умерла от холода.

Доктор Хейли поднялся.

— Вы не помните, какой халат носила ваша бедная хозяйка? — неожиданно спросил он.

— Всегда синий носила, как мать Хэмиша. И та, и другая очень похожи друг на друга. — Она тоже поднялась. — Скажите, — взмолилась она, — почему они обвиняют мать Хэмиша?

Он колебался. Почему она рассказывает ему то, что так важно для Барли? Сначала он хотел отказать ей, но желание отплатить откровенностью за откровенность заставило его передумать.

— Только доктор Макдональд мог совершить эти убийства, — сказал он, — а миссис Грегор его друг.

— Почему вы говорите, что только доктор Макдональд мог совершить эти убийства?

Он снова задумался, но ее отчаяние перебороло его сомнения. И он рассказал ей всё, что знал.

— Я не думаю, что доктор Макдональд заходил в спальню, — выслушав его, заметила она.

— Но нужны доказательства! К несчастью, я видел, как он входил в комнату мистера Дандаса.

— Они арестуют мать Хэмиша?

Доктор Хейли грустно покачал головой.

— Скорее всего.

— Нет, нет. Они не должны этого делать. Мать Хэмиша невиновна. Здесь какая-то ошибка. Я уверена.

Ребенок заплакал. Доктор Хейли понаблюдав за ним и спустился вниз. Жара

продолжал обдавать горячими волнами, и после полудня вдалеке гроыхнуло. Он вышел из замка и направился к Даррох Мору. Однажды он видел, как цыганский мальчик набрал охапку красных кленовых листьев, и сейчас лес, подумал он, был похож на этого цыганенка. С пустоши, куда он вышел, открывался вид на озеро и дальше на горы за Инверэри. Густые заросли тимьяна и тяжелое гудение пчел приглашали к отдыху. Он присел и достал табакерку. Через несколько минут пчелиная музыка убавкала его, и он заснул.

Разбудил его женский голос. Он сел и, увидев Уну, тут же вскочил на ноги.

— Боюсь, меня сморило.

Она кивнула.

— Да. И мне неловко, что я вас разбудила.

Она выглядела усталой и озабоченной, но он отметил, как хорошо она была одета. Менее наблюдательный глаз, возможно, и не уловил бы в простоте ее платья и в том, как она носила свою одежду, вызов сердца и ума, брошенный заурядности. Многие женщины под ударами судьбы переставали обращать внимания на такие вещи.

— Я хочу, чтобы вы мне помогли, если можно, — сказала она. — Скверно будить людей, даже если тебе нужна помощь. Я виделась с доктором Макдональдом и узнала, что сегодня утром вы его навестили.

Она замолчала, уверенная, что выразилась достаточно ясно. Хейли наклонился, чтобы поднять табакерку, которая упала на землю.

— Я слышала, вы были необычайно удачливы в прошлых делах? — Она перевела дыхание. — Если ты не убивал, значит, ты невиновен, вы не находите?

— Да.

— Хорошо, я даю вам слово, что доктор Макдональд не убивал мою тетю. Следующее — можем ли мы доказать, что он этого не делал?

Черты ее лица оживились, что только усилило красоту. Доктор Хейли невольно испытал на себе всю силу этого очарования.

— Я не знаю, как мы можем это доказать, — ответил он.

— По крайней мере, стоит попробовать, не так ли? — Она подошла к нему и доверительно сжала его руку. — Я могу рассчитывать на вашу помощь?

— При одном условии.

— Да?

— Вы должны откровенно отвечать на все мои вопросы — от первого до последнего.

Уна кивнула. — Обещаю. — Она села на траву и пригласила его сделать то же самое. Желтеющий папоротник огненный ореолом обрамлял ее лицо.

— С чего мне начать?

— Прежде всего я хотел бы знать о ваших отношениях с тетей.

Она нахмурилась.

— Я думаю, мы были соперницами.

— Соперницами?

— Я жена Оуэна и мать Хэмиша. Но я не Грегор, как они. — Она сорвала стебелек тимьяна и принялась его рассматривать. — Возможно, я не придавала этому должного значения. — Внезапно она подняла голову и уставилась на Хейли. — Смысл жизни моей тети заключался в том, чтобы быть Грегором во всём. Имя Грегор — это ее муж и ребенок. Вот ради чего она жила.

— Вы бы этого не сказали, будь она жива, не так ли?

— Возможно, нет. Но если нет — извините. Сейчас я думаю, что ей было очень грустно, очень одиноко. Она до смерти завидовала тому, что имела я, и чего не было у нее: любви Оуэна, любви Хэмиша, возможно, даже любви Дахлана. Она хотела... — Она прервалась, но ее губы всё еще шевелились в поиске слов, способных правильно выразить мысль. — Она видела будущее в продолжение семьи. Будущее принадлежит матерям. Так как она не могла нарожать себе детей, которые любили бы ее, значит, у нее должны быть дети, которых бы любила она. Похоже на обычный материнский инстинкт.

Она снова прервалась. Доктор Хейли кивнул.

— Понятно.

— Я чувствую себя ужасно жестокой. Словно говорю об уродстве.

— Вы знаете, у уродов имеются собственные способы забыть о страданиях.

— Думаю, что да.

— Я полагаю, таким способом для мисс Грегор была семейная честь. Я заметил, что ее спальня набита всякого рода фетишами — ничтожными поделками, выполненными ею в разное время.

— Да, я тоже это заметила. Однажды я хотела отдать старое пальто Хэмиша деревенскому мальчику, и это привело ее в ужас. Пальто исчезло, и Кристина сказала, что тетя сожгла его. В то же время она не возражала, чтобы матери ребенка отошло что-нибудь из моих вещей. Одежда Дахлана всегда убиралась вверх, в гардеробную, для отправки в китайскую миссию.

— Для жертвоприношения.

Она резко подняла брови.

— Да, она так и сказала мне, и этим пропитана вся жизнь в Дахлане.

Она отщипывала от тимьяна мелкие кусочки и бросала их. — Когда я поняла, что происходит, я начала возмущаться. Мои нервы обострились до предела. Однажды мое терпение лопнуло, и я сказала ей, чтобы она прекратила вмешиваться в воспитание Хэмиша. Она ударилась в слезы и закатила тихую истерику. Бедняжка, я слышала ее уверения, что она ни в коем случае не хотела вмешиваться. Но я испугалась ее. Ее взгляда. Она пожаловалась моему тестю, что я жестоко обошлась с ней. После этого, казалось, я оскорбляю воздух уже одним тем, что дышу. С каждым днем становилось всё хуже. Доктор Макдональд, наверное, говорил вам, что я сбежала?

— Да.

Она покачала головой. — Он объяснил вам, почему я убежала?

— Да.

— Полагаю, мне не хватило хладнокровия не делать того, что я сделала, но я ужасно разозлилась. Казалось невероятным, что они могли подозревать доктора Макдональда, к тому же, я сильно переживала за Оуэна и Хэмиша.

Она резко вздохнула.

— Выскочив за дверь, я сразу почувствовала себя другим человеком. Но я также почувствовала, что назад дороги нет. Это было похоже на пробуждение от настоящего кошмара. В этом доме ни муж, ни ребенок не принадлежали мне. Только сбежав из дома, я снова почувствовала себя женой и матерью. Я хотела вернуться на родину, в Ирландию, хотела оттуда написать Оуэну, что если он хочет быть со мной, то должен позаботиться о собственном доме.

Она помолчала, потом с усталостью в голосе продолжила:

— Нелегко быть независимым, когда у тебя нет денег. Фактически я находилась на иждивении мисс Грегор. Помощи Оуэна было недостаточно, чтобы содержать жену и ребенка в более-менее нормальных условиях.

— Она выделила вам денежное содержание? — спросил доктор Хейли. Он внимательно наблюдал за ней, полагая, что сведения Дахлана о финансовых договоренностях в замке могли быть неточными.

— Нет. Она ввела правило, согласно которому я могла покупать себе одежду, но в определенных магазинах. Счета оплачивала она. Сама бы я никогда не пошла в такие магазины. Знаете, милые, старомодные заведения без претензий на современность. Фактически это означало тотальный контроль и подотчетность всех моих действий. — Немного помолчав, она добавила:

— Дахлан расщедривался, правда, очень редко на несколько фунтов. Но при этом неизменно спрашивал, на что я хочу потратить его деньги.

— Ваш муж совсем ничего не давал?

Она резко подняла голову. Ее глаза вспыхнули.

— Что он мог? Если честно, Оуэну нельзя было жениться. Ему не на что содержать жену. Он не в состоянии иметь собственный дом. Ему с самого начала внушили, что девушка, которая выйдет за него замуж, будет жить в его семье. Я уверена, он просто не знал, что это такое. Мужчинам никогда не понять, что одна женщина может причинить страдания другой.

— Все это вы рассказали доктору Макдональду?

— Да.

— Что он ответил?

— Он сказал, что Оуэн любит меня, и со временем у нас все образуется.

— Это было в ту ночь, когда вы сбежали из Дахлана?

— Да. — Она немного помедлила, затем продолжила:

— Доктор Макдональд уговаривал меня вернуться в Дахлан. Он убедил меня еще до приезда Кристины.

Доктор Хейли кивнул.

— Как старики восприняли ваше возвращение в замок?

— Не особенно хорошо. Они были в ярости, но притворились расстроенными. Это не помешало им на следующий же день устроить за мной слежку.

Ее щеки залил румянец, когда она рассказала, как попросила доктора Макдональда о встрече в каком-нибудь уединенном месте, где бы их не потревожили.

— Я чувствовала, что если останусь одна, случится что-то непоправимое — в таком состоянии были мои нервы. Друг, которому можно довериться в трудную минуту — величайшее благо; кроме того, доктор Макдональд знал, на что похожа жизнь в Дахлане. — Она нахмурилась и закусила губу.

— Тетя проследила за мной от самого дома. Когда я вернулась, незадолго до ужина, она подошла ко мне и сказала, что видела нас. Вечер прошел спокойно, но на следующий день Дахлан выговорил мне в ее присутствии. Я взорвалась и сказала им, что решила уйти от Оуэна, если он не заберет меня отсюда.

Ее взгляд, красноречивее всяких слов, свидетельствовал о том кошмаре, в котором она жила. Она разделала еще один стебель, усыпав землю вокруг себя мелкими цветами.

— За ужином я не появилась. Но вечерней почтой я получила письмо от Оуэна, которое все изменило. Он сообщал, что проиграл огромную сумму денег и едет в Дахлан, чтобы попросить у тети Мэри взаймы. Если она откажет, ему придется с позором оставить военную службу. Письмо заканчивалось обращением ко мне поступиться личными чувствами и помочь ему во имя сына. — Она подняла глаза и натолкнулась на взгляд доктора. — Вот почему я отправилась к тете Мэри после того, как доктор Макдональд осмотрел Хэмиша.

Доктор Хейли протер монокль и вставил его в глаз.

— Разве Макдональд был всё еще в детской, когда вы пошли в комнату мисс Грегор?
— спросил он.

— Да. Я оставила его там.

— Где вы встретились с ним снова?

— В курительной комнате. Он спустился туда. Я сказала ему, что решила сделать все возможное ради Оуэна. Из-за жары окно было открыто. Спальня моей тети, как вы знаете, располагается этажом выше. Мы слышали, как она пересекла комнату, подошла к окнам и закрыла их.

— Макдональд ничего не говорил мне об этом.

В голосе доктора Хейли прозвучало сомнение. Он увидел, как девушка покраснела.

— Он не сказал из-за меня.

— Потому что вы были одни в комнате?

— Да. После того, как тетя Мэри закрыла наверху свои окна, мы услышали звук моторки Оуэна. Мой тесть, должно быть, услышал его тоже, поскольку через минуту мы уже слышали, как он спускается вниз. Доктор Макдональд не хотел с ним встречаться. Он выбрался через открытое окно и пошел вокруг дома к своей машине. Я выключила свет и дождалась, пока тесть не откроет входную дверь.

— Что? Макдональд выбрался через окно? — У доктора Хейли выпал монокль.

— Чтобы не столкнуться с тестем. Я рассказала ему о ссоре перед ужином. Дверь курительной была закрыта, входная дверь заперта, и если бы не окно, тесть, конечно, увидел бы его.

— Понятно.

— В той ситуации это был единственный выход, и то, что он в такую минуту подумал о нем, явилось для меня спасением, не дав моей тете лишнего повода для разговоров.

— Что было потом?

— Я вернулась к себе в комнату. Оуэн пришел ко мне...

Она замолчала. В ее глазах стояли слезы.

Глава XXV. Методом исключения

— Вы можете мне сказать, — мягко спросил доктор Хейли, — что конкретно произошло между вами и вашим мужем?

Уна взяла себя в руки, но пальцы все еще теребили траву.

— Оуэн рассказал мне о своем проигрыше, — сказала она.

— Он прошел сразу к вам?

Она посмотрела на коричневые паруса двух рыбацких лодок, умиротворенно застывших на озере вдали от берега.

— Нет.

— К мисс Грегор?

— Да.

— Он сказал вам, что ходил к ней?

— Да.

Ее голос был едва слышен. Бросив на нее короткий взгляд, доктор Хейли спросил:

— Он сказал, что дверь в спальню заперта?

— Да.

— И что он постучался, но она отказалась открывать ему?

— Он просто сказал, что она не открыла.

— Ничего не ответив ему?

— Нет.

— У нее был чуткий сон?

— Даже очень.

— Значит, он подумал, что она не ответила ему из-за того, что рассердилась на вас?

Девушка резко выдохнула.

— Да.

— Он был зол на вас?

— Расстроен.

— Вы сказали ему, что решили извиниться перед своей тетей?

— Да, сказала.

— И?

— Он так расстроился, что... не поверил мне. Он сказал, что я... погубила его... — Она внезапно повернулась. — Я рассказала доктору Макдональду о проигрыше Оуэна, и он предложил мне деньги. Оуэн расстроился еще больше...

Она не договорила и закрыла лицо руками.

— То есть, предложение, сделанное подобным образом, показалось вашему мужу подозрительным?

— Моя тетя написала ему.

— Сообщив, что вы увлеклись Макдональдом?

— Намекала на это.

Глаза доктора сузились.

— Макдональд предлагает деньги, мисс Грегор не хочет его пускать — все эти факты, вместе взятые, убедили его, что сигналы были правильными?

— Думаю, да.

— Он обвинил вас в измене?

— Да.

— А дальше?

Она подняла голову; ее заметно трясло.

— Он был сломлен.

— Он не пытался извиниться за проигрыш?

— О, нет.

Доктор Хейли колебался.

— Я сдержал обещание, данное вам, — сказал он, — относительно синяков на вашей шее. Я хранил молчание. Но теперь, думаю, пришло время рассказать мне, как...

— Нет, прошу вас.

Ее глаза расширились от ужаса. Она внезапно выбросила вперед руки, словно защищалась от нападения.

— Помнится, вы обещали мне полную откровенность.

— Я не могу сказать вам.

— Означает ли это, что ваш муж позволил себе?..

Она снова закрыла лицо руками.

— Не спрашивайте меня.

Он слегка нахмурился, но не стал развивать тему.

— Скажите, — спросил он, — вам не показалось странным, что мисс Грегор отказалась встречаться с племянником?

— Выглядело это очень странным.

— Почти невероятным?

— Да. Тетя Мэри любила Оуэна.

— Вам всё еще это кажется странным?

Уна вздрогнула.

— Что вы имеете в виду?

— Вам всё еще кажется странным, что ваша тетя отказалась разговаривать с вашим мужем?

Она покачала головой.

— Теперь нет.

— Почему?

— Я думаю, она была мертва.

Было очевидно, что последняя фраза далась ей с трудом. Лицо доктора омрачилось.

— Если так, — сказал он, — то убил ее либо доктор Макдональд, либо ваш муж.

— О, нет.

— Правда ли, что, узнав о ее смерти, вы испугались, потому что подумали, что ее убил ваш муж?

Она опустила голову и не ответила.

— Это правда?

Вдруг она посмотрела ему в глаза.

— Я не могу ответить точно, потому что испытываю смешанные чувства. Всё было так, как вы сказали в Даррох Море. Если вы спросите меня, способен ли Оуэн на убийство, я отвечу, что, скорее всего, нет. Но когда вы говорите, что убийство состоялось, мне делается страшно. Представим, что в какой-то ужасный, неконтролируемый момент...

— Ваш муж признался, что убил свою тетю.

— Что?!

Глаза Уны распахнулись, она вытянула руки перед собой, словно пыталась сдержать опасную лавину. Тело начало раскачиваться по мере того, как цвет сходил с ее лица. Доктор Хейли обнял ее.

— Позвольте сразу сказать вам, что я не верю ему, — заверил он.

Она попыталась взять себя в руки и успокоиться.

— Почему вы не верите ему?

— Потому что даже если допустить, что у него была возможность попасть в спальню, выйти из нее он точно не мог. Дверь была заперта изнутри.

Она посмотрела на него пустыми, круглыми от страха глазами.

— Кто-то вышел из спальни?

— Да.

Она покачала головой. Было видно, что независимо от того, что подсказывало ей сердце, разум уже вынес приговор.

— Я знаю, — с твердостью в голосе заявила она, — что доктор Макдональд не заходил в комнату моей тети. Что бы ни говорило в пользу этой версии, она неправильная. — Девушка покачала головой. — И кто-то вошел...

— Кроме вашего мужа в доме были еще Дахлан и Ангус, волынщик.

— Дахлан не убивал тетю Мэри. — Она положила руку на запястье доктора. — Это правда, что тетю Мэри и мистера Дандаса убил один и тот же человек?

— Почти наверняка.

— Как же мог Дахлан убить мистера Дандаса?

Доктор Хейли пожал плечами. — Не знаю. — Спустя мгновение он добавил: — Ваш муж признался и в этом убийстве. Но опять же есть достаточно доказательств, что он не делал этого.

— Каких доказательств?

— То, что его не было в комнате, когда я уходил оттуда. Он говорит, что прятался в кровати. Чувшь.

— Доктор Макдональд был в комнате с мистером Дандасом, когда вы его оставили?

— Он вернулся в комнату.

Она коснулась рукой лба.

— Я знаю, что доктор Макдональд не убивал мою тетю. Значит, он не убивал и мистера Дандаса.

Доктор Хейли поправил монокль. Выглядел он озабоченным.

— Похоже, Дахлан знал, что доктор Макдональд выбрался из курительной через окно.

— Почему вы так говорите?

— Потому как очевидно, что он подозревает Макдональда в убийстве своей сестры. Кстати, с вашей помощью.

Он внимательно наблюдал за Уной, пока говорил. К его удивлению, она не стала оспаривать это предположение:

— Утром он увидел следы доктора Макдональда под окном и присыпал их землей.

— И сказал об этом вам?

— Да.

— Что рассказали ему следы?

— Он понял, что это был доктор Макдональд, потому что следы различались. Один из них...

— Да, я знаю. Но я не это имел в виду. О чем он подумал, когда увидел следы Макдональда?

Она колебалась. Затем на лице появилась решимость.

— Он подумал, что доктор Макдональд выпрыгнул из окна моей тети, — сказала она вполголоса.

— То есть он решил, что вы виновны в ее смерти?

— Да.

— Он сказал вам об этом?

— Да.

— И предложил самой решить свою судьбу?

— Да.

— Что он при этом сказал?

— Он сказал, что доктор Макдональд убил тетю Мэри, чтобы заставить ее молчать. Потом он сказал, что засыпал следы доктора землей, дабы оградить Оуэна и Хэмиша от того позора, который я учинила, помогая любовнику. «Вам остается только одно, — сказал он, — прекратить мучить себя и своего мужа. Пожалейте хоть его, если самой нравится болтаться на виселице». И добавил: «Прилив в два часа».

Ее голос звучал ровно. Казалось, она рассказывает о каких-то далеких событиях, не имеющих к ней никакого отношения.

— И вы, — спросил доктор Хейли, — испугались, хотя считали, что настоящим убийцей был ваш муж?

— Я боялась, что так могло быть.

— Я был прав, полагая, что ваша смерть снимет с него подозрения?

Уна опустила голову.

— А разве не так?

Доктор покачал головой. — Может быть. Но это также бы ударило по доктору Макдональду.

Она вздрогнула.

— О, нет. Дахлан скрыл эти следы. Он никогда бы не сказал, что обнаружил их, чтобы не впутывать Оуэна.

— Позвольте, инспектор Барли сам обнаружил следы. Вашу смерть повесили бы на Макдональда.

Она нахмурилась и прикусила губу.

— Я не думаю, — осторожно заметила она, — что доктора Макдональда можно было подозревать, если бы инспектора Дандаса не убили. Инспектор не подозревал доктора Макдональда.

Доктор Хейли кивнул, признав замечание справедливым.

— Я все тщательно продумала, — продолжила она. — Я патологическая трусиха и ужасно боюсь. Как представишь, что прилив поднимает со дна мутный ил, гнилые коряги, скользкие водоросли и прочую грязь, в которых ты будешь барахтаться, становится тошно. Но я решила, что буду плыть до озера, пока хватит сил, потому что у ручья очень сильное течение, отгоняющее воду от берега, а уж там чистота и забвение. Единственным оправданием для меня служило то, что моя смерть положит конец всем несчастьям. Я понимала, что Оуэн ужасно разочарован. Будь я жива, он отдалился бы от меня, а Хэмиш, увидев мое унижение, был бы вынужден выбирать между своим отцом и мной. Кому нужна такая жизнь?

Она печально покачала головой.

— Я говорю так, словно всё это было не сейчас, не здесь и не со мной. Если Оуэн обвиняет себя, то, вероятно, только потому, что он храбрый человек и джентльмен, который

считает естественным пожертвовать собой во имя жены и сына. Воспитанный в другой среде, он должен был смотреть на меня как на капризного и своенравного ребенка. Если я буду жить, проблемы никуда не исчезнут. Он никогда не поймет меня и не простит, а я никогда не смогу стать ему той женой, которая ему нужна и которой он достоин.

— Если можно так выразиться, вы поставили неверный диагноз. Также я уверен, что вы полностью заблуждаетесь. Истина состоит в том, что вы пытаетесь пожертвовать собой ради мужа и ребенка, а ваш муж пытается пожертвовать собой ради вас. Другими словами, ваш муж разделяет опасение своего отца, что вы можете быть виновны. Это, как я уже говорил, является презюмирующим доказательством* того, что ни вы, ни Макдональд, ни ваш муж, ни ваш тесть невиновны. Таким образом, методом исключения мы приходим к Ангусу.

С дорожки позади них донеслись шаги. Доктор Хейли повернул голову и увидел приближающегося Дахлана.

Глава XXVI. Обжегшись на молоке

В последние дни Дахлан заметно сдал; шел медленно, с трудом передвигая ноги. Но черты лица сохраняли привычное выражение. Он подошел к доктору Хейли, который поднялся ему навстречу.

— Я разыскивал вас, — сказал он, задыхаясь, — по поводу заявления Барли. Он говорит, что мой сын дал признательные показания.

Он кивал головой в такт словам, не сводя глаз с доктора и полностью игнорируя невестку.

— Ваш сын сделал официальное признание, — сказал доктор Хейли.

— Чушь. Оуэн никогда бы не убил свою тетю.

Голос старика сорвался до пронзительного крещендо. Гнев на лице смешался со страхом.

— Я могу доказать его невиновность, — воскликнул он. — Вы слышите, я могу это доказать.

Он продолжал избегать Уну, даже не посмотрел в ее сторону. Несмотря на кажущееся безразличие было очевидно, что вспышка старика предназначалась именно ей. Доктор Хейли поправил монокль.

— Я не думаю, — заметил он, — что инспектор Барли всерьез воспринял признание вашего сына.

— А? Что вы сказали?

Доктор повторил. К его удивлению старик не успокоился.

— Не говорите глупостей, — возмутился Дахлан. — Если человек, занимающий такую ответственную должность, как мой сын, признается в убийстве, значит, к его словам нужно относиться всерьез.

— Почему?

— Почему? Потому что, нужно полагать, он делал свое заявление обдуманно. — Глаза старика сверкнули. — Правда в том, что он покрывает тех, чья вина может быть доказана и кто недостойн его жертвы. — Он повернулся спиной к Уне. — Мы не могли бы переговорить с глазу на глаз?

Доктор Хейли покачал головой.

* То есть косвенным.

— Лучше я выслушаю вас здесь. Хотя, мне кажется, ваша невестка уже всё рассказала.

— О чем?

— О том, как вы обнаружили следы доктора Макдональда под окном спальни вашей сестры.

Дахлан пошатнулся, но позы не изменил.

— Я обнаружил следы: один с гвоздями, другой — без. Все бы сразу поняли, что парень выпрыгнул из окна моей бедной сестры, совершив свое мерзкое преступление. Это я присыпал следы, иначе бы убийство связали с моей невесткой. — Он глубоко вздохнул, кивнув головой. — Были ли мои действия противозаконными? Были. Но она мать моего внука, который однажды станет Дахланом. Можно ли винить старика в том, что он пытался избавить своих мальчиков от несмываемого позора и бесчестия? Но Бог все видит: шила в мешке не утаишь. Донкихотство моего сына невольно заставило меня нарушить молчание. Мог ли я стоять в стороне и наблюдать, как невинного человека, моего сына, ведут на смерть, держа в тайне сведения, в которых было его спасение? Те, кто пролил кровь невинных, должны ответить за свои ужасные злодеяния.

Его голос дрогнул. Щеки окрасил слабый румянец. Но этот универсальный признак жизни сейчас ни коим образом не говорил о человеколюбии. Черные глаза наполнились жестким, холодным блеском. Доктор Хейли отступил назад, чтобы посмотреть на Уну. Она сидела на траве, продолжая обрывать стебли тимьяна. — Вы считаете возможным обвинить доктора Макдональда в убийстве вашей сестры, — тихо спросил он, — только на основании обнаруженных вами следов?

— Это не так.

Дахлан усмехнулся. Он поднял руку, как будто хотел схватиться за воздух.

— Наверное, откровения моей невестки не затронули ее отношений с Макдональдом?

— Напротив, сэр.

— Зачем тогда спрашивать, если единственным доказательством вины остаются следы?

— Вы считали, что отношения между вашей невесткой и доктором Макдональдом носили предосудительный характер.

Старик вздрогнул.

— Свидетельство моих чувств вынудило меня прийти к тому выводу, к которому я пришел.

— Это когда мать, у ребенка которой проявляются тревожные симптомы, посылает за доктором?..

— Нет. Категорически нет. Это когда жена, которая пренебрегает ближайшими родственниками своего мужа, тайно, под покровом темноты, встречается с другим мужчиной.

— Вы еще до того, как эти встречи начались, выдвигали обвинения, которые подтолкнули бы любую женщину к скрытности.

— На то были свои причины, уверяю вас.

— Какие причины?

Голос доктора Хейли сравнялся по силе с голосом Дахлана. Глядя старику прямо в глаза, доктор не обратил внимания на выпавший монокль.

— Доктора вызывали по каждому чиху. Моя дорогая сестра была лишена возможности присутствовать на этих визитах.

— Понятно. И только на основании этого вы были готовы поверить, что ваша невестка изменяет своему мужу?

— Мы оба, Мэри и я заботились о чести Оуэна.

— Поскольку мисс Грегор была отстранена от консультаций с доктором Макдональдом, она и вы тоже начали подозревать, что эти консультации по существу служили ширмой.

— Макдональд вызывался по самому незначительному поводу.

— Матерью, чей ребенок бился в судорогах.

Последнюю фразу доктор Хейли произнес медленно, выделяя каждое слово. Не получив ответа, он спросил:

— Разве не очевидно, что вы и ваша сестра страдали излишней подозрительностью в отношении невестки?

— Я вас не понимаю.

— Я имею в виду, что вы были готовы подозревать ее, возможно, даже подозревать умышленно.

— Бред какой-то.

— По собственному признанию, вы нашли в естественной обеспокоенности молодой матери повод для тревоги.

— Нет.

— Мой дорогой сэр, когда ваша невестка посылала за доктором, вы с мисс Грегор каждый раз усматривали в этих визитах нечто аморальное.

Старик нахмурился, оставив слова доктора без комментария. Хейли продолжил:

— И при этом, опять же по вашему собственному утверждению, вы вынуждали ее принимать ваши подачки. Вы всеми средствами стремились уязвить ее гордость и уничтожить женственность. Ни один мужчина не пожелает таких наказаний для женщины. Отсюда я прихожу к выводу, что вы действовали под указку вашей сестры.

— Моя сестра, я говорил об этом Барли, обладала собственными средствами. У меня нет ничего, кроме этого. — Он показал на лес и озеро. — Моя сестра не обязана была отдавать моему сыну и его жене всё до пенни. Оуэн женился, не послушав наших советов.

— Почему он должен был послушаться ваших советов?

— А почему моя сестра должна была давать ему свои деньги?

Доктор Хейли покачал головой.

— Для меня, наблюдающего за событиями большей частью со стороны, — рассуждал он, — предельно ясно, что ваша сестра, получив жену вашего сына на свое попечение, любыми путями пыталась сделать ее жизнь невыносимой. Лично я думаю, что подобная тактика преследовала определенную цель, а именно — разлучить мужа и жену. Тактика не удалась. Ваша невестка осталась здесь, вопреки всему, но росла вероятность переезда в собственный дом. Необходимо было сменить тактику, причем немедленно. Ваша сестра сумела, — каким образом, я не знаю, — убедить вас, что визиты доктора Макдональда были, мягко говоря, не совсем визитами доктора.

— Я сам видел, что они выходили за рамки обычных врачебных визитов. Их продолжительность...

— Мой дорогой сэр, когда случай серьезный, никто не думает о продолжительности визита врача.

Лицо Духлана побелело от гнева.

— Говорю вам, — воскликнул он, — я подумал, некоторым...

— Именно.

Доктор Хейли в упор посмотрел на него и добавил:

— Поэтому я предполагаю, что совершенно обычное поведение Макдональда было превратно истолковано вами по аналогии с каким-то другим, давним случаем. Обжегшись на молоке, дуют на воду.

Слова были произнесены тихо. Но они произвели не меньший эффект, чем если бы их выкрикнули. Дахлан пошатнулся.

— Нет, нет, — прохрипел он.

— Когда такая же молодая жена...

Никакой реакции не последовало. Мускулы лица старика расслабились, челюсть отпала. Еще через мгновение он стоял, прислонившись к дереву.

— Вы говорите о смерти моей жены? — выдохнул он.

— Да.

— Она... — Приступ кашля сотряс тело Дахлана. Он повернулся и ухватился за ветку, нависшую над ним. Доктор Хейли подошел к нему.

— Я знаю об обстоятельствах смерти вашей жены, — сказал он. — И о событиях, которые предшествовали ей, и о ранении вашей сестры.

— Мэри была неповинна.

— Безусловно. Но ее обвинения...

Дахлан сделал категоричный жест.

— Ее обвинения были справедливыми. — Слова давались ему с трудом.

— По крайней мере, вам удобно так думать. И вот всё повторилось. Несомненно, мисс Грегор применила против вашей невестки те же методы, что когда-то применяла против вашей жены, а именно: непрерывное и упорное вмешательство, беспощадная критика и намеренное искажение фактов. Эти методы, полагаю, выражали ее ревнивую ненависть к сопернику, присутствие которого в замке угрожало ее положению. Она довела вашу до насильственных действий; а вы, несомненно, довели дело до конца, проявив черствость и бездушие, те же самые, что потом сыграли роковую роль в случае с вашей невесткой, когда вы предложили ей покончить жизнь самоубийством.

Пламенную отповедь Хейли не остановил даже печальный вид старика.

Глава XXVII. Мужской разговор

Доктор Хейли вернулся в замок один. Барли ждал его.

— Мое расследование завершено, — такими словами встретил его детектив. — Я нашел топор, которым было совершено убийство мисс Грегор.

Из ящика туалетного столика в своей спальне он достал небольшой топор и протянул его своему компаньону.

— Смотрите, мой дорогой Хейли, — указал он, — к рукоятке прилипла селедочная чешуйка. Топором этим обычно колют дрова, но повариха призналась, что на днях пользовалась им, чтобы разрубить большую кость для бульона. До этого она чистила им селедку.

Доктор Хейли сел и взял понюшку табака.

— Не забывайте, — сказал он, — о чешуйке на голове Дандаса.

— Довольно. Я уверен, что его ударили свинцовым грузилом. Я осмотрел лодку доктора Макдональда. Вся в рыбьей чешуе. Он заядлый рыбак, ведет промысел в открытом море, нередко используя селедку в качестве наживки.

Барли засунул большие пальцы в проймы жилета, широко расставив остальные.

— Не скрою, — заявил он, — я симпатизирую, безмерно симпатизирую миссис Оуэн. Тетка превратила жизнь бедной женщины в ад и, возможно, получила то, что заслуживала. Однако не будем обманывать себя — убийство есть убийство. О преднамеренном, обдуманном и расчетливом характере которого свидетельствует этот топор, который взяли в кладовке под лестницей, и заранее приготовленная веревка, чтобы убийца мог сбежать. Заперев утром окно в спальне мисс Грегор, Макдональд, вероятно, почувствовал себя вне подозрений.

В ответ Доктор Хейли передал содержание разговора с Уной и Дахланом, получив, по обыкновению, самого внимательного слушателя.

— Тем более! — эмоционально резюмировал Барли. — Факт обнаружения следов Дахланом, по моему скромному мнению, имеет решающее значение. Какой нелепый аргумент в защиту — сказать, что врач покинул дом своего пациента через окно, испугавшись встречи с бедным, немощным стариком!

— Макдональд, напомню, не скрывал своих следов. Он оставил эти следы, чтобы подкрепить ими свою историю, безусловно, свидетельство непростительной беспечности убийцы.

Барли пожал плечами, после чего развел руками.

— Да, конечно. Я согласен. Но в конце концов этого мало! Я заранее извиняюсь за не очень профессиональный подход, который, вообще говоря, я не одобряю, но если не Макдональд совершил это убийство, то кто? Опять же, конечно, мы имеем право спросить *Cui bono*?* Несомненно, Макдональду. Только он имел доступ к убитым. Только он мог выйти из комнат, где совершались убийства. Он оставил следы, безошибочно указывающего на него. И, положа руку на сердце, я не понимаю, какие еще могут быть сомнения в его вине?

Он прервался и в течение нескольких минут разглядывал ковер.

— Час назад, — продолжил он, — я запросил ордер на арест доктора Макдональда и миссис Оуэн Грегор. Думаю, арест будет произведен не позднее завтрашнего утра.

— Ваше обвинение, безусловно, будет строиться, — спросил доктор Хейли, — на том предположении, что Макдональд и миссис Оуэн были любовниками?

— Безусловно.

— У вас есть прямые доказательства этому?

— Косвенные. Если причины встреч миссис Оуэн с Макдональдом были исключительно невинными, всё равно остаются последствия. И мужчина, и женщина знали, что мисс Грегор расскажет о них своему племяннику; оба имели четкое представление, что за этим последует. Поэтому мотив убийства остается прежним и, я считаю, должен оставаться в силе, даже если предположить, что эти встречи проходили абсолютно *en règle***.

— Невинность не убивает.

Барли нахмурился. Он принялся расчесывать усы с необычайной резвостью.

— Именно поэтому, — заявил он, — я полагаю, что отношения не были невинными.

— Вы серьезно считаете, что Макдональд ваш человек?

Лицо Барли приняло странное выражение. Казалось, обычный человек сбросил маску полицейского.

* Кому выгодно? (лат.)

** Легально (фр.)

— Я считаю, мой дорогой доктор, — воскликнул он, — что вы не должны задавать мне таких вопросов. Это все равно что... — Он поднял руку. — Все равно что спросить хирурга, считает ли он жестоким брать в руки скальпель. Я могу симпатизировать Макдональду, могу сочувствовать ему. Но единственное, чего я не могу сделать, единственное, чего я не должен делать, — это вносить элемент личных пристрастий в расследование дела.

Доктор Хейли покачал головой.

— Почему нет?

— Потому что детектив в первую очередь является наблюдателем. Вы сами прекрасно знаете, как личное уравнение* способно влиять на научное наблюдение. То же самое и здесь. Если вы начнете искать героев и злодеев, вы никогда не найдете своего убийцу.

— Вы согласны признать, что если отношения Макдональда и миссис Оуэн носили невинный характер, то ваше дело против них, грубо говоря, развалится?

Барли пожал плечами.

— Это спорный момент, — довольно резко ответил он. — А на споры, к сожалению, у меня нет времени. — Он поднялся, взял топор, который доктор положил на туалетный столик, и убрал обратно в ящик.

Доктор Хейли оставил инспектора и отправился в свою спальню. Он лег на кровать и вскоре заснул. Проснулся он глубокой ночью. Он смотрел на меняющийся цвет облаков, недоумевая, который теперь час, но способность к критическому мышлению быстро вернулась к нему.

Ошибка Барли, по его твердому убеждению, заключалась в том, что он пренебрег характером мисс Грегор. Эта женщина была готова сеять подозрения и ненависть между мужем и женой; но мысль о том, что она была заинтересована в официальном разрыве их отношений, была ошибочной. Такие женщины и в страшном сне не могут представить себе развод и будут прилагать все силы, чтобы уберечь своих родственников от этого позорного процесса. Макдональд, похоже, знал об этом, а, следовательно, знал, что ему нечего бояться. Зачем тогда убивать? — Он безуспешно бился над этим вопросом, когда за дверью раздались торопливые шаги. Через мгновение в комнату ворвалась Уна.

— Оуэн уехал на моторке, — выпалила она.

Отрывисто дыша, она вцепилась в перила кровати. Глаза умоляли о помощи.

— У меня плохое предчувствие.

Доктор Хейли вскочил.

— Когда он уехал?

— Думаю, полчаса назад. Кажется, его никто не видел. Я хотела поговорить с ним, но он исчез. Я обыскала весь дом, потом увидела, что лодки нет. Ветер с берега, вероятно, он не стал заводить мотор, чтобы не привлекать внимания.

Она посмотрела на доктора, но его лицо оставалось бесстрастным.

— Где мы можем взять моторную лодку?

— В Ардморе.

Она схватила его за руку.

— Вы думаете, что... что ему угрожает опасность?

— Не исключено.

* Личное уравнение — термин, принятый в астрономии для обозначения ошибок или искажений наблюдений (измерений), обусловленных индивидуальными (физическими) особенностями наблюдателя.

Она успокоилась, и они вместе спустились вниз.

— Я не сказала Дахлану, — бросила она на ходу.

— Лучше ему не знать.

Они вышли из дома и поспешили к деревне. Один раз они остановились, чтобы прислушаться, но кроме шелеста ветра, ничего не услышали. Уна молчала, в проблесках лунного света, однако, было видно, как она переживает. Макдональд не лгал, говоря, что эта женщина любит своего мужа.

Лодочник закончил свой рабочий день и, похоже, не горел желанием продлевать его. Он стоял в дверях своего домика, откуда доносился запах жареной селедки, долго разглагольствуя о том, какая скверная у него лодка и как опасно выходить на ней в ночь. На слове «опасно» его круглое красное лицо приняло меланхоличное выражение.

— Я готова рискнуть, мистер Макдугалл, — предложила Уна.

— Уверяю, мистеру Оуэну ничто не угрожает. Он хорошо управляет лодкой.

Слова эти можно было расценить как отказ. Она покачала головой.

— Должно быть, у него заглох мотор, иначе в такую тихую ночь его слышно было бы за пять миль отсюда.

— Погода наладилась. До утра не стоит ждать неприятностей.

— Я не могу ждать до утра. Ни часа, ни минуты. Я слышала, у Сэнди Логана есть моторка?

— Да-да, у него есть.

Горец отвечал неохотно. Пусть делают, что хотят. Конкуренции он не боится. Он отступил назад, собираясь, очевидно, закрыть дверь, но в этот момент тарахтение лодочного мотора, поначалу слабое, затем более отчетливое, достигло их ушей. Мистер Макдугалл напряг слух.

— Лодка молодого Оуэна, — со знанием дела произнес он. — Вошла в бухту.

Он махнул рукой, словно хотел сказать, что не несет ответственности за происходящее.

— Почему вы так уверены? — спросил доктор Хейли.

— Звук, сэр. Каждый мотор звучит по-своему. Мотор мистера Оуэна — новый и лучший во всей округе, от Ротсея до Инверэри.

Механический звук набирал силу.

— Похоже, это Оуэн, — сказала Уна и посмотрела в сторону озера. — Я вижу его.

От домика они спустились к берегу. Лодка двигалась быстро и, казалось, держала курс на причал у дома доктора Макдональда. Доктор Хейли коснулся руки своей спутницы.

— Вы поняли, куда он направляется?

— О, да. — Она в тревоге повернулась к нему. — Чувствую, скоро случится что-то ужасное.

Он задумался.

— Предоставьте это дело мне, — наконец произнес он. — Если будем действовать вдвоем, есть вероятность потерпеть неудачу.

— О, я не могу вернуться в Дахлан.

— Из-за мужа?

Она не ответила. Луна теперь полностью освещала лодку. Оуэн стоял на корме. Уна схватила доктора за руку.

— Хорошо. — Она отошла на несколько шагов, затем вернулась. — Только обещайте, что вы не позволите ему... не позволите свершиться непоправимому.

— Обещаю.

Она исчезла среди теней. Он подождал, пока лодка причалит, затем направился к дому доктора Макдональда. Он достиг ворот как раз вовремя, чтобы разглядеть Оуэна, поднимающегося по крутой тропе к двери. Он пошел следом, двигаясь медленно и осторожно. В конце тропы он присел на корточки. Оуэна впустили, и он стоял в кабинете, окна которого были открыты. Выглядел он очень бледным, даже издали на его лице можно было угадать признаки сильного нервного напряжения. Появился Макдональд. Рук друг другу мужчины не пожали. Доктор Хейли ступил в глубокую тень между освещенными окнами и снова присел на корточки. Он услышал четкий, благовоспитанный голос Оуэна:

— Положение дел таково: я сделал всё возможное, чтобы они поверили, что я тот, кто им нужен. Я потерпел неудачу. Барли решил, что вы вместе с Уной убили мою тетку, затем, уже один, убили Дандаса. — Немного помолчав, он добавил: — Не поймите меня превратно, но мне кажется, он получил серьезные доказательства.

— Против меня, может быть, но не против вашей жены.

— Мой дорогой сэр, он останется ни с чем, если не докажет связь между вами и моей женой. Он думает, — в голосе Оуэна неожиданно для него самого появились стальные нотки, — что вы любовники. Так думала тетка, она даже написала мне об этом, так думает отец и, наверное, еще Кристина.

Он замолчал. Доктор Хейли услышал, как Макдональд пересек комнату.

— А вы? — спросил он.

— Я не верю.

— Благодарю.

Доктор Хейли выпрямился, шагнул в сторону от света и занял позицию для наблюдения за обоими мужчинами. Удивительно, но Оуэн был настроен не слишком дружелюбно.

— Я не хожу в розовых очках, — сказал он доктору Макдональду. — Никто не может быть благодарным тому, кто навлек подозрения на его жену. Я имею в виду, что не собираюсь дожидаться суда, хотя дело, как оно представляется другим, достаточно ясное. Но если я верю, что против Уны существуют веские доказательства, то я не настолько глуп, чтобы полагать, что весомость доказательств тем самым принижается. Ордера на ваш с Уной арест у Барли почти в кармане. Завтра он предъявит вам обвинения.

Он стоял лицом к Макдональду — мрачный, руки сжались в кулаки, мускулы напряглись до такой степени, что на мгновение доктору Хейли показалось, что он готовится к прыжку.

— Ваша жена невиновна, Грегор, — крикнул Макдональд. — Клянусь.

— Боюсь, мой дорогой друг, мы опоздали, никакие клятвы теперь не помогут. Вы и Уна будете осуждены за убийство. Честно говоря, шансы на то, что вас осудят, вас и ее, огромные. Барли, как я понял, обнаружил следы под окном моей тети. Он пришел к выводу, что никто, кроме вас, не мог совершить это убийство и, да простит меня Бог, я не вижу другого решения.

— Оно должно быть.

— Вы можете предложить его?

— Нет, но...

— Убийца кто-то из мужчин. Меня исключили. Возможности убить были еще у отца и Ангуса. — Он задумчиво повторил: — У отца и Ангуса.

После этого он посмотрел на Макдональда, но Макдональд бесстрашно перехватил

его взгляд.

— Для чего, черт возьми, мне убивать вашу тетку? — спросил доктор.

— Я же вам говорил. Барли считает, что ваша профессиональная карьера могла рухнуть.

— Только если бы вы развелись со своей женой. — Макдональд сделал шаг вперед. — Но я не верю, что вы бы сделали это.

Оуэн ответил не сразу:

— Боюсь, Барли совершенно не интересуется, чего я могу сделать, а чего не могу. Я здесь не потому, что верю в чью-то виновность. Я здесь потому, что доказательства, которыми располагает полиция, настолько убедительны, что она обречена решить дело против вас и моей жены в свою пользу. Они попросят присяжных рассмотреть вопрос о том, что могло бы произойти, если бы я получил развод, а не о том, был ли у меня шанс подать ходатайство о разводе. Невозможно угадать, как поступит тот и или иной человек в подобных обстоятельствах. Барли вправе считать, что дело шло к разводу.

Оуэн был настроен очень решительно. Он продолжил:

— Я пытался поставить себя на место присяжного — как бы я отнесся к этому делу? Боюсь, я вынужден был бы признать, что вы виновны.

Перчатка брошена. Он пришел за справедливостью, жажда которой горела в его глазах так сильно, что, казалось, доктор Макдональд вот-вот рухнет под силой этого взгляда.

— Что вы хотите от меня? — спросил он, словно под пыткой.

Оуэн нахмурился, но вскоре лицо его прояснилось.

— Простите, — сказал он, — но я хочу, чтобы вы умерли.

Глава XXVIII. "Готовы?"

Доктор Хейли подался вперед, чтобы расслышать ответ Макдональда. Он увидел, как доктор повел плечами.

— Хорошо.

— Расклад такой: если мы с вами выходим из игры, то на деле против Уны можно ставить крест. Вы не можете осудить мертвого человека, а ни одного человека нельзя признать виновным без суда. Не имея оснований для суда над вами, вряд ли бы они могли бы надеяться на успех против нее.

Макдональд кивнул.

— Да. — Пренебрежительным жестом он отбросил голову назад. — Что значит, — спросил он, — «выходим из игры»? Какая разница, в игре мы или нет?

— Не забывайте, я признался.

— Поскольку они вам не поверили, про этот пункт можно забыть.

Оуэн пожал плечами.

— Да, возможно. Однако после моей смерти признание, сделанное мной, приобретает совсем другой смысл. В свете этого, еще одна смерть, ваша, выводит Уну из-под удара.

Он вытащил из кармана портсигар и открыл его. Взяв сигарету, он начал постукивать кончиком по крышке портсигара.

— Моя лодка внизу, — сказал он. — Есть предложение прокатиться.

Он закурил. Его выдержка вызывала восхищение, но спокойная решимость в лице Макдональда была не менее впечатляющей. Доктор Хейли мог только сожалеть, что рядом с

ним не оказалось Барли — тому не мешало бы посмотреть, как ведет себя человек, которого он назвал убийцей, перед лицом смерти.

Он оставил свой пост у окна и поспешил вниз по тропе. Лодка стояла на причале. Он пробежался по нему и взобрался на борт. Нос лодки украшала палубная надстройка. Он нырнул туда, закрыв за собой дверь, но неплотно. Зажег спичку и увидел только несколько мотков каната да парусиновое ведро. Маловероятно, чтобы двое мужчин могли войти сюда.

Они пришли через несколько минут. Отчалили в тишине. Доктор Хейли заметил, что оба предпочли молчать. Вскоре шум двигателя сделал бы неразборчивой любую речь. Небольшое судно быстро набрало скорость и спустя несколько минут покинуло бухту. Через щель в двери он мог разглядеть огни Ардмора, удаляющиеся за вершины сосен на мысе Гарвел. Что задумал Оуэн Грегор? Иногда в его обзор попадало лицо молодого человека. Лунный свет отбелил его, но оно нисколько не утратило в решимости. Макдональд несколько приуныл, и оттого, как он порой поглядывал на небо, его становилось откровенно жаль. Через полчаса плавания Оуэн заглушил мотор. Волнение воды по бортам лодки и бурление под кормой ласкало слух; постепенно всё успокоилось, и наступила звенящая тишина.

— Пусть теряются в догадках, — сказал Оуэн. — Самоубийство это, убийство, а, может, просто несчастный случай. На такой глубине Лох-Файн прекрасно хранит секреты.

— Да.

— Вы умеете плавать?

Вопрос прозвучал неожиданно, как выстрел из ружья.

— Умею, но быстро устаю.

— Я тоже.

Лунный свет отразился от длинного, тусклого ствола. Доктор Хейли увидел, что Оуэн поднял тяжелый дробовик, который используется в охоте на уток.

— Я собираюсь вышибить ей дно, — сказал он, затем произнес: — Готовы?

— Последнее слово, Грегор. Знайте, что хотя ваша жена никогда ни о ком не думала, кроме вас, она мне нравилась. — Макдональд затих, но почти сразу добавил: — Конечно, она ничего об этом не знала.

— Спасибо, старина... Готовы?

Доктор Хейли распахнул дверь.

— Положите ружье, Грегор, — приказал он строгим тоном.

Глава XXIX. Неприятные слушания

Оуэн подчинился, положив ружье на колени.

— Дьявол, что вы делаете на моей лодке? — спросил он.

Доктор Хейли не ответил. Он покинул полубак и прошел на корму, где сидели двое мужчин.

— Безумцы, — сказал он. — Еще ничего не доказано. — Он обратился к Оуэну: — Она раскусила ваш план. Она была со мной в Ардморе и теперь ждет от вас новостей.

— У Барли ордер на ее арест. — Ответ был холодным и жестким.

— И что такого? Ордер еще не приговор.

— Уверен, приговор у них уже готов.

— Нет.

Убежденность доктора Хейли удивила не только компаньонов, но и его самого.

— А как же следы на клумбе? — воскликнул Оуэн.

— Которые ваш отец утром скрыл.

— И что?

— Убийца, взывающий к правосудию.

— Легко допустить промах.

— Вы бы сами допустили такой промах?

Оуэн подумал.

— Пожалуй, нет.

— Что в случае с Макдональдом означает — *конечно нет*.

— Почему?

— Потому что у него протез. Искусственные конечности подразумевают более аккуратное обхождение. Люди с ними редко прыгают.

Оуэн не ответил. Он внезапно наклонился и положил ружье на дно лодки. Его руки потянулись к стартеру двигателя.

— Подождите, — остановил его Макдональд и обратился к доктору Хейли:

— Я нахожусь здесь, — сказал он, — потому что дело Барли кажется мне настолько безукоризненно выстроенным в части косвенных доказательств, что сомневаться не приходится. Как я понимаю, опровергнуть их вы не можете. Если мы выйдем с вами на берег, завтра же нас с миссис Грегор арестуют и отправят в Эдинбург, где мы будем осуждены и повешены. Нет уж, лучше в воду.

Он говорил обдуманно, взвешенно, как человек, знающий цену своим словам.

— Вы так говорите, потому что знаете, что невиновны? — спросил доктор Хейли.

— Какое это имеет значение?

— Большое.

Горец придал деревянной ноге более удобное положение.

— На практике невиновность, которая не может быть доказана, — заявил он, — не лучше вины. Я не обманываюсь. На месте Барли я поступил бы точно так же. В конце концов, чего ему мудрствовать? Он докажет, что Грегор не совершал этих убийств; докажет, что мы с миссис Грегор были друзьями, что у нас были причины опасаться мисс Грегор и что у нас была возможность проникнуть в ее спальню. Если бы я не знал, что не убивал бедной леди, клянусь, я бы подумал, что, должно быть, убил ее.

Доктор Хейли покачал головой.

— Вы боялись мисс Грегор? — спросил он.

— Нет.

— Тогда откуда эти слова: «у нас были причины опасаться мисс Грегор»?

— Я хотел сказать, что так, возможно, подумает жюри.

— Вам так же хорошо известно, как и мне, что вопрос о разводе никогда не стоял. Это можно доказать.

— Как?

— Сославшись на капитана Грегора и его отца. — Доктор Хейли обратился к Оуэну:

— Вы угрожали жене разводом? — спросил он.

— Ни разу. Но, боюсь, я согласен с Макдональдом, что это не имеет значения. Барли вправе предположить, что развод был реален; присяжные подумают то же самое.

— С присяжными, полагаю, не всё так просто. Даже они должны принимать во внимание человеческий характер. Вы уверены, что ваша тетя хотела развода? А ваш отец? Для людей старой закалки развод по-прежнему стыд и позор. Любой шотландский суд присяжных поймет это, могу вас заверить. Кроме того, вы можете сказать скамье, что никогда не думали о разводе, никогда не говорили о разводе с женой, никаких угроз и намеков. И каким же идиотом тогда должен выставить себя Макдональд, если пошел на убийство, чтобы избежать опасности, которой не было.

— Мой дорогой сэр, — вмешался Макдональд, — обвинение будет противодействовать этому, заявив, что преступный ум теряет рассудительность. *Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним**.

— Нет. Я хочу сказать, что идея развода — плод воображения самого Барли, и это можно доказать. Всё дело построено на этой идее. Никакое жюри, повторяю, не поверит, что эти убийства были совершены врачом без какой-либо выгоды, который, совершив их, ничего не приобретал, но терял всё, если бы они были совершены. Опять же зачем убивать мисс Грегор, если жив Дахлан, если жив муж миссис Грегор? — Доктор Хейли нащупал монокль и вставил его в глаз. — Это слабое место в теории Барли. Мисс Грегор была не более опасна для вас, Макдональд, чем ее брат, а вместе взятые они были менее опасны, чем ее племянник, который уже был в курсе того, что происходит. Убийство без сильного мотива — раз. И совершенно бессмысленное убийство, если его целью было предотвратить развод — два. Я уверен, что эти аргументы способны привлечь внимание любого жюри.

Оуэн кивнул и завел мотор.

— Несомненно, вы правы, — сказал он. — Мы еще повоюем.

Лодка пришла в движение. Он потянул румпель и взял курс на Дахлан. Свет в замке призывно подмигнул им. Рядом, слева по борту, они увидели огни рыболовецкого судна, которое шло с уловом, сигнализируя скупщикам. Красные и зеленые огни предупреждали о приближении торговцев, неотступно следующих за рыбаками. Уна встретила мужчин на причале. Схватившись за стрингер**, она удерживала лодку, пока Хейли с Макдональдом не сошли на берег. После чего она прыгнула в нее, и они стали свидетелями страстных объятий.

— Пойду-ка я лучше проведу Барли, — заторопился Макдональд.

Они нашли детектива в курительной комнате, приятно, по крайней мере так казалось со стороны, общавшегося с Дахланом. Когда подошли Оуэн и Уна, доктор Хейли изложил свои соображения, подрывающие теорию Барли.

— Все говорит в пользу того, — подвел он черту, — что Макдональд знал, о чем писала мисс Грегор своему племяннику. Зло свершилось. Убивать в таких обстоятельствах было бессмысленно.

Барли по привычке вежливо отнесся к критике. Он склонил голову, молча признавая обоснованность аргументов. Затем, собравшись духом, показательным жестом отмел их в сторону.

— Нынешнее собрание, как вы понимаете, — заявил он, — случилось не по моей воле. Если слушания будут неприятными, прошу не относить это на мой счет. Мое расследование прежде всего опирается не на мотивы, как вам могло бы показаться, оно опирается на достоверные факты и наблюдения, каждое из которых прошли тщательную проверку. — Он поднялся и встал перед камином. — Существует три метода рассмотрения проблемы, — рассуждал он. — Первый из них — метод допущения. Можно допустить, что доктор Макдональд спрыгнул на клумбу под окном мисс Грегор. Также можно допустить, что отметины на железном штыре, выступающем из стены над указанным окном, говорят об

* Пр. 28:1.

** Продольный элемент набора корпуса судна, проходящий по борту или днищу.

использовании веревки. Вы допускаете, что доктор Макдональд покинул дом через окно курительной комнаты, выше которого, как вы знаете, находится спальня мисс Грегор. Ваше допущение не учитывает следов на штыре, в то время как мое, предполагающее, что отметины были оставлены веревкой, которой воспользовались, чтобы спуститься из окна мисс Грегор, объясняет и эти следы и следы на земле. В свете этого, любой актуарий* скажет вам, что мои допущения выглядят не в пример убедительнее ваших.

Он склонился вперед. Привычное благодушное выражение исчезло с его лица. Выглядел он, по мнению доктора Хейли, как актер, внезапно сорвавший маску.

— Необходимо также использовать метод дедукции. Смерти мисс Грегор предшествовала крупная ссора между ней и миссис Оуэн Грегор, предметом которой стали тайные встречи с доктором Макдональдом. Мисс Грегор поспешила сообщить своему племяннику о поведении его жены. А о тайных встречах она писала? — Вопрос был адресован Оуэну. Он покраснел, но ответил отрицательно.

— Вот видите, самого главного, или, во всяком случае, того, что подразумевается под самым главным, сказано не было. Опять же, убийство произошло до того, как капитан Оуэн Грегор вернулся домой.

— Откуда у вас такая информация? — спросил доктор Хейли.

— Я знаю, что капитан Оуэн Грегор сразу после прибытия отправился в комнату своей тети. Принят он не был. Доказательством тому, по его собственному признанию, запертая изнутри дверь. Показания плотника, касающиеся этого пункта, предельно ясные и исчерпывающие.

— Да.

— Следовательно, убийство произошло в течение одного-двух часов после обнаружения и обличения молодой жены и за несколько минут до возвращения ее мужа. Кто знает, какой секрет мисс Грегор унесла с собой в могилу?

Он не сводил глаз с Оуэна, когда говорил. Лицо молодого человека приобрело землистый оттенок, но он только сильнее стиснул руку своей жены. Макдональд переместил деревянную ногу.

— Третий метод — это метод исключения, по общему признанию, наименее приемлемый. Если доктор Макдональд не совершал этого убийства, то кто его совершил? Капитан Оуэн Грегор — нет. Дахлан — нет. Ангус — нет...

Доктор Хейли прервал его: — На каком основании вы исключаете Ангуса?

— Если, как сказала мне миссис Грегор, она и доктор Макдональд находились вдвоем в этой комнате и слышали, как закрываются окна в спальне мисс Грегор, неужели бы убийца проскочил мимо них незамеченным, прыгнув на землю? Подумайте сами. Сейчас эти окна открыты так же, как тогда; клумба из них просматривается полностью. Думаете, увидев выпрыгнувшего Ангуса, они бы не сообщили об этом факте?

— Вы полагаете, убийца покинул комнату через окно?

— Мы знаем, что он не мог покинуть ее через дверь. — Он махнул рукой. — Убийца не может разорваться. По моему скромному разумению, если доктор Макдональд и миссис Грегор говорят правду, они должны были видеть, как убийца сбежал. Они, как мне кажется, упустили этот момент, создавая свою историю. Таким образом, их рассказ невозможен по двум соображениям: он не объясняет следов на штыре и полностью игнорирует убийцу, спускающегося из окна, которое он закрыл за собой. Я не принимаю их рассказ и, не принимая его, исключаю Ангуса из списка. Кто-то закрыл окна; кто-то спустился вниз. Только один человек мог совершить все эти действия. И, по-видимому, он же, как это бывает, убил инспектора Дандаса, зная, что есть достаточно свидетельств того, что никто не входил в

* Математик-аналитик, специалист в области математической статистики и теории вероятностей.

окно Дандаса и не спускался из него.

Голос Барли упал до шепота, и когда он кончил говорить, в комнате существенно похолодало.

— Если бы Дандаса не убили, — добавил он, — доказательства против доктора Макдональда были бы чрезвычайно серьезными. Впрочем, они и так неоспоримы.

Они услышали, как к дому подъехала машина. Через секунду хлопнула дверь. Все поняли, что это означает. Дахлан даже съежился от ужаса. Он положил свою тощую старческую руку на руку своему сыну, но Оуэн остался равнодушным к этому жесту. Оуэн обнял жену. Слабый свет зажегся в его глазах. Доктор Хейли отвернулся — смотреть на бедствие Макдональда второй раз было невыносимо. Тяжелые, шаркающие шаги Ангуса, пересекающего зал в направлении парадного входа. Те же шаги и в той же тональности назад, к двери курительной. Дверь открылась. Вошел человек в полицейской форме.

— Инспектор Барли? — спросил он.

— Да.

Полицейский отдал честь и извлек продолговатый конверт синего цвета.

— Я сержант Джексон, сэр. Это ордера на арест миссис Грегор и доктора Макдональда.

Глава XXX. Блеск ножа

Уна поднялась.

— Можно мне заглянуть на минутку в детскую? — спросила она твердым голосом, проявляя прекрасную выдержку.

— Конечно.

Быстрым шагом она покинула комнату. Барли дал знак полицейскому проследить за ней, их голоса гулко отдавались в холле. Доктор Хейли подошел к Оуэну.

— Я уверен, — сказал он, — произошла ужасная ошибка. Мы должны бороться до конца.

Молодой человек ничего не ответил ему. Но его глаза были полны горького упрека. Дахлан, который все еще держал руку своего сына, пробормотал что-то о покорности руке Провидения. Лицо Дахлана поразила тоска, но доктор заметил, что глаза у него ясные. Его волновала только собственная кровь. Барли вернулся в комнату. На нем был черно-белый пыльник, в котором он выглядел броско и нелепо. Он подошел к Макдональду и вручил ему лист голубой бумаги писчего формата.

— Моя печальная обязанность. Доктор Макдональд, — заговорил он быстрыми, казенными фразами, — я арестовываю вас по обвинению в умышленном убийстве мисс Мэри Грегор и инспектора Дандаса. Предупреждаю: все, что вы отныне скажете, может быть использовано в доказательствах против вас.

Он повернулся и вышел из комнаты. Они услышали, как он вышел в парадную дверь и поговорил с кем-то в ожидающей его машине, двигатель которой продолжал работать. Он собирается арестовывать Уну? Оуэн вскочил и ринулся было к двери, но доктор Хейли остановил его.

— Ради вашей жены, Грегор.

— Я хочу пойти к ней.

— Не надо лишний раз испытывать ее мужество.

Молодой человек вырывался, хватая его за руки, как слепой.

— Вы не понимаете.

Его глаза по-прежнему блестели. Доктор Хейли был неумолим, мягко призывая его дать Уне возможность выбрать самой, оставаться ей дальше или возвращаться.

— Мой дорогой доктор, она сказала мне следовать за ней. Наверху наш ребенок...

Он уже прорвался к двери, когда путь ему перегородила молодая женщина в полицейском форме. Она задыхалась, кровь отлила от щек.

— О Боже, скорее, — захлебывалась она, — инспектор Барли убит.

Она ухватилась за косяк двери и прислонилась к нему. Доктор Хейли поддержал ее.

— Где он?

— У дома... На траве...

Она обессилела. Он усадил ее в кресло рядом с Дахланом. Макдональд с Оуэном уже вышли из комнаты. Он последовал за ними и увидел их, склонившихся над Барли, который лежал на берегу ручья. Автомобильные фары светили ему в лицо. Оно было всё в крови, но кровь больше не текла. Макдональд опустил на колени и приложил ухо к груди.

— Как он?

— Я ничего не нахожу. Пульса нет.

Доктор Хейли зажег электрический фонарик и осветил голову детектива. Восклицание сорвалось с его губ. Барли убили так же, как Дандаса.

— Он мертв, Макдональд.

— Ясно.

— Вы были с нами в кабинете. Знаете, своей смертью он опроверг свою же теорию.

Вскоре к ним присоединилась женщина-полицейский, которая подняла тревогу. Она достаточно оправилась, чтобы рассказать о том, что видела.

— Я ехала в сопровождении сержанта Джексона из Кэмпбелтауна, — объяснила она, — чтобы конвоировать арестованную. Сержант Джексон сказал мне ждать в машине, пока не вызовут. Он оставил двигатель работающим и включил боковые огни. Через несколько минут он вернулся и сказал, что инспектор Барли приказал ему сопровождать арестованную наверх, куда она поднялась, чтобы попрощаться с ребенком. После того, как сержант ушел, из дома вышел инспектор Барли. Я узнала его по странному пальто, которое видела на фотографиях. Он шел сюда и остановился, глядя на дом. По-моему, он пытался открыть это окно (она указала на французское окно в кабинете), потому что положил на него руку. Но тут же вскрикнул и обернулся. Луна осветила его лицо. Потом он вроде как споткнулся и начал падать. Я включила фары автомобиля, как только нашла выключатель, но к тому времени человек, который ударил его ножом, исчез.

— Почему вы сказали: «человек, который ударил его ножом»? — хрипло спросил доктор Хейли.

— Потому что я видела блеск ножа, перед тем, как он упал.

Глава XXXI. Невидимый убийца

Доктор Хейли повернулся к Оуэну.

— Могу я попросить вас привести сюда сержанта Джексона? — спросил он. — Кажется, он караулит вашу жену.

Молодой человек ушел в дом. Доктор положил руку на руку Макдональда.

— Что же это?

— Кто знает?

В словах сквозил страх.

— Дандас был убит точно так же.

— Да.

Женщина-конвоир осведомилась, может ли она вернуться в машину. Доктор Хейли проводил ее, держа под руку.

— Этот блеск, вы за ним ничего не разглядели? — спросил он.

— Ничего.

— Но ведь было темно, не так ли? Боковые огни слабые.

Она согласилась: — И всё же я видела инспектора Барли достаточно хорошо. Я уверена, что должна была увидеть что-то еще.

— Если был нож, значит, был человек, который держал его. Вы что-нибудь слышали?

— Работал двигатель, сэр.

Они подошли к машине. Доктор выключил фары, оставив гореть боковые огни. Фигура Макдональда определялась достаточно четко, просматривалось даже тело Барли.

— Видите, — заметила девушка, — там не очень темно...

— Глубокие тени скрывают окно.

— Да. И я думаю, он вышел из этого окна.

Доктор Хейли вернулся к Макдональду, а затем осмотрел французское окно. Оно было открыто.

— Похоже, он вышел отсюда.

Макдональд не ответил. Они увидели приближающегося сержанта Джексона. Доктор Хейли подошел к нему и рассказал, что произошло. Он осветил лицо Барли, чтобы полицейский мог разглядеть характер травмы.

— Доктор Макдональд, — сказал Хейли, — был со мной в курительной. Вы отвечали за миссис Грегор. Инспектора Дандаса убили тем же самым способом. Вдруг он вскрикнул: — Смотрите, селедочная чешуйка!

Он наклонился и указал на яркую блеску, прилипшую к волосам вокруг раны.

— Ох ты!

— Вы, конечно, знаете, что такие же чешуйки были обнаружены на телах инспектора Дандаса и мисс Грегор.

— Да, сэр.

— Всех троих убила одна рука, сержант.

Полицейский бросил на него тревожный взгляд.

— Я поднялся наверх с миссис Грегор по приказу инспектора Барли, — он говорил так, словно его вызвали в суд. — Она вошла в детскую, и я услышал плач няни. Не желая мешать несчастным женщинам, я спустился по лестнице на первую площадку. Мимо меня никто не проходил: ни вниз, ни вверх.

— Где был Ангус, волынщик?

— Старик, который открыл дверь?

— Да.

— По-моему, он был в холле. Действительно, он был там, когда я поднялся наверх.

Они вернулись в дом и вошли в небольшой кабинет, у окна которого напали на Барли.

— Вероятно, убийца поджидал здесь, — рассуждал доктор Хейли. — Ударил и вернулся в дом. Мы точно знаем, где находились все в момент смерти инспектора, за исключением вольтерра.

— Ах.

— Нет, признаюсь, мне не по душе эта идея. — Он провел рукой по лбу. — Дайте подумать, парадная дверь была открыта, в машине сидела охранница. Весь холл был у нее перед глазами. Попросите ее придти сюда, хорошо?

Сержант ушел. Доктор вернулся в холл, где его ждал Макдональд. Тут же появилась женщина-конвоир. Он спросил ее, не заметила ли она кого-нибудь в холле в момент убийства.

— Я видела только дворецкого.

— Дворецкого?

— Да, сэр. Он стоял там, где вы сейчас стоите. Когда Барли упал, я позвала его, но он меня не услышал. Потом, как вы знаете, я побежала в дом.

— Где в тот момент находился дворецкий?

Она указала на подножие лестницы.

— Там стоял. Я ничего не заметила.

— Постарайтесь быть точной, — настойчиво расспрашивал доктор. — Вы видели, как упал инспектор Барли, а спустя мгновение увидели в холле дворецкого?

— Совершенно верно. И за секунду до этого тоже.

— На самом деле я хочу знать, мог ли дворецкий добраться до французского окна, не выходя из дома, и снова вернуться в холл за те несколько минут, в течение которых вы наблюдали за инспектором Барли?

Девушка покачала головой.

— Пожалуй, нет.

— Переместиться из холла в кабинет не заняло бы много времени.

— Я уверена, он никуда не уходил.

Доктор Хейли повернулся к Макдональду.

— Где Грегор?

— Наверху с женой.

— А Дахлан?

— Поднимался по лестнице несколько минут назад с Ангусом.

Вместе с сержантом Джексонсом они прошли в курительную комнату. Доктор закрыл дверь.

— Думаю, — сказал он, — мы можем исключить Ангуса. Кажется невероятным, что он как-то замешан в убийствах мисс Грегор и инспектора Дандаса. В третьем убийстве больше загадок, чем в двух предыдущих. Признаться, у меня нет ни малейшего представления о том, как оно было совершено.

Он дал полицейскому тщательный и подробный отчет о теории Барли, добавив:

— Его смерть, как видите, опровергает его же собственную теорию. Но это не избавляет нас от необходимости объяснить, как убийца вошел и вышел из запертой комнаты; как он вошел и вышел из комнаты, дверь и окна которой находились под постоянным наблюдением; наконец, как он убил на открытом воздухе, имея надежного свидетеля и не выдавая себя ничем, кроме блеска ножа. Также мы должны объяснить, почему во всех случаях орудие убийства оставляло на жертвах следочную чешуйку.

Сержант Джексон только и сказал, что будет в срочном порядке требовать от главного управления, чтобы прислали другого инспектора. Когда он ушел, доктор Хейли наконец-то мог спокойно взять понюшку и расслабиться.

— Три убийства, — сказал он наконец, — и хоть бы что-нибудь, кроме подозрений! Случай, как мне кажется, мой дорогой Макдональд, уникальный в истории преступлений.

— Да уж.

— Я не сталкивался даже близко с чем-то похожим. Судите сами: девушка воочию видит оружие, которым убивают Барли; Дандас оказался в вашем распоряжении спустя полминуты после того, как был убит; Мисс Грегор была отгорожена от мира замками и задвижками. — Его глаза сузились. — Барли разумно заметил, что вы должны были видеть убийцу мисс Грегор из окна, а?

— Да. Но мы его не видели.

Доктор Хейли покачал головой. — Охранница должна была видеть убийцу Барли, но не видела, — сказал он. — Вы должны были видеть убийцу Дандаса, но не видели. — Он взглянул на него. — Выходит, убийца — невидимка.

— Еще он передвигается, — добавил Макдональд, — не оставляя следов своих передвижений. Допустим, он спустился на клумбу. Но на клумбе находят только мои следы. — Он немного помолчал, затем спросил:

— Вас не удивляет, в свете всего этого, почему такие истории, какие рассказывают рыбаки, например, о пловцах, людях-рыбах, обитающих в озере, получили здесь широкое распространение?

— Нет. Это ключ, которым мы пренебрегли, — сказал он. — Я хотел проверить его, но теория Барли сделала это невозможным.

Макдональд вздохнул и прижал ладонь ко лбу. За последнее время он сильно постарел и выглядел не лучшим образом.

— Думать о вещах — одно, но испытать их, — заметил он отвлеченно, — совсем другое! Поверьте, романисты знают, о чем пишут. — Казалось, он очнулся от летаргии. — Бедный Барли! Будь он жив, наверняка расстроился бы.

— Да.

— Он был сообразительным парнем, верно?

— Да.

Макдональд снова вздохнул. — Странно видеть детективов в роли жертв. Дандас, в конце концов, тоже потерпел неудачу. Его убили не потому, что у кого-то была причина его бояться.

Доктор Хейли кивнул.

— Я только что подумал об этом. Барли пытался понять, блефовал ли Дандас, когда говорил, что потерпел неудачу.

— Он не блефовал. Вы же видели этого человека. Он сказал это от безысходности. Он постоянно жаловался мне, что это дело угробит его в глазах начальства. Газеты тогда писали много нелицеприятного.

— Мне тоже так показалось.

— Так казалось многим. Даже слуги здесь понимали, что всё застопорилось. Рыбаки, как я уже говорил, быстро смекнули, что никакого убийцу никогда не найдут. Они развлекались, заставляя бедного Дандаса слушать разную суеверную белиберду. Он не слушал их, но противопоставить этому ничего не мог. В этой расслабленной атмосфере Дандас не представлял угрозы. Ума не приложу, зачем кому-то убивать его.

В комнате было тихо, и весь дом, казалось, замолчал, боясь нарушить эту тишину. Доктор Макдональд стоял у камина, облокотившись на каминную полку. Выглядел он

взволнованным.

— То, что происходит в домах, пугает меня больше происходящего за их пределами, — сказал он. — Честно говоря, в лодке я боялся меньше.

— Чем сейчас?

Горец резко повернулся к окну, затем снова посмотрел на своего собеседника.

— Да.

Ответив, он улыбнулся. Доктор Хейли кивнул.

— И я тоже.

Глава XXXII. Мать и сын

Доктор Хейли достиг возраста, когда человек осознает и внутренне убежден в своем осознании, что жизнь коротка. Воображение уже не так ярко. Поражало то, что его откровенно пугали эти убийства, словно в наказание за пренебрежение к местным легендам. Он взял щепотку побольше и сосредоточился.

— Я отказываюсь выяснять способы совершения этих убийств, — заявил вслух он своему собеседнику. — И не буду больше касаться этой стороны дела. Остается сугубо человеческое — мотивы. В конце концов, для убийства нужны двое.

Макдональд кивнул. — Еще можно понять убийство мисс Грегор, — сказал он. — Но едва ли убийца имел какую-либо причину убивать Дандаса и Барли.

— Да. Тем более, что Дандас ничего не обнаружил, а Барли собрал внушительные доказательства против ни в чем неповинных людей. Но мне кажется совершенно напрасным беспокоиться об этом аспекте дела. Я хочу сосредоточиться на мисс Грегор. Думаю, теперь я достаточно глубоко проник в ее характер, чтобы подтвердить некоторые общие выводы. — Он склонился вперед. — Не забывайте о старой ране мисс Грегор, когда ее чуть не убили. Рану нанесла жена Дахлана. Перед нами женщина, которая знает, как довести свою невестку до безумия, до смерти, не потеряв во внимании брата. Дахлан не глуп, и мы вполне можем поинтересоваться, какая убедительная алхимия держала его на протяжении всех этих лет.

Макдональд горячо поддержал его. — Как я уже говорил, — сказал он, — мое собственное впечатление о мисс Грегор — нечеловеческое упрямство. Ее волчья способность принимать облик благочестивой бабушки, снисходительно отпускающей вам выдуманные ею же самой грехи, умоляла вас быть столь же щедрым. Когда она заводила речь о миссис Оуэн, я хотел разорвать ее на куски. Она знала, понимала и делала все равно по-своему.

В комнату вошел Оуэн. Несмотря на заметное облегчение, лицо его оставалось по-прежнему серьезным.

— Полицейский ушел? — спросил он доктора Хейли.

— Да, и сказал, что нужно немедленно сообщить о случившемся.

— Я был с Уной в детской. Девочка вела себя мужественно. — Неожиданно он протянул руку доктору Хейли. — Спасибо за то, что вы сделали сегодня в лодке.

Он сел и, закрыв лицо руками, с жаром выпалил:

— Когда же наступит конец этому ужасу? Сколько еще терпеть? Хуже смерти. — Он поднял голову. — Знаю, я трус, но я еще никогда так не боялся. Еле заставил себя спуститься вниз. Убийца мерещится мне на каждом шагу.

Он произнес «убийца», как собственное имя. Никого из присутствующих это не удивило.

— У меня схожее ощущение, — признался Макдональд. — Он неопределенно махнул рукой. — Убийца здесь.

Доктор Хейли вооружился моноклем.

— О такого рода вещах лучше не распространяться, — сухо заметил он. — Не пора ли переходить от слов к делу. Если убийца здесь, попробуем найти его и покончим с этим. — Он повернулся к Оуэну. — Скажите, — жестко потребовал он, — какие на самом деле чувства вы испытывали к своей тете?

Оуэн вздрогнул.

— Она вырастила меня.

— Я не об этом спрашиваю. Как вы к ней относились?

Вопрос обернулся тягостной паузой.

— Никто не любит рассказывать о таких вещах.

— А я прошу вас рассказать.

— Я не чувствовал себя таким благодарным, каким, наверное, должен был чувствовать.

— Вы не любили ее?

— В некотором роде. Да.

— Почему?

Оуэн покачал головой.

— Не знаю. Она была очень, очень добра ко мне.

— Вы с ней ссорились?

— Да. Очень часто.

— Из-за вашей матери?

Молодой человек вздрогнул.

— Да.

— При том, что вы не знали свою мать?

— Я ничего не помню о своей матери.

— Вас расстраивало то, как тетя отзывалась о вашей матери?

Оуэн снова вздрогнул.

— Полагаю, да.

— Все дети одинаковы. У других мальчиков были мамы, которые их любили; вы, естественно, хотели верить, что ваша мать была такой же красивой, любящей и заботливой, как у всех. Кажется, в этом доме такие взгляды не приветствуются?

Суровый тон доктора Хейли не допускал никаких возражений.

— Ребенок, — добавил он, — обычно сразу зрит в корень проблемы. Я так понимаю, вы говорили своей тете, что она ненавидела вашу мать?

— Да.

— Она отрицала это?

— Да.

— Вы спрашивали своего отца о вашей матери?

— Нет. Я боялся своего отца. — Оуэн достал трубку и попытался набить ее. — На самом деле я был одиноким ребенком. Я был счастлив, когда меня оставляли в детской. Я

представлял, как играю там со своей матерью и как мы оба боимся тетю и отца. Я не знаю, откуда у меня эти фантазии, но я всегда думал о своей матери и о себе, как о детях в лесу*.

— Ваша тетя была тираном?

Он кивнул. — Я с головой ушел в сказки. Моя мать была то Красной Шапочкой, то Златовлаской, то Золушкой.

— А ваша тетя — волком, медведем и безобразной сестрой?

— Вероятно, да. Что-то вроде.

— Ваша мать была ирландкой?

— Да.

Доктор Хейли позволил моноклю упасть.

— У вас есть фотография вашей матери? — спросил он.

— Только маленькая карточка. — При этих словах он покраснел.

Доктор протянул руку.

— Могу я взглянуть на нее?

На мгновение Оуэн замер в кресле, раздраженный очевидной догадкой — неужели он похож на человека, таскающего с собой фотографии своих родственников? Но вскоре раздражение сменилось замешательством. Он достал из кармана кожаный чехольчик и протянул его доктору.

— Мать отдала фотографию Кристине, — по его торопливому объяснению было видно, насколько сильно он переживал тот несправедливый факт, что единственная память о матери досталась ему, как говорится, из вторых рук.

В чехольчике было две фотографии: одна, выцветшая, с надписью «Моей дорогой Кристине», другая, новая, с Уной. В Уне безошибочно угадывалась мать Оуэна. Доктор Хейли молча вернул фотографии.

— Вы бедны? — спросил он как можно мягче.

— Да.

— Именно поэтому вы оставили жену с ребенком здесь, в этом доме?

Вопрос, казалось, причинил молодому человеку нестерпимую боль.

— Полагаю, не только поэтому, — ответил он нерешительно.

— Могу я узнать другую причину?

— Я не подозревал, что Уне будет так плохо здесь. Я хотел, чтобы она жила в этом доме, где я провел долгие годы.

— Понятно. — Доктор Хейли несколько раз кивнул. — Точно так же, как вы хотели, чтобы здесь была ваша мать?

— Возможно, это и есть настоящая причина, хотя я не думал об этом в то время. Я хотел, чтобы Кристина была няней Хэмиша, потому что я знал, что она никогда не покинет тетю, даже если бы та согласилась отпустить ее.

— Азартные игры были способом заработать деньги?

Вопрос прозвучал неожиданно, но ответ пришел быстро.

— Да.

— Чтобы хватило на собственный дом?

* То есть, как о наивных, простодушных людях.

— Да.

— Значит, вы знали, что положение вашей жены в этом доме было бесправным?

— Да.

— Ваша тетя знала о ваших планах на будущее?

— Наверное.

— Поясните.

— Однажды я высказался в том духе, что замужняя женщина вправе иметь свой дом.

— Оуэн снова замялся. — Полагаю, она была против, так что больше к этому вопросу я не возвращался.

— Вы боялись ее?

— Так или иначе, ее боялись все. Моя тетя могла повернуть ситуацию таким образом, что те, кто не соглашался с ней, чувствовали себя виноватыми. Не знаю, как она это делала, но у нее получалось. Похоже, причина кроется в ее абсолютной убежденности, что она поступает по совести. Она была до суеверия религиозной женщиной. Наверное, нужно быть горцем, чтобы понять, что это значит.

Доктор снова кивнул.

— Я не горец, — сказал он, — но догадался об этом.

— Она любезно выделила мне пособие. Я не мог жениться на Уне, но когда женился, получил его.

— Деньгами?

— О нет, главным образом в вещественном выражении. Моя тетя одевала Уну и Хэмиша. Она взяла их на свое довольствие, потому что мой отец очень беден. К тому же, она постоянно делала подарки.

Оуэн прервался. Доктор Хейли молча разглядывал его в течение нескольких минут.

— Скажите мне, только откровенно, не казалось ли вам, что эти подарки ваша жена воспринимает как подачки, — спросил он.

— Иногда это выглядело именно так.

— Вы обсуждали с женой этот аспект?

— Я пытался объяснить ей, что нельзя сравнивать ее воспитание с тетиним. Ирландцы живут беззаботной жизнью. У них нет денег, но они в охотку и упорно трудятся. Уна никогда не думала, что придется экономить, пока не вышла замуж, никогда не знала, что такое нужда, поскольку всегда имела всё, что хотела. Приход сюда означал тюрьму. Я пытался убедить ее, что тетушку Мэри невозможно перевоспитать, и, следовательно, несправедливо было бы ждать от нее того, чего можно ждать от молодой женщины.

Изможденный и усталый, он провел рукой по лбу.

— Но не убедили?

— Нет, не убедил. Она сказала, что предпочла бы жить в какой угодно маленькой, но своей комнате. Я решил забрать ее отсюда во что бы то ни стало.

— Рискую тем, что ваша тетя могла отказать вам в помощи?

— Да. К сожалению, удача отвернулась от меня, когда я попытался получить деньги легким путем. Пришлось идти на поклон к тете Мэри.

Доктор Хейли нахмурился.

— Неужели для этого нужно было совершить экстраординарную глупость? — недоумевал он.

— Да. Но я был в отчаянном положении. — Оуэн косо посмотрел на Макдональда и

выложил правду. — Честно говоря, я чувствовал, что теряю Уну. Тетя Мэри намекала, что я уже потерял ее. Когда она написала мне, что Уна сбежала из дома, я чуть с ума не сошел. Если бы у меня выпал выходной, я бы немедленно был здесь. В голове проскочило — если вышибу себе мозги, она будет свободной. Но потом остыл и сказал себе, что это в наказание за то, что я лишил Уну собственного дома. И тогда я решил положиться на фортуна, потому что только чудо могло спасти меня. Я не представлял себе жизни без Уны. Боялся даже думать. Я не спал по ночам. Мысли безостановочно крутились в голове, как колесо рулетки. Я всё больше и больше уходил в себя, пока мои друзья пребывали в оцепенении. И я проигрался...

Он замолчал. Горькая улыбка скривила губы.

— Проигрался. До последнего пенни. Я вернулся в свою комнату и достал пистолет. Теперь ничего не мешало быстро покончить со всем сразу. И я бы застрелился, не разыщи меня мой лучший друг. Он просидел со мной всю ночь, слушая мою исповедь. А я всё говорил и говорил, пока не рассвело. Я рассказал ему обо всем: о своей матери, тетке и Уне. О вас, Макдональд. В конце он поклялся, что Уна любит меня. «Вернись к ней, — умолял он, — и заberi деньги, которые как никак принадлежат тебе. В конце концов всё образуется». Я успокоился и понял, каким был идиотом и трусом. Я попросил отпуск и получил его.

— Вы хотели одолжить у своей тети?

— Да. Мой друг придумал для меня историю — об упавших акциях. Против игр на фондовой бирже тетя Мэри не возражала.

— В этом вся хитрость?

— В этом вся хитрость.

Доктор Хейли покачал головой. Он не переставал удивляться бездне человеческих слабостей.

— Вы написали своей жене? — спросил он.

— Да. Я попросил ее вести себя с тетей благоразумно. Теперь я знаю, что именно это письмо сподвигло ее отправиться в комнату тети Мэри. Приехав сюда, я пошел прямо к ней. Безумие вернулось ко мне во время долгого и утомительного перехода по озеру. Я ужасно спешил и чувствовал, что надо действовать безотлагательно. Запертая дверь и молчание за ней говорили о том, что она не хочет иметь со мной ничего общего. Естественно, ни о каком убийстве я не думал. Я помчался в спальню Уны.

Он снова прервался и печально покачал головой.

— Я никоим образом не оправдываю себя. Но вам лучше знать факты. От беспокойства и недосыпания, похоже, я наполовину лишился рассудка. Я обвинил Уну в том, что она уничтожила меня — возможно, я применил другое слово, но она прекрасно поняла, что я имел в виду. Я сказал ей, что мне придется оставить службу и уехать за границу. Тетя Мэри отвернулась от меня, и все надежды рухнули. «Вопрос моего спасения был только в ее деньгах, — кричал я. — Теперь он отпал. Очередь за мной». Я увидел смертельный страх в глазах Уны. Она вскочила и попыталась обнять меня. Она сказала, что вы, Макдональд, предложили ей свои деньги.

Он резко выдохнул.

— Это больно ударило по моему самолюбию. «Лучше я ограблю, — произнес я тихо, — обману, убью, в крайнем случае, свою тетку, чем прикоснусь хотя бы к пенни из денег этой свиньи». Внезапно все побагровело перед моими глазами. Я бросился на Уну и схватил ее за горло. «Говори, — крикнул я, — что между вами было?» Думаю, тогда я был готов задушить ее.

Он закрыл лицо руками. В комнате стояла такая тишина, что был слышно, как бойко журчит неутомимый ручей. Доктор Хейли заметил, что лицо Макдональда превратилось в неподвижную маску.

— Да? — спросил доктор.

— Уна поклялась, что ничего не было. Она поклялась, что ее любовь нисколько не уменьшилась. Первоначальный гнев прошел. Меня начало трясти. Внезапно нервное напряжение спало, и я сломался. Она сказала, что ей все равно, богаты мы или бедны. Сказала, что у нее есть силы и желание работать и что вместе мы заработаем достаточно, чтобы обеспечить Хэмиша. Не знаю почему, но я поверил ей — когда она говорила, казалось, проблемы начинают отступать сами собой.

Он снова замолк. Доктор Хейли выждал паузу, затем спросил:

— Это ваше заявление о том, что вы лучше ограбите или убьете, чем возьмете деньги Макдональда — из-за него ваша жена испугалась, что вы убили свою тетю?

— Наверное, да. В этом был и акт саморазрушения. На несколько минут я сошел с ума.

— Она была готова умереть за вас?

Голос доктора Хейли был глухим, но исполнен восхищением. Оуэн резко поднял голову.

— Бог свидетель, — воскликнул он, — я никогда не был достоин Уны. И никогда не буду.

Оуэн отвез Макдональда домой. На выходе из дома доктор Хейли подошел к тому месту, где был убит Барли. Страх, угнетавший его внутри дома, исчез, как только он переступил порог. Он остановился, прислушиваясь к голосам ночи, впитывая мягкий шелест ветра, журчание ручья и усиливающийся шум прибоя. Он прошел туда, где упал Барли. Его фонарик ничего ему не сказал. Прилив ослабевал, но вода еще стояла высоко, из-за чего устье ручья напоминало маленький залив. Он спустился по крутому склону к кромке воды и постоял там несколько минут. Затем он снова поднялся на берег. Очевидно, в момент своей смерти Барли думал об убийстве Дандаса, чья спальня располагалась непосредственно над тем местом, где он сейчас стоял. Доктор задавался вопросом, какое сомнение или важное обстоятельство погнало беднягу навстречу смерти. Если Барли действительно полагал, что Макдональд убил Дандаса, почему его должна была волновать земля под окном последнего?

Он вернулся в дом и поднялся наверх в свою спальню. Чем больше он думал об этом, тем загадочнее становились последние действия Барли. Единственное возможное объяснение состояло в том, что детектив начал сомневаться в своей теории, по которой Дандаса убил Макдональд; но если это так, то почему он арестовал Макдональда? Барли, будучи честным служакой, наверняка отложил бы арест, если бы его обуревали какие-то сомнения. Но он был практичным человеком, который бы не свернул со своего пути, не имея на то веской причины. Надо полагать, что идея, заставившая его броситься осматривать землю под окном Дандаса, появилась у него или была навязана ему после того, как он арестовал Макдональда. Доктор нахмурился. Почему в то время могла возникнуть такая идея? Он справился со своими страхами и прошел по коридору в спальню Дандаса. Тело Барли лежало на кровати, под простыней. Он откинул ее и обыскал карманы убитого. Там ничего не было, кроме записной книжки, в которой фиксировались этапы расследования. Последняя запись подводила черту под обвинением доктора Макдональда и миссис Грегор. Он вернул книжку на место и спустился вниз. Возвратившийся Оуэн уже смешился в курительной комнате виски с содовой. Увидев доктора, молодой человек почувствовал облегчение.

— Я слышал, как вы спустились вниз, — крикнул он голосом, выдававшим сильное волнение. — Знаете, прогулка пошла мне на пользу. Кажется, этот дом стал другим.

Он предложил доктору Хейли выпить и налил ему.

— Люди могут говорить, что им нравится виски, — заметил он, — но временами этот напиток становится самым отрезвляющим в мире.

Он закурил трубку и понес стакан к креслу. Устроившись в нем, он поставил стакан на

пол. Доктор рассказал ему о странностях последней экскурсии Барли.

— Есть ли у вас какая-нибудь идея, — спросил он, — по поводу неожиданного интереса к убийству Дандаса?

— Нет.

— Вы видели, как он арестовывал Макдональда. Не показалось ли вам, что у него появились сомнения в справедливости своих действий?

— Что!? После той лекции, которую он нам преподавал? Боже мой, доктор, он только что разгреб страшное, тяжелое дело.

— Верно. И затем, на всякий случай, поспешил удостовериться в правомерности своего триумфа. На первый взгляд выглядит несколько абсурдно.

— Возможно, он пошел туда по другой причине...

— Да, но что это за причина? Не такой человек Барли, чтобы распыляться. Я абсолютно уверен, что причина, которая заставила его прогуляться вдоль крутого берега, была не совсем обычной.

Оуэн покачал головой. Среди бесчисленных тайн еще одна вряд ли заслуживала пристального внимания.

— Да простит меня Барли, — сказал он, — но его смерть должна была, как я понимаю, произвести эффект на Уну. Когда я услышал об этом «подведении черты», то подумал... — Он сделал паузу и допил остатки виски. — *Их признали виновными*, — быстро произнес он.

Доктор Хейли пришел в движение и медленно склонился вперед.

— То есть, причина, по которой Барли очутился под окном Дандаса, была важным элементом их спасения?

— Когда это произошло, да.

— Мой дорогой сэр, это произошло. Разве можно сказать, что в данном случае причина и следствие не связаны?

Оуэн нахмурился: — Не думаете же вы, — спросил он, — что Макдональд и Уна заманили туда Барли?

— Конечно нет. Но кто-то другой, заинтересованный в них, возможно, подкинул ему идею...

— Кто? Мой отец? Или я, присутствовавший там?

— Значит, убийца.

— Убийца?

— Ангус был в холле, когда Барли покинул эту комнату.

Оуэн резко выдохнул.

— Что? Мой дорогой доктор, простите за банальность, более абсурдного предположения в жизни не слышал. Вы не знаете Ангуса, иначе бы так не говорили.

— Возможно.

— Если Ангус убил Барли, он убил Дандаса и мою тетю тоже. Вы можете представить его выпрыгивающим из тетиного окна или окна Дандаса? Как он попал в спальню тети, в спальню Дандаса? Как он убил Барли, оставаясь в холле?

Вопросы сыпались как из пулемета. Доктор Хейли покачал головой.

— Действительно, такое представить трудно, — признал он. — Но в таком случае мы вынуждены учесть все мало-мальски возможные и невозможные варианты. — Он приложил руку ко лбу. — Разумеется, никакая теория не может быть отвергнута как невозможная в

отношении целого ряда событий, каждое из которых само по себе до крайности невозможно. — Он заправился щепоткой табака. — Поэтому я возвращаюсь к Ангусу. Он единственный, кто мог поговорить с Барли после того, как тот покинул эту комнату. Следовательно, только он мог внезапно направить мысли Барли и его самого на берег ручья под окном Дандаса.

Доктор Хейли осекся. К двери приближались шаги.

Глава XXXIII. Пловец

В дверь постучали. Оуэн бросился открывать. Доктор Хейли увидел Ангуса, стоящего с зажженной свечой, которая тряслась так, что пламя гуляло из стороны в сторону. Лицо старика было болезненно зеленого цвета. Позади него, скрытые в полутенях, топтались две женщины в пальто и шляпах.

— Простите нас, сэр, — сказал Ангус дрожащим голосом, — но мы не можем спать в этом доме.

Он вошел в дверь, женщины также продвинулись вперед. Их лица были мокрыми от слез, младшая по виду продолжала всхлипывать.

— Почему?

— Потому что, сэр, мы не можем.

— Ангус, это не ответ.

Старик резко обернулся, словно ожидал удара в спину. Его рот раскрылся.

— Это из-за ручья, сэр. — Он дико выпучил глаза.

— Что?

— Это из-за ручья, сэр.

— Из-за ручья? Что в нем не так?

Пайпер снова резко обернулся, попытавшись что-то сказать, но безуспешно.

Оуэн повысил голос.

— Ну-ка, соберитесь и давайте без глупостей, — приказал он.

Страх придавал старику определенную порцию мужества. Он посмотрел в глаза хозяйину.

— Я сам слышал, сэр, эти всплески в ручье, перед тем, как мистер Барли был убит, — сказал он. И Мэри тоже слышала их. Слышала, когда убили мистера Дандаса.

— Чушь.

— Это не чушь, сэр. Ночью, после убийства мистера Барли, Мэри увидела, как что-то плывет от устья ручья к озеру. Она позвала Флору, и Флора тоже увидела. Черная голова. У него была черная, как у тюленя, голова, и оно было живое.

Ангуса начало колотить. Свеча, которую он держал, выпала из подсвечника и упала на пол. Оуэн выхватил пустой подсвечник из его рук и силой усадил старика в кресло. Он сунул ему под нос стакан с виски, затем повернулся к женщинам, которые, казалось, сочли такие энергичные меры успокаивающими.

— Что за бред он несет, Мэри?

— Он сказал правду, сэр, — подтвердила старшая из девушек. — Я сама видела, как оно плывет к озеру, слышала всплески, когда оно поднималось из воды и вновь погружалось... Я позвала Флору: «Вон, смотри, смотри!», — крикнула я ей, и она вскочила с постели и подбежала к окну, а оно поплыло дальше.

— Что это было? — раздраженно спросил Оуэн.

— Оно было покрыто рыбьей чешуей.

— Привет, девочка, ты совсем того?

— Я видела это, сэр, и Флора тоже. В темноте оно казалось черным, как тюлень, пока не вышло на лунный свет. И тогда мы разглядели чешуйки на голове, отливающие серебром как рыбы бока. Она замолчала. Понимаете, сэр, эти чешуйки и в самом деле были рыбьими.

Она прервалась, оглушенная новой волной ужаса. Оуэн повернулся к ее сестре.

— Ну? — спросил он.

— Истинная правда, сэр. Я видела то же самое, что Ангус и Мэри. Голова сияла в точь-точь, как у рыбы.

— Ты пытаешься убедить меня, что в спальню моей тети залезла рыба? — насмешливо воскликнул Оуэн.

— О, нет, сэр.

— Это то, что ты сказала.

— О, нет, сэр.

— Тогда о чем ты?

Девушка набралась смелости. — Лукавый, — пробормотала она дрожащим голосом, — может принять любое обличье, какое пожелает.

— О, так ты видела дьявола?

Ответа не последовало. Молодой человек взглянул на Ангуса:

— Что ты подразумевал, говоря, что не можешь оставаться в этом доме? — строго спросил он.

— В этом доме что-то не так, сэр.

Страх и виски смешались, чтобы взбодрить престарелого горца. Он поднялся на ноги; в потухших глазах появились огоньки.

— Бог мне в свидетели, — сказал он торжественно. — В такую же воду бросилась ваша мать.

Внезапно испугавшись, он замолчал. Доктор Хейли увидел, как кровь разливается по щекам Оуэна.

— Что ты сказал, Ангус?

Ангус молчал, женщины отступили назад.

— Ангус, я спрашиваю, что ты сказал?

Степень эмоционального напряжения на бледном лице Оуэна привлекла доктора Хейли на его сторону.

— Я не хотел беспокоить...

Молодой человек коротким и решительным жестом остановил его, приблизившись к слуге своего отца.

— Ты сказал, что моя мать бросилась в ручей? — воскликнул он. — Это правда?

Ангус оправился от первоначального шока, вызванного приступом храбрости; он все еще находился в тесном контакте с эмоциями, которые привели его в эту комнату, и был достаточно пьян, чтобы не пойти на попятную.

— Правда, мистер Оуэн, — признался он и показал руки. — Именно эти руки помогли вернуть ее обратно в дом.

— Ты сказал, что моя мать утопилась?

Пайпер склонил голову.

— Ну же?

— Да, мистер Оуэн.

В глазах молодого человека появился странный, дикий блеск. Но черты лица оставались неподвижными.

— И теперь ты думаешь, что это... эта тварь, которая нападает и убивает... отомстила за нее?

Волнение Ангуса стихло. Он стоял и смотрел на своего хозяина печальными глазами, сожалея о боли, которую причинил. Оуэн повернулся к доктору.

— Вы знаете что-нибудь об этом? — спросил он.

— Да.

— Вот так. Все знают, кроме меня. — Он обратился к слугам. — Идите, куда хотите, — воскликнул он. — Я не буду удерживать вас здесь. В этом доме. Я не хочу держать вас в этом доме. — Он махнул рукой, отпуская их. — Почему вы должны страдать за чужие преступления?

Он опустился в кресло. Доктор Хейли подошел к нему.

— Могу я отвести их в другую комнату, чтобы задать несколько вопросов?

— Нет. Задавайте свои вопросы здесь. На сей раз предоставьте мне удовольствие быть в курсе.

Голосом Оуэна руководил горький сарказм. Пальцы до белизны костяшек впились в подлокотники кресла. Губы двигались вверх-вниз, шлифуя крепкие зубы. Доктор Хейли дал указание слугам рассаживаться. Он повернулся к Мэри.

— Вы сказали, что слышали ночью всплеск, когда инспектор Дандас был убит? — спросил он.

— Да, сэр. Но тогда я не задумывалась о том, что бы это могло быть. В тот вечер в устье ручья стояло много смэков* — рыба шла хорошо.

Доктор кивнул.

— Я знаю. И ваш брат был на одном из этих смэков?

— Да, сэр.

— Ваш брат приходил сюда, чтобы сообщить, что он видел той ночью. Но он ничего не сказал о всплесках.

— Нет, сэр. Помилуйте, до сегодняшнего я и сама бы не подумала, что слышала какой-то всплеск. — Она теребила пуговицы пальто. — Когда идет лов, вода всегда беспокойна, всплески доносятся отовсюду, — добавила она. — Услышав такой всплеск, мой брат мог подумать, что за борт что-то выбросили.

— Я понял.

— Всплеск был не очень громким.

— Где вы находились, когда слышали его?

— Как и в тот раз, я собиралась ложиться, когда услышала первый всплеск. Флора спала.

Доктор Хейли нетерпеливо склонился вперед:

— Сегодня было два всплеска? — спросил он.

* Одномачтовое рыболовное судно.

— Да, сэр.

— Всплески были громкими?

— Не очень, сэр.

Он поправил монокль.

— Почему они насторожили вас только сегодня.

— Потому что сегодня не было лова. Я еще подумала, что это может плескаться, если там никого нет.

Сказав это, она обернулась и посмотрела через плечо.

— Вы что-нибудь слышали между всплесками?

— Нет, сэр.

— И не видели?

— Нет, сэр.

Он подвинулся ближе.

— Скажите, что вы увидели после того, как услышали второй всплеск?

— Я уже говорила вам, сэр. Что-то, выплывающее из устья ручья, с черной, как у тюленя, головой, покуда не попало под лунный свет. Потом оно стало переливаться, как рыба.

Она механически повторила сказанное ранее, но голос ее дрожал.

— И тогда вы разбудили сестру?

— Да, сэр. «Что это?» — спросила она меня. «Я не знаю, Флора, — ответила я, — но мне кажется, я слышала какой-то всплеск, похожий на тот, который я слышала, когда убили мистера Дандаса». Когда я это сказала, ниже окном мы услышали голос, и кто-то произнес: «Он мертв». Флора схватила меня за руку и заплакала. Мы спустились на кухню и увидели там Ангуса, он сидел на стуле, белый, как мел. Я рассказала ему, что мы слышали, а он и говорит: «Мистера Барли убили, я слышал всплески, когда был холле».

Девушка покачала головой, затем снова оглянулась и добавила:

— Ангус плакал, когда говорил...

— Это не имеет значения. — Доктор Хейли был непреклонен. — Как долго вы смотрели на то, что приняли за пловца?

— Пока не услышала голос.

— Значит, вы не знаете, куда пловец исчез?

— Нет, сэр.

Доктор повернулся к Ангусу.

— Вы были в холле, когда услышали первый всплеск? — резко осведомился он.

— Да, сэр. Я мог потребоваться Дахлану.

— Где был инспектор Барли в тот момент?

— Он только что вышел из дома и стоял у парадной двери, рядом с машиной.

— Как вы думаете, он мог услышать всплеск?

— Да, сэр, думаю, он его услышал, поскольку направился в сторону ручья.

— Вы это видели?

— Да, сэр.

— Вы слышали что-нибудь после первого всплеска, но до того, как раздался второй?

Лицо Ангуса снова застыло от страха. Он подался вперед.

— Я слышал звук, сэр, — прошептал он, — и я знаю, что это был звук смерти.

Глава XXXIV. "Что-то не так"

Лоб старика блестел от пота. Он вытер его рукой. Оуэн поднялся и плеснул ему виски.

— Вы стояли у двери кабинета, верно? — спросил его доктор Хейли.

— Да.

— Окно в комнате было открыто?

— Да, оно было открыто.

— Следовательно, вы должны были услышать все, что происходило между инспектором Барли и его убийцей?

— Я ничего не слышал, кроме звука, о котором уже говорил.

— Вы назвали его звуком смерти?

— Так оно и есть, сэр. Я слышал его раньше.

— Второй всплеск был?

— Да, сэр. И когда я услышал его, я понял...

— Меня не интересует, что вы поняли. Только то, что слышали и что делали. Что вы делали?

— Молодая женщина, одетая, как полицейский, ворвалась в дом.

— Я знаю. Пожалуйста, ответьте на мой вопрос: что делали вы сами?

Пайпер покачал головой.

— Я вернулся на кухню.

— Потому что испугались?

— Потому что я знал, что в этот день...

Доктор снова оборвал его на полуслове. Он поднялся и объявил, что у него больше нет вопросов. Затем взглянул на часы.

— Вам лучше вернуться на кухню. Можете держать две-три свечи зажженными до рассвета, — сказал он.

Когда они ушли, он повернулся к Оуэну.

— Теперь, по крайней мере, мы знаем, почему Барли отправился туда, где его убили, — быстро произнес он. Следующий шаг — необходимо узнать всю правду о пловце.

— Согласен.

Молодой человек встал и подошел к камину. Он стоял, облокотившись на каминную полку, и был мрачен.

— Теперь я понимаю, почему вы спрашивали о моем детстве, — сказал он вполголоса. — Теперь мне все понятно.

— Ваш отец находился под сильным влиянием своей сестры, — доктор Хейли почувствовал себя человеком в адвокатской мантии.

— Да.

— Из того, что удалось собрать, я выяснил, что случай с вашей женой и Макдональдом стал точным повторением истории вашей матери. Атмосфера этого места сломала ее психику.

— Вы имеете в виду, *это* разбило ее сердце?

Слова вырвались с необычайной страстностью.

— Нет, я не это имею в виду. Я уверен, что ваш отец по-своему любил вашу мать. Но он находился в своеобразном рабстве у своей сестры. Она хотела, чтобы он видел и чувствовал, как она, и он не способен был этому сопротивляться.

Оуэн вздрогнул и сделал шаг навстречу своему компаньону. Его лицо внезапно покраснело:

— Дандас сказал мне, — воскликнул он, — что у моей тети на груди был шрам. Кто-то давным-давно пытался ее зарезать.

Он смутился и закрыл лицо руками, но быстро взял себя в руки.

— Вы поняли, что эту рану нанесла моя мать? — спросил он почти равнодушно.

Доктор Хейли провел рукой по лбу. — Мой дорогой друг, — мягко сказал он, — ваша мать давно уже была невменяемой.

— Они сделали ее такой!

— Возможно, ненароком.

Оуэн схватился за голову обеими руками.

Ужасно, ужасно, — горячо повторял он. — Подумать только, они учили меня называть тетю матерью... И я называл ее... матушкой!

Его инстинктивно передернуло, и он продолжил:

— Вот почему мой отец решил, что Уна убила ее. Уна похожа на мою мать.

Внезапно с его губ сорвался крик. Он схватил доктора за руку.

— Неужели отец поступил с ней так же, как с моей матерью, предложив утопиться?

— Не забывают, он считал ее виновной.

— Уж я бы, наверное, догадался.

— Доказательства, мой дорогой друг, выглядели неоспоримыми.

Упрек хоть и был едва заметен, произвел моментальный эффект. Оуэн опустил глаза и покачал головой.

— Ангус прав, — произнес он, — в этом доме что-то не так.

Глава XXXV. Смертельный холод

Через мгновение оба мужчины напрягли слух. К открытому окну комнаты кто-то приближался, шаркая ногами. Доктор Хейли достиг окна как раз в тот момент, когда высокая фигура в черном халате показалась из темноты. Это был Дахлан.

— Оуэн с вами? — спросил старик.

— Да.

— Я хочу поговорить с ним в кабинете.

Он запахнул халат и исчез. Затем они услышали, как его шаги пересекают холл. Когда он возник в дверном проеме, цвет халата составил резкий контраст с матовой белизной щек. Лицо увяло, дряблые веки спадали на глаза, будто отгораживая его навсегда от того мира,

которым он был уничтожен. Сын поднялся ему навстречу.

— Сиди, Оуэн.

Иссохшая рука описала жест, больше похожий на просьбу, чем на приказ. Дахлан сел и откинул голову на спинку кресла, обнажив тощую, как у стервятника, шею.

— Сон бежал меня, — заговорил он. — Не могу спать.

Слабая аффектация в голосе и некоторая архаичность речи не могли скрыть его возбуждения. Доктор Хейли увидел, что Оуэн искренне разделяет озабоченность отца.

— Есть ли у вас какие-нибудь идеи, — спросил Дахлан у доктора, — как этот человек, Барли, встретил свою смерть? Хотя, думаю, что нет.

— Никаких.

— Эти убийства необъяснимы, не так ли?

— Пока мы не нашли им объяснений.

Дряблые веки сомкнулись.

— Вы не найдете никаких объяснений. И не ищите, чтобы не прибавилась печаль к печали.

Пальцы Дахлана забарабанили по подлокотникам, мышцы вокруг рта начали неестественно сокращаться.

— Бог справедлив, — благостно прозвучал его голос. Он повернулся к сыну. — Я чувствую скорый конец, но прежде чем он наступит, я должен кое-что сказать тебе.

Он начал приподниматься в кресле. Оуэн отпрянул.

— Я уже знаю.

— Это невозможно.

— Ты хочешь сказать, как и почему моя мать встретила свою смерть.

В комнате стало очень тихо. словно колыбельную, отлив доносил до них жалобный напев ручья.

— Твоя мать, — наконец выдавил из себя Дахлан, — умерла от дифтерии.

— Вы знаете, сэр, что моя мать утопилась в ручье?

Старик не шелохнулся.

— Это одна часть правды.

— Что вы имеете в виду?

— Была эпидемия, во время которой умерло много детей, в том числе сын Кристины. Твоя мать напросилась в медсестры и заразилась сама. В некоторых случаях, как вы знаете, дифтерия дает осложнение на мозг. — Дахлан испустил глубокий вздох. — Поэтому то, что случилось после, стало следствием повредившегося ума.

Он взял паузу, чтобы перевести дыхание. Оуэн сохранил позу напряженного ожидания.

— Но это еще не всё. Пожалуй, самое время освободиться от тяжелого груза вины, лежащего на моем сердце. Кроме болезни, которая в конечном итоге привела к смерти твоей матери, у этой трагедии были и другие, более глубокие причины. Я пришел сюда, чтобы сказать, что родоначальником этих причин послужило мое безволие.

— Отец, пожалуйста, не продолжай.

* Взято из Флп 2:27, где стих кончается словами: *...чтобы не прибавилась мне печаль к печали.*

Дахлан поднял руку.

— Прошу выслушать меня. — Он дернул воротник халата, словно ему не хватало воздуха. — В детстве у меня обнаружился слабый характер, черта, которую я не смог преодолеть. Я был трусливым там, где требовалась храбрость и робким там, где требовалась решительность. Беда в том, что моя сестра, твоя тетя, полностью компенсировала в себе мои недостатки. Она с самого начала взяла надо мной верх, а я подчинился. Она мертва, но ее власть распространилась так далеко, что я не знаю, как буду жить без нее дальше. Твоя мать была большой умницей, но по силе ума уступала моей сестре. Поэтому наш брак был обречен.

Он ненадолго прервался. Пальцы беспрестанно отбивали свой нервный ритм.

— В восемнадцать лет, после помолвки, твоя тетя стала невестой англичанина. Внезапно я почувствовал себя ужасно одиноким и уехал в Дублин, к старому приятелю, где и встретил твою мать.

Старик глубоко вздохнул.

— Она была очень красивой девушкой, такой же красивой, как Уна. Ее семья владела небольшим клочком земли на западном побережье. Уединенное, дикое место, где болота тянутся на много миль, как пустыня, под грозными небесами. Она выросла среди лошадей и собак, не зная никаких запретов. Глаза у нее были как море, да и вся она была как море. Когда я смотрел на нее, я чувствовал, что постигаю секрет, который искал всю свою жизнь, а именно — освобождение от духовной кабалы. Если бы мне удалось приручить эту прекрасную дикарку, научившись ее силе и мужеству, то я бы смог преодолеть все свои страхи. Я сделал попытку, признавшись, что у меня на сердце, и увидел в ее глазах сочувствие. В ее стране было легко иметь свою душу, легко жить своей мечтой. Мы влюбились друг в друга...

Он замолчал, и все увидели, как по его телу пробежала дрожь.

— Она называла меня «мой суровый шотландец» и обещала превратить меня в необузданного ирландца. По неделям не выходя из дому, я забывал обо всем и думал только о ней. Те дни и всё, что было связано с ними, прошли для меня как во сне. Я решил, что нам не обязательно жить все время в Дахлане, я мог бы устроиться там, мы бы переехали и жили в Ирландии.

Говорил он нараспев, попеременно склоняясь и раскачиваясь в кресле, по замечанию доктора Хейли, как древний бард, воскрешающий давно забытые мотивы. Глаза его увлажнились, слезы катились по щекам, от морщинки к морщинке.

— Это была измена, поскольку мой отец поклялся, что чужаки никогда не будут жить в Дахлане. Но даже мой отец ничего не мог бы поделать со мной на тех пустошах. Я был очарован народом твоей матери, которого не волнуют идеалы этих мест. Твои ирландские дед и бабка, тетушки и дядюшки — все мыслили одинаково. Они принадлежали жизни, представлениям, природе, которая окружала их и подпитывала, и друг другу. Они были столь же щедрыми, сколь и храбрыми, и их гостеприимство не знало границ. Никто из них не задавал никаких вопросов, а я верил каждому их слову. Я больше не чувствовал себя одиноким, я был рад, что сестра обручилась. Другими словами, я совершенно растворился в твоей матери.

Через несколько месяцев мы поженились. Когда мы вернулись из нашего свадебного путешествия, помолвка твоей тетки была расторгнута. Она умоляла, чтобы ей разрешили пожить какое-то время здесь, пока она не подыщет жилье в каком-нибудь другом месте. Не буду лукавить перед тобой, что, откликнувшись на эту просьбу, я будто бы не сознавал, что жертвую своей любовью.

Он снова вздохнул. — Так оно и случилось. Сестра призналась мне, что разорвала помолвку, потому что ни покинуть этого дома, ни войти в другую семью она не могла. Естественно, твоя мать возмущалась ее вмешательством в нашу семейную жизнь и хотела избавиться от нее. Между ними началась дуэль, в которой я был беспомощным и невольным зрителем. Обе ежедневно жаловались мне. Скоро, очень скоро победил самый

неуступчивый.

У твоей матери был вспыльчивый характер, и вместе с тем она была чертовски отходчива. Мэри не обладала ни тем, ни другим. Раньше меня восхищало ее умение добиваться своего. Неутомимая, как паук, и такая же расчетливая. Везде паутины, паутины, плести интриги до тех пор, пока ее жертв не опутают нити покрепче, чем сталь. Грубая сила ничто против такой тонкости.

Он склонился вперед. Его голос стал громче.

— Ибо я был грубым, а это путь слабаков. Я любил твою мать, и иногда осмеливался сопротивляться. Порой я срывался и бунтовал против тирании, которая угрожала нам, но это было все равно, что обижаться на няню за отобранные у тебя игрушки. Потом родился ты.

Дахлан снова закрыл глаза — молчаливая фигурка, будто вырезанная из слоновой кости. Затем барабанная дробь по резному дереву возобновилась.

— Твое рождение, — продолжал он, — лишь усугубило ситуацию, потому что ты являлся наследником. Твоя мать заявляла, что ты принадлежишь ей; твоя тетя — Грегорам. Она намеревалась забрать тебя у матери еще и потому, что сама была бездетной. Таким образом, все фурии, живущие в сердцах женщин, вырвались на волю. — Он сделал отчаянный жест. — Потоки ненависти захлестнули меня. Я чувствовал, что мой брак балансирует на грани катастрофы, но спасти его у меня не хватало духу. Твоя мать сначала возненавидела меня, а потом стала презирать. Прирожденная доброта обратилась презрением, которое жгло без сожаления. Однажды она пригрозила, что бросит меня, если я не укажу твоей тетке на дверь. Ее гнев и обида были безмерны и на тот момент одержали победу. Я сказал своей сестре, что необходимо договариваться заново. Она легла в постель и потребовала врача. Он сказала мне, что очень больна и что если я буду упорствовать в своем желании выставить ее за дверь собственного дома, за последствия она не отвечает. К тому времени твоя мать остыла, великодушие вернулось к ней. Тетя же осталась при своем. Наш брак был разрушен.

Он поднял руку, требуя не прерывать его.

— Когда тело моей жены принесли в эту комнату, мое сердце охватил смертельный холод. Я слышал, как она бросилась в воду, слышал всплеск. Ее положили вон туда. — Он указал на кушетку и продолжал держать палец в ее направлении. — На полу собрались лужицы воды, становясь всё больше, пока не слились в одну большую лужу. Вода тонкими струйками стекала с ее волос и локтей, потому что ее руки были скрещены на груди. Ангус и люди, которые помогли ему вытащить ее из ручья, ушли, оставив меня с ней наедине. Но я ничего не чувствовал... ничего, кроме любопытства. Как зачарованный, я наблюдал за ручейками и лужицами. Я их пересчитал: одиннадцать ручьев и семь лужиц. Одиннадцать и семь. Затем я вспомнил последние минуты, которые мы провели вместе, после ранения твоей тети, и повторил вслух то, что тогда ей говорил: «Ты убила мою сестру, ты разрушила мою жизнь и жизнь моего сына. Остается только одно. Скоро прилив...» И она послушалась меня. Но то, что она сделала, казалось каким-то невероятным и далеким, словно из давно прочитанной и забытой книги, о которой снова вспомнили. Поэтому я призвал ее открыть глаза...

Он качал головой и кивал, отзываясь, возможно, на какой-то отдаленный голос души.

— Думал ли я, что она мертва? Я повторял и повторял слово «мертва», пытаюсь вспомнить его смысл. Но в нем не было никакого смысла. Внезапно я понял, что все трудности и проблемы в моей жизни закончились. Если бы Мэри поправилась, а доктор надеялся, что она поправится, потому что нож миновал сердце, мы снова бы зажили общим домом, как в старые времена. Понимаете, я полностью делегировал волю и разум сестре. Ее глазами я смотрел на мертвое лицо жены. — Он снова ослабил воротник халата. — Ее глазами я смотрю на тебя, наш дом, нашу семью. Когда я решил, что Уна способствовала смерти Мэри, я сказал ей то же самое, что и твоей матери: «Ты убила мою сестру... Скоро прилив...»

— Остановись, отец!

Оуэн вскочил на ноги. Он стоял с перекошенным лицом и сжатыми кулаками. Старик опустил голову.

— Прости меня.

— Зачем ты мне это говоришь? Зачем ты мне это говоришь?

Доктор Хейли увидел, как Дахлан содрогается всем телом. Старик схватился с сыном.

— Чтобы вернуть тебе мать, — просто сказал он. — Сейчас мне осталось только одно — вернуть тебе мать.

Дахлан поднялся и снова указал на кушетку.

— Я убил ее. И чуть не убил твою жену. Какие еще преступления могут сравниться с моим?

Он подошел к кушетке и стал смотреть на нее, как будто снова увидел свою жену с капающей с ее волос и локтей водой. Но его лицо ничего не выражало. Он был искренним, говоря, что его сердце объял смертельный холод. Оуэн не сводил с него глаз, исполненных ужаса, пока старик не вышел из комнаты.

Глава XXXVI. Маска

Доктор Хейли положил руку на плечо Оуэна.

— Проявите милость, — мягко сказал он.

— Милость?

Молодой человек повторил последнее слово механически, не особенно вдаваясь в его смысл. Он продолжал смотреть на дверь, за которой скрылся его отец.

— К скорбящему разуму.

Оуэн внезапно повернулся к доктору и в упор посмотрел на него.

— Вы называете это скорбящим разумом? — В его голосе была горечь. Он подошел к камину и остановился, глядя вниз на пустую решетку. Доктор Хейли последовал за ним.

— Люди, чьи лица обезображены, — сказал он, — вынуждены носить маску. То же самое относится к искалеченным душам.

— Что вы имеете в виду?

— Когда ваш отец положился на разум и волю своей сестры, он обрек себя на наказание, которое взыскивается в стыде и отчаянии. Единственное прибежище слабых — сила других. Чтобы вырваться из ада собственных мыслей и чувств, необходимо было полностью и слепо довериться мыслям и чувствам вашей тети. Моральная трусость использовала эту маску с самого начала. Но лицо за маской всё еще живо.

— Я понял.

— Помните, вашей матери по-своему нравилась эта мягкотелость. Она позволила вашей тете остаться здесь. Возможно, она даже была готова терпеть горькие плоды этого сожительства, когда болезнь на мгновение помрачила ее рассудок. Я уверен, что она меньше всего желала видеть вас малодушным и нетерпимым. Ваш отец потрясен, потому что вам нечего было ему сказать. Как видите, он рассматривает эти убийства как проявление высшей воли, навлечение Божьего гнева на себя самого. Человек совершенно потерялся.

Рассудительный тон доктора Хейли избегал каких-либо обвинений.

— По крайней мере, он не оправдывал себя.

Оуэн выпрямился.

— Благодарю, — сказал он. — Я пойду к нему.

Он вышел из комнаты. После его ухода доктор Хейли сел и взял понюшку. Просидев несколько минут с закрытыми глазами, он встал, вышел из комнаты и начал подниматься по лестнице, стараясь делать это как можно тише. Когда он добрался до первой площадки, он остановился, прислушиваясь. В доме было тихо. Он продолжил подъем, останавливаясь через каждые несколько ступеней. В конце лестницы он неожиданно присел. Слабый звук голосов достиг его ушей.

Он выждал несколько минут и закончил восхождение. Теперь он мог слышать голоса. Они шли из детской, и он узнал ясные, уважительные интонации Уны. Он немного колебался, а затем решил продолжить предприятие, ради которого поднялся вверх. Он пересек узкую лестничную площадку и положил руку на дверь кладовой, из окна которой они с Барли разглядывали штырь, заделанный в стену над спальней мисс Грегор. Он повернул ручку и открыл дверь. В ту же секунду дверь детской отворилась. Уна, застыв на пороге, вскрикнула от ужаса и отступила назад. Затем она узнала его.

— Доктор Хейли! Я... я подумала, что это...

Она замолчала и подошла к нему. Бледна и измучена, подумал доктор Хейли, но глаза светлые.

— Хэмиш раскапризничался, — сказала она. — Мы с Кристиной еле уложили его.

Она провела его в детскую. Несмотря на жаркую погоду, в камине пылал огонь, и кипел чайник. Комната несла в себе атмосферу покоя, которая благотворно воздействовала на него и поражала тем, что резко контрастировала с угнетающей обстановкой только что покинутой им комнаты. Он подошел к детской кровати и, стоя там, некоторое время смотрел на спящего ребенка. Нежное личико обладало свойствами цветка, что является неизменным признаком детства, — черты его были изысканно плавными и мягкими. Кристина присоединилась к доктору. Она обратила его внимание на маленькие красные пятна на лбу ребенка.

— Кажется, это крапивница, — тихо произнесла она.

— Да. Вот настоящий корень его бед.

Уна встала у огня.

— Вы не представляете, — с жаром откликнулась она, — каким облегчением стал для меня ваш взгляд на его болезнь. Это было светлое пятно во всех наших несчастьях.

Она пересекла комнату.

— Есть ли какой-нибудь просвет в смерти того бедняги?

— Никакого. — Доктор Хейли полировал монокль большим и указательным пальцами. — Вы были здесь, когда наступила смерть? — строго спросил он.

— Да.

— Окно было открыто?

Она вздрогнула и кивнула в знак согласия.

— Вы что-нибудь слышали?

Возникла пауза.

— Странно, но, кажется, я слышала всплеск... два всплеска. — Она говорила нерешительно, словно звуки встревожили ее.

— Вы посмотрели в окно?

Он снова заметил, как она вздрогнула.

— Да, посмотрела после того, как услышала повторный всплеск. — Нотка страха закралась в ее голос. — На воде играли лунные блики, где ручей сливается с озером. Я увидела над водой темную точку, похожую на голову тюленя, которая двигалась к озеру, но

когда луна осветила ее, она вспыхнула и замерцала.

— Как рыба?

— Именно так.

Доктор вставил монокль в глаз.

— Несколько человек видели один и тот же объект, — осторожно заметил он. — И по-своему интерпретировали его. Как вы думаете, что это было?

— Затрудняюсь сказать.

Доктор Хейли повернулся к няне.

— А вы видели?

— Нет, сэр, в то время я ходила за молоком для ребенка. Но миссис Грегор мне рассказала.

— Раньше здесь наблюдали что-нибудь подобное?

— Никогда не слышала о таком, сэр.

Руки Кристины были сложены в замок. Она сжала их. Суеверный страх появился в ее глазах.

— Рыбаки поговаривают, — произнесла она с ужасом в голосе, — что иногда по ночам некоторые из этих тварей плещутся около их лодок.

— Да?

— Они пугаются, когда слышат плеск...

Доктор Хейли пожал плечами.

— Знаете, в Лох-Файне полно морских свиней, — сказал он. — Их стая может наделать много шума.

Старуха не ответила. Она продолжала сжимать руки и качала головой. Стоя, он с минуту разглядывал ее. Монокль упал.

— Одна из горничных сказала, что слышала всплеск в ту ночь, когда инспектор Дандас был убит. А вы той ночью что-нибудь слышали?

— Нет, сэр.

— Окна тогда были открыты?

Кристина кивнула. — Из-за этой проклятой жары, — сказала она, — мне пришлось держать их открытыми.

Доктор Хэйли подошел к окну и посмотрел в него. Луна ушла, но ее свет все еще падал на воду сквозь редкие разрывы между облаков, вновь надвигающихся с запада и проплывающих по ее диску.

— Здесь из любого окна должен быть слышен всплеск, — сказал он как будто в укор и повернулся к женщинам. — Погода, кажется, меняется. Жара уходит.

Он снова посмотрел на воду. Его лицо нахмурилось, словно в голове созрело какое-то важное решение. Казалось, он колеблется с объяснением, и от этого хмурился еще больше. Наконец он отвернулся от окна и обратился к Уне.

— Этот всплеск может оказаться куда серьезнее, чем вы думаете, — продолжил он в сдержанных тонах. — Я считаю, что мы должны знать о нем всё, что может быть известно.

Он замолчал. Девушка впиалась в него глазами. Она покачала головой.

— Услышав всплески, я ужасно испугалась, — призналась она. — Той ночью в них было что-то жуткое, нечеловеческое. Но, возможно, мои нервы разыгрались на фоне происходящего...

С коротким извинительным жестом она добавила: — Когда знаешь, что под лестницей дежурит полицейский.

— Другие были напуганы этими всплесками так, что хотели сбежать из дома.

Она снова покачала головой. — Я и сама была бы рада сбежать, но... — Он увидел, как она заглядывает в детскую кроватку. Ее глаза наполнились слезами, и она отвернулась.

— Вы можете помочь мне, — мягко сказал он ей. — В течение некоторого времени мне нужно, чтобы вы снова кое-что услышали. Я спущусь вниз и проведу эксперимент, результаты которого, надеюсь, прольют свет на это ужасное дело. Или не прольют. Он немного помолчал, задумавшись. Пункты, которые я собираюсь проверить, следующие: услышите ли вы открывающиеся двери и окна; сможете ли вы услышать несколько всплесков в устье ручья; хорошо ли вы различите мелкие предметы на поверхности воды из этих окон? Больше пока ничего говорить не буду, потому что хочу, чтобы ваше суждение было объективным, но скажу, что хочу выйти из дома через французское окно в кабинете. Я буду довольно громко кашлять, прежде чем выйду; я особенно хочу, чтобы вы услышали этот кашель. Затем будет всплеск, возможно, не один.

Он внимательно наблюдал за Уной, пока излагал свой план. Она проявила к нему не больше интереса, чем того требовали обстоятельства.

— И еще. Я хочу, чтобы все наблюдения были сделаны в этой комнате. Могу я попросить вас оставаться в этой комнате до моего возвращения? — Он дважды подчеркнул «в этой комнате». Он заметил удивление на ее лице, но она никак не отреагировала на его слова.

— Хорошо, я останусь в этой комнате — сказала она, — пока вы не вернетесь. Вы хотите, чтобы я стояла здесь или у окна?

— Для начала здесь. Когда услышите всплеск, немедленно подойдите к окну и посмотрите в устье ручья.

Мягко ступая, чтобы не разбудить ребенка, он подошел к двери и обернулся.

— Помните, — сказал он громким шепотом. — Вы услышите кашель непосредственно перед тем, как я выйду из французского окна. Эту дверь я оставляю приоткрытой. Таким образом, вы можете услышать кашель либо через дверь, то есть изнутри дома, либо через окно, то есть снаружи. Попробуйте найти различие между этими двумя вариантами.

Он спустился по лестнице на первый этаж. Свет горел только в пустой курительной комнате. Из оружейной позади кабинета доносились голоса. Он постучал в дверь, и пронзительный голос Дахлана пригласил его войти.

Дахлан, все еще в халате, занимал единственное кресло в комнате. Его сын стоял рядом, и рука старика лежала поверх руки Оуэна. Картина была столь умиротворяющей, что доктор на секунду пожалел о своем вторжении. Но старик не заметил, что им помешали.

— Простите меня, — сказал доктор Хейли, — но наконец-то я увидел проблеск света. Я намерен действовать быстро и не ждать, пока он погаснет, поэтому мне нужна помощь.

Мужчины напряглись, услышав его; на лицах обоих была тревога.

— Пролеск света, — повторил Дахлан голосом обреченного арестанта, в котором затеплилась надежда.

— Возможно, я заблуждаюсь. Я не питаю ложные иллюзии, да и впасть в подробности времени нет. — Он бросил взгляд на окно. Глубокий, насыщенный, темно-синий цвет неба не изменился, зато очертания облаков стали более резкими. Он повернулся к Оуэну. — Вы пойдете со мной?

— Конечно.

— Как насчет меня? — спросил Дахлан.

— Вас известят в самое ближайшее время.

Они оставили старика наслаждаться покоем и пересекли зал в направлении курительной комнаты. Доктор Хейли закрыл дверь.

— Я собираюсь назначить встречу, — заявил он. — В случае вашего согласия сопровождать меня, могу ли я получить от вас гарантии, что вы будете беспрекословно выполнять все, что я скажу, не задавая при этом никаких вопросов?

— С кем встреча?

Доктор колебался. Затем, слегка нахмурившись, поднял брови.

— С убийством, — лаконично сказал он.

Глава XXXVII. Возвращение пловца

— Я хочу, чтобы вы принесли катушку черных ниток и несколько булавок, — быстро проговорил доктор Хейли. — Их можно найти внизу, в людской. И ни в коем случае не ходите по лестнице.

Оуэн не пытался скрыть своего удивления, но армейская выправка мгновенно привела его в чувство.

— Хорошо.

Он вышел из комнаты. Оставшись один, доктор прошел в маленькое помещение, выходящее в холл, где были развешены шляпы и пальто. Он снял свою шляпу с вешалки и перенес ее в кабинет. Он с беспокойством посмотрел в ночь, затем глянул на часы. Силуэты деревьев за окном едва различались. Примерно через пять минут Оуэн вернулся с нитками и булавками. Он молча передал их своему компаньону.

— Подождите здесь, — сказал ему доктор Хейли. Он вышел из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь. Вернулся он с двумя пальто — одно надел сам, другое, переброшенное через руку, протянул Оуэну.

— Пожалуйста, наденьте это, — потребовал он, — и поднимите воротник, затем следуйте за мной.

Он потушил лампу и вылез из окна на землю в том месте, где были обнаружены следы Макдональда. Он взглянул вверх, как он это сделал с окном комнаты мисс Грегор, теперь запертым и освещенным луной. Гравий хрустнул под ногой, и, остановившись, он внезапно замер. Когда Оуэн присоединился к нему, он настоятельно призвал его, по возможности, проявлять максимальную осторожность и действовать бесшумно.

— Малейший звук может нас выдать. В такой тишине слух обостряется.

Они пересекли гравийную дорожку, ведущую к парадной двери. Когда они достигли берега ручья, поросшего травой, доктор приказал своему компаньону лечь и не двигаться. Сам же упал на траву и пополз в направлении окна кабинета. В темноте Оуэн потерял его из виду, затем ему показалось, что он вроде как видит его у окна; но через мгновение он отказался от этой мысли. В воздухе всё еще стояла жара, он взмок и чувствовал себя раздавленным. И вправду говорят, подумал он, что самые темные дела творятся до рассвета, возможно, в тот жуткий час, когда четкие линии размыты тенями и туманами. Где сейчас доктор и что он делает?

Кашель, сухой и короткий, пронзил тишину. Затем раздался голос доктора Хейли, вибрирующий от волнения и страха.

— Не выходите!

Блеснуло что-то стальное, и Оуэн решил, что ему послышался глухой удар. Затем от дома отделилась какая-то тень и галопом помчалась вниз по берегу к тому месту, где он нес дозор. Когда тень проскочила мимо, прыгнув в воду, он вытер лоб рукой и обернулся на всплеск.

Черный объект, напоминающий тюленя, быстро плыл в сторону моря. Он был уверен, что и в самом деле видел тюленя.

Пока лунный свет не коснулся темной головы. Она сверкала.

Оуэн снова вытер лоб. И почувствовал, как его сердце колотится о ребра.

Стон, глухой и жалобный, донесся до него со стороны французских окон. Он услышал, как чей-то слабый голос зовет его по имени.

Глава XXXVIII. Лицо в воде

Оуэн поднялся и побежал к окну. Когда он подошел к нему, он увидел высокую фигуру доктора Хайли, склонившуюся над распростертым телом в том же месте, где упал замертво инспектор Барли. Доктор посветил фонариком в лицо лежащего перед ним человека. С губ Оуэна сорвался крик. Это был его отец.

Старик снова произнес его имя. Он упал на колени возле него.

— Это я, отец, Оуэн.

Длинные увядшие веки широко раскрылись. На тонких губах появилась счастливая улыбка.

— Дай мне руку...

Оуэн держал в своих руках руки отца. Он наклонился и поцеловал старика в лоб.

— Я убит, мальчик... — Дахлан испустил новый стон, лицо судорожно дернулось. Но спазм боли прошел. — Он ударил меня по голове... как полицейского. — Он замолчал, задыхаясь. Доктор Хейли склонился вперед:

— Пожалуйста, не пытайтесь говорить, сэр, это только отнимает ваши силы.

Дахлан покачал головой. Он сильнее сжал руки сына.

— Это была моя вина, — прошептал он, — с самого начала. Но ты простил меня. Повтори еще раз, Оуэн, мальчик, ты простил меня?

— Да, отец.

Он снова улыбнулся. Доктору Хейли показалось, что лицо Дахлана внезапно помолодело. Но столь же внезапно потухли глаза. Холодная неподвижность затягивала черты, фиксируя бесстрастное выражение. Он судорожно задвигался, как человек, пытающийся разорвать прочные узы. Опираясь в землю, он приподнялся на локте и произнес:

— Это, должно быть, смерть...

Вдруг его голос стал твердым и полным страсти. Он произнес имя «Кэтлин» и спустя мгновение умер на руках Оуэна. Доктор Хейли распахнул его халат и приложил ухо к груди.

— Мертв.

— Что же это такое, доктор? Кто эта ужасная тварь?

Оуэн охрип от нахлынувших чувств.

— Ваш отец вышел через окно. Я не успел предупредить его. Он вышел, несмотря на мой крик.

Молодому человеку стало трудно дышать. Он склонил голову.

— Он пробежал совсем близко от меня, спускаясь к ручью. Если бы не ваш приказ, я бы остановил его. Я видел, как он уплывает.

Его голос дрожал от ужаса.

— Мы должны отнести его в дом, — сказал доктор. — К сожалению, кое-что мы не доделали. Вы должны собрать все свое мужество.

— Что вы имеете в виду?

— Беритесь...

С этими словами доктор Хейли пропустил руки под тело старика, и после некоторого замешательства Оуэн последовал его примеру. Они подняли тело и медленно направились к французскому окну.

— Лучше отнести его в курительную комнату.

Осторожно лавируя в темноте, через несколько минут они наткнулись на кушетку. Когда тело Дахлана легло на ту же кушетку, на которой когда-то лежала его жена, Оуэн не выдержал и расплакался. Доктор Хейли чиркнул спичкой, чтобы зажечь лампу. Он увидел молодого человека, стоящего на коленях и обнимающего тело.

В открытую дверь тихо постучали. Звук показался им мерзким, несвоевременным и неуместным.

Оуэн вскочил на ноги.

— Что это было?

Он выбежал в холл и прислушался. Доктор Хейли вышел за ним. Кто-то тяжело дышал за открытым окном кабинета. Доктор зажег свой фонарик. Внезапно раздался пронзительный крик. И снова всплеск. Оуэн повернул руку своего компаньона с фонариком так, чтобы луч осветил его лицо. Оно было бескровно, лоб серебрился от пота.

— Вот опять.

Они бросились к французскому окну. В первых лучах рассвета устье ручья показалось им черным, как старое олово. Спокойствие воды было нарушено, хотя ветер не дул.

Они бросились вниз, к краю воды. Сейчас, под разливающимся в небе сиянием, она стояла неподвижно, как стекло. Доктор Хейли погрузился в воду, которая поднялась ему выше пояса, а затем наклонился. Оуэн увидел белый предмет, в котором внезапно узнал человеческое лицо, возникшее из воды.

Глава XXXIX. Доктор Хейли объясняет

Через час доктор Макдональд, прихрамывая, вошел в кабинет, где его ждали Уна, Оуэн и доктор Хейли. Он сел и вытянул деревянную ногу.

— Ну? — спросил доктор Хейли.

— Соглашусь с вами. Дахлан был убит точно так же, как были убиты Дандас и Барли. Кристина умерла от утопления, но ее рука была сломана. На ране Дахлана и на одной из рук Кристины имеются чешуйки сельди. — Лицо Макдональда выражало страшное недоумение. — И все же мы остаемся без объяснения, — заключил он.

— Я так не думаю. У меня есть объяснение. — Доктор Хейли вставил монокль в глаз. Он повернулся к Оуэну: — Свет впервые забрезжил, — сказал он, — когда ваш отец сказал мне, что во время эпидемии дифтерии в здешних местах ваша мать ухаживала за сыном Кристины до самого последнего дня его болезни, пожертвовав для мальчика своей жизнью. Я знаю характер горцев. Благодарность — одна из самых сильных его черт.

Он поднялся и встал перед камином.

— С этого часа Кристина, я уверен, отдала вам всю материнскую любовь, которая принадлежала ее сыну, и, кроме того, всю доброту, которую пробудила в ее горячем сердце жертва вашей матери.

— Так и есть, — воскликнул Оуэн. — Именно она была моей настоящей матерью.

Его глаза наполнились слезами. Он поспешил отвести их в сторону.

— По этой причине ее отношение к вашей тетке можно охарактеризовать не иначе, как глубоко неприязненное. Она и в самом деле призналась мне, что чувствует к ней неприязнь. Она видела, как мучилась по прихоти вашей тетки невеста вашего отца; она видела, каким образом было разрушено счастье вашей матери, проще говоря, оно было взято на измор человеком, для которого семейные радости вообще не аргумент, и она знала, что в определенном смысле мисс Грегор несла прямую ответственность за гибель вашей матери. — Доктор склонился вперед. — Но в то же время она была женщиной из Хайленда, членом этой семьи, в чьих верных глазах долг перед вашим отцом, кому она служила и подчинялась, затмил всякий другой долг. Поскольку ваша тетя была сестрой Дахлана, она продолжала служить ей.

Такое положение вещей сохранялось на протяжении всего пути вашего становления — от малых лет до женитьбы. Поведение Кристины по отношению к вашей тетке оставалось почтительным и заботливым, до тех пор, пока не заболел ваш маленький сын. Но болезнь Хэмиша все изменила.

Доктор замолчал и поправил монокль.

— Эта болезнь, несомненно, встревожила не только мать, но и няню. Для суеверного сознания, а Кристина была носителем менталитета своей нации, припадки, даже самые легкие и незначительные из них, всегда принимают форму сверхъестественного. Именно по этой причине детей-эпилептиков в деревнях всего мира называют «бесноватыми». Кристина, несомненно, чувствовала, что в доме присутствует какая-то злая сила. Ей не нужно было далеко ходить, пример был перед глазами. Ваша тетка начала проявлять в отношении вашей жены те же знаки агрессии, что и в случае с вашей матерью. Перед глазами женщины, любящей так, как может любить только мать, повторялась семейная трагедия вашего отца. Поэтому к сильным материнским чувствам примешивался суеверный страх, который рано или поздно, дав о себе знать, подвигает человека к активным действиям. Ваша тетка стала смертельным врагом Дахланов, поскольку в глазах Кристины подспудно и злонамеренно разрушала здоровье своего юного наследника, возможно, даже угрожая его жизни. Таким образом, служение вашей тетке превратилось в противостояние ей любыми средствами. Материнство и преданность семье объединились против общего врага.

Доктор Хейли позволил моноклю опуститься. Он нажал на одну из кнопок своего жилета, и звук щелчком ударил по тишине, стоявшей в комнате.

— Кристина была уверена, — сказала Уна, — и она говорила мне об этом, что на Хэмиша оказывается какое-то злокозненное влияние. Она сказала, что ребенок не поправится, пока это влияние не будет уничтожено.

— Совершенно верно.

— Повторяла раз за разом.

Доктор Хейли вставил монокль.

— Будем держать это в уме, а пока позвольте перенестись в вечер смерти мисс Грегор. Ему предшествовали два важных события, а именно: ваш побег, миссис Грегор, и вскрывшийся факт ваших встреч с доктором Макдональдом на берегу озера. В первом случае Крестину послали в качестве миротворца, чтобы доставить вас домой, но из того, что вы, Макдональд, рассказали мне, я сделал вывод, что хотя Кристина и освободила свою молодую хозяйку от всяческой вины, с вас эту вину снимать она не собиралась. Кажется, она процитировала: *«Что Бог сочел...»*

— Да-да, она сказала это, когда выходила из дома.

— Обратите внимание, как она ревниво относилась к чести Дахланов. Когда она узнала, что честь была задета встречами на берегу, в ней, несомненно, вновь пробудилась ревность. Не ее разум, полагаю, способный понять необходимость искать совета в затруднительной ситуации, а ее собственные чувства требовали этого так сильно, что она не могла представить себе душевное состояние, в котором такая потребность отсутствует. —

Он повернулся к Оуэну. — Следовательно, она предвидела неминуемый крах вашего брака, узнай вы о том, что произошло. И в этом ваша тетка представляла опасность. — Уна горячо вспыхнула. Она положила руку на руку мужа.

— Кристина призналась мне, — сказала она, — что очень боялась возвращения Оуэна, поскольку «старая леди собиралась отравить ему душу».

— Она попросила вас, как можно реже видеться с доктором Макдональдом?

— Да. Я сказала ей, что Оуэн поймет все правильно.

— И чему она не поверила?

— И чему она не поверила.

Доктор Хейли кивнул. — Хорошо, теперь вернемся к вечеру убийства. Важный момент — в тот вечер вы, миссис Грегор, рано легли спать после тяжелой ссоры с вашей тетей. Но вас разбудил очередной припадок Хэмиша. Вы накинули синий халат и отправились в детскую. Кстати, письмо, полученное вами от мужа, где он описывает свои финансовые неудачи и просит вас не очень досаждать тете, послужило причиной того, что вы спустились вниз, оставив доктора Макдональда заниматься Хэмишем. Заодно вы хотели сообщить ей о состоянии мальчика. Кристина покидает спальню мисс Грегор со свечой в руке. Увидев, что вы заходите, старуха в ужасе изгоняет вас из спальни и запирается на ключ.

Он вопросительно поглядел на Уну. Та утвердительно кивнула.

— Да.

— Почему же мисс Грегор отреагировала столь необычным образом? Полагаю, ответ кроется в том, что полумрак, тусклая свеча в руке и синий халат сделали из вас мать Оуэна. Когда-то она вошла в эту комнату с синем одеянии, но в руке у нее был нож. Безумие вспыхнуло в ее глазах...

Голос доктора Хейли упал до шепота.

— Вспышка безумия, рокового последствия дифтерии, моментально лишила свою жертву самоконтроля, и мисс Грегор получила серьезное ранение в область сердца. Память о том ранении была все еще свежа, и она запаниковала. В панике она запирает дверь, закрывает окна. — Он повернулся к Макдональду: — Вы слышали, как окна закрылись?

— Да, слышал.

— Вот почему она заперлась в своей спальне. Нет сомнений, что дверь была заперта изнутри. Теперь рассмотрим случай инспектора Дандаса. Этот несчастный человек натолкнулся на одно важное обстоятельство. Он обнаружил, что вы, капитан Грегор, проигрались в карты и по возможности рассчитывали на деньги своей тетки. Думаю, вы сказали своей жене, что Дандас был в курсе этой возможности?

— Да.

— Где вы ей об этом сказали?

Оуэн выглядел озадаченным. Он нахмурился, затем морщины на его лбу разгладились.

— Я помню, что говорил ей, когда мы сидели в детской.

— Кристина находилась в комнате?

— Да. Я прекрасно помню. Кристина сказала, что не доверяет Дандасу и ждет от него больших неприятностей. Он замучил ее перекрестными допросами, к тому же осмелился обращаться с ней, как с прислугой.

— Понятно. Дандас угрожал *вашей* безопасности. Хуже преступления в глазах Кристины быть не могло. Случай Дандаса отличается от случая Барли только тем, что последний угрожал вашей жене. — Доктор Хейли повернулся к Уне: — Была ли Кристина в детской, когда вы услышали всплески и увидели черный силуэт, плывущий в ручье?

— Нет, ее не было. Она выходила в кладовку...

— Была ли она в детской, когда был убит Дандас? Если помните, вы ждали меня там, чтобы я посмотрел Хэмиша?

Уна вздрогнула; страшное понимание озарило ее глаза.

— И тогда она тоже выходила в кладовку, — медленно произнесла она.

Монокль упал. Доктор Хейли сел и достал табакерку.

— В каждой из этих ран, как вы знаете, была обнаружены чешуйки сельди. Поэтому на протяжении всего расследования предпринимались усилия по розыску орудия, которое могло нести на себе такого рода улики. Они были неудачными. В комнате мисс Грегор орудия найдено не было, не было его и в комнате Дандаса, не обнаружили его и рядом с телом Барли, хотя сопровождающая в полицейской машине говорила о блеске стали. — Он обратился к Оуэну: — Вы сказали, что блеснуло что-то стальное в момент нападения на вашего отца?

— Я уверен, что мне это не показалось.

— Но при этом самого орудия вы не заметили?

Молодой человек покачал головой.

— Нет.

— Рана вашей тети выглядела ужасной, но не была смертельной. В таких случаях ожидать сильного кровотечения вполне естественно. Но фактически крови было очень мало. Возможны только два объяснения: либо она умерла мгновенно, испытав шок от ранения, либо орудие осталось в ране. Она не умерла в тот момент, когда ее ранили, потому что от окна к кровати тянется кровавый след. Никто не выходил из ее комнаты. Это установлено точно, не только потому, что ваша жена и Макдональд находились комнатой ниже, когда окна были закрыты и открывался прекрасный вид на тот единственный путь, который был в распоряжении спасающегося бегством убийцы, но и потому, что окна были закрыты изнутри. Мы приходим к абсурдному заключению, что орудие, убившее вашу тетю, исчезло, как только сердце этой женщины остановилось, то есть, когда ее кровь перестала течь.

Он взял щепотку табака.

— В каждом случае орудие исчезало после того, как был нанесен удар. Вернитесь мысленно к убийству леди. Вы, миссис Грегор, последний человек, кто видел ее живой. Затем ее охватила паника. Думаю, первой мыслью у нее было вернуться в постель и укрыться под одеялом. Но вскоре ее внимание привлекли открытые окна. Что, если нападение случится с этой стороны? Паника не вызывает сомнений; идет атака. Она бросается к одному окну, закрывает его. Она собирается закрыть другое, но слышит вдалеке моторку капитана Грегора. Этот звук, с его обещанием безопасности и торжества, успокоил ее. Она выглядывает из окна, чтобы прислушаться и получше разглядеть. И когда она так выглянула, следует удар и ранение. Она отшатнулась, она в шоке и не может понять, что произошло, снова паника. Одна ее рука беспомощно повисла, но ей удается закрыть и запереть окно другой. Шатаясь, она идет к кровати... Ее сердце останавливается...

Доктор склонился вперед.

— Все вы знаете, какое значение уделял Барли металлическому штырю в стене над окном мисс Грегор. Из кладовки на верхнем этаже он заметил, что в одном месте слой ржавчины на штыре нарушен, из чего сделал вывод, что была использована веревка. Есть еще одно объяснение. Орудие, поразившее мисс Грегор в момент, когда она высунулась из окна, могло во время своего движения ударить по штырю сверху. Что, собственно, и произошло

Он встал и занял свое прежнее место у камина.

— Когда мисс Грегор высунулась из окна, Кристина из кладовки наверху увидела ее. Кристина тоже слышала звук моторки. Для преданной, мнительной женщины этот звук

означал гибель всех, кого она любила: вас, капитан Грегор, вас, миссис Грегор, и вашего ребенка. Самого Дахлана. Через несколько минут злая воля мисс Грегор была бы исполнена, что положило бы конец вашему браку точно так же, как положило конец браку вашего отца и окончательно уничтожило бы будущее вашего сына.

Доктор Хейли сделал паузу, а затем тихо добавил:

— В тот момент, когда она услышала звук моторки, Кристина откалывала лед от большого куска, чтобы приготовить холодный компресс для Хэмиша.

Глава XL. Конец

Тишина в комнате была нарушена первыми чистыми нотами черного дрозда. Через мгновение зазвучал целый хор — извечная песнь рассвета ворвалась в их уши. На лице доктора Хейли появился добродушное выражение.

— В этот момент Кристина, — сказал он, — получила от своих богов сигнал к действию. Она схватила кусок льда и бросила его вниз. Он ударился о штырь и разлетелся на несколько острых, как кинжалы, осколков. Один из них вонзился в грудь мисс Грегор и прочно застрял в ране. Но из-за жары он быстро растаял; к тому времени старая леди была уже мертва.

На Кристину указывало то, что все ее действия можно было предугадать. У людей, чувствующих, что само небо призвало их противостоять силам зла и что им несказанно везет, быстро развивается духовная гордыня, что в большинстве случаев, если не всегда, означает безумие. Кристина возомнила себя хранителем семьи Грегор. Как только она услышала, что Дандас подозревает вас, капитан Грегор, она вынесла ему смертный приговор. Комната выше этажом, как вы знаете, пустует. Всё, что ей было нужно — дожидаться, когда он высунется из окна. Несомненно, жара заставила бы его делать это довольно часто. Она знала, что мы с Макдональдом поднимаемся вверх; она слышала, как Дандас пожелал нам спокойной ночи. Наконец, она видит его. На этот раз ледяная глыба не раскололась, так как над комнатой Дандаса штыря не было. Она скатилась по берегу и плюхнулась в ручей. Течение понесло ее к озеру. С Барли процедура повторилась, с той лишь разницей, что нужно было организовать его присутствие под окном. Приманкой послужил предварительный кусок льда, выброшенный из окна, результатом падения которого стали удар о землю и всплеск, услышанные им как раз в тот момент, когда он собирался арестовать вас, миссис Грегор, и возбудившие в нем естественный интерес.

Он прервался и опустил голову.

— Этой ночью, — сказал он с тяжелым сердцем, — я хотел направить страхи Кристины против себя. В целях этого я посетил детскую и дал ряд указаний. Я преуспел, даже слишком. Я добился того, что когда я натягивал нитку, моя шляпа выходила из французского окна. Когда я кашлянул, подав сигнал, неожиданно появился Дахлан. Как вы знаете, я пытался остановить его, крикнув, но было уже поздно.

Он глубоко вздохнул.

— Знать, что ты убила своего хозяина, для женщины в окне было все равно что услышать смертный приговор, — продолжил он. — Падение не убило ее, и как только она поняла, что осталась жива, она тут же бросилась в воду.

Пение птиц заполонило все утреннее пространство. Макдональд резко поднялся, подтаскивая ногу.

— Думаю, — сказал он, — лед закупался в Ардморе. Там все торговые лавки в селедочной чешуе.

К о н е ц